

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Пирожников Александр Николаевич

**ИНЫЕ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА, СВЯЗАННЫЕ
С ОГРАНИЧЕНИЯМИ ПРАВ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ИНТЕРЕСОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Научная специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
Максим Викторович Бавсун

Курск – 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗРАБОТКИ ИНЫХ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА, НАПРАВЛЕННЫХ НА ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВ ЛИЦ, СОВЕРШАЮЩИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	16
§ 1. Правовая природа иных мер уголовно-правового характера, связанных с ограничением прав лиц, совершающих преступления против интересов Российской Федерации	16
§ 2. Исторические предпосылки разработки иных мер уголовно-правового характера, направленных на ограничение прав лиц, совершивших преступления против интересов Российской Федерации	42
§ 3. Правовая регламентация средств воздействия на лиц, совершивших преступления против своих стран в зарубежном уголовном законодательстве ..	69
ГЛАВА 2. ОСНОВАНИЯ, УСЛОВИЯ И ВИДЫ ИНЫХ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА, НАПРАВЛЕННЫХ НА ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВ ЛИЦ, СОВЕРШАЮЩИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	92
§ 1. Характеристика условий применения иных мер уголовно-правового характера, направленных на ограничение прав лиц, совершающих преступления против интересов Российской Федерации	92
§ 2. Основания применения иных мер уголовно-правового характера, направленных на ограничение прав лиц, совершающих преступления против интересов Российской Федерации	121
§ 3. Классификация иных мер уголовно-правового характера, направленных на ограничение прав лиц, совершающих преступления против интересов Российской Федерации	147
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	175
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	181

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования.

Репрессивность наказания, как, впрочем, и в целом всей системы уголовно-правового воздействия находится в зоне серьезной критики отечественной уголовно-правовой доктрины. Между тем ее смягчение не является панацеей для процесса гуманизации, особенно если учесть факторы объективного характера, как то: экономического, внутри и внешнеполитического, социального, демографического и другого рода, трансформация которых с неизбежностью влечет за собой и корректировку объема государственного принуждения. Те изменения, которые мы сегодня наблюдаем в отмеченных направлениях указывают на то, что уже давно устоявшиеся парадигмы оказались неспособными действовать также эффективно как и раньше, а увлечение законодателя в части уменьшения или увеличения объемов и видов наказания или включения в Уголовный кодекс Российской Федерации новых, но разрозненных мер уголовно-правового характера, не относящихся к наказанию, не позволяет действовать системно, а соответственно и, результативно.

В свою очередь, вновь появляющиеся угрозы и вызовы, особенно геополитического масштаба, как раз лишены своего догматизма, и отличающиеся своим соответствием новым реалиям, влекут за собой риски принципиально нового уровня. Что характерно, одним из потерпевших выступает не кто-нибудь, а государство, на что указывает не только история, а все происходящие события, начиная с 1991 года, когда, трансформировавшись мы, тем не менее, именно потеряли свое государство. К сожалению, ни тогда, ни сейчас уголовный закон не способен реагировать как-то особо на сам факт угроз подобного рода. Это в равной степени касается как его не способности обеспечивать предупреждение таких преступлений за счет своевременного устранения их причин, так и в части вторичности его реакции на происходящее, за исключением все того же наказания, зачастую не способного обеспечить требуемого эффекта. В итоге,

при наличии колоссального количества вносимых изменений в уголовное законодательство, в нем появляется совершенно незначительное число чего-то принципиально нового, отвечающего уровню новых рисков и угроз для общества и государства. Однако масштабность таких угроз для государства в последнее десятилетие стала критичной, стремительно пройдя путь от потенции к реальности.

В этом отношении крайне важным, как раз, представляется поиск новых форм и методов противодействия преступлениям, посягающим на интересы Российской Федерации. Отход от репрессии, с учетом ее достаточности в уголовном законе и, в то же время, не способности устранения причин и условий совершения посягательств исследуемой группы, указывают в сторону иных мер уголовно-правового характера. Их потенциал сегодня по-прежнему остается нераскрытым. При этом данное направление уголовно-правового воздействия лишено тех догм, которые уже давно не позволяют развиваться наказанию, историческая обусловленность которого не оставляет ему шансов в части движения вперед. Активно в этом отношении помогает уголовное законодательство зарубежных стран, значительно дальше продвинувшееся в данном направлении, отличаясь смелостью реализуемых идей, их новизной и актуальностью для стоящих перед обществом задач по борьбе с преступностью. Не менее важен в этом отношении и мировой исторический опыт, накопленный в процессе формирования государством позиции по противодействию отдельно взятым, как правило, новым видам преступной деятельности.

Помимо прочего, уход в сторону иного воздействия на лиц, виновных в совершении преступлений против интересов Российской Федерации имеет большое стратегическое исследовательское значение. Это, в первую очередь, формирование принципиально нового подхода к самой проблематике мер иного уголовно-правового характера. Попытка придать этой проблеме системность, закладывая таким образом необходимый фундамент для дальнейшей проработки вопросов, связанных видовым разнообразием, а

также классификацией мер иного характера в уголовном праве, их взаимодействия с наказанием, нацеленности на противодействие преступлениям строго определенных групп, а также многих других вопросов, сегодня не имеющих, но уже давно требующих своего решения. Формирование уголовно-правовой теории, основанной на предыдущих знаниях о механизме государственного принуждения в целом, передового зарубежного опыта, современных тенденций противодействия преступности, ее состояния и оценки новых вызовов и угроз, имеет крайне важное значение для последующей корректировки Уголовного кодекса Российской Федерации, а также практики его применения в данной части.

Попытка рассмотрения наиболее важных вопросов через призму посягательств на интересы государства представляют особую актуальность именно в силу современной геополитической обстановки, а возможные трансформации в данном направлении, безусловно, должны быть первоочередными. Полученный при этом передовой опыт как в части теории, так и с позиции законодательного и правоприменительного процессов, с успехом может быть использован для дальнейшего развития всей системы уголовно-правового противодействия преступлениям отдельных взятых групп и, даже видов. При этом выделение таких групп и видов преступных посягательств произошло уже давно, что связано не только требуемым для этого обоснованием, но и естественными процессами объективного характера, характером и степенью их общественной опасности, распространенностью, резонансностью и т.д.

Все это в своей совокупности позволяет говорить не только об актуальности выбранной для исследования тематики, но и ее своевременности, с учетом масштабности происходящих в современном обществе процессов, а также перспективности в силу злободневности тех вопросов, которые назрели в данном направлении, требуя своего скорейшего разрешения.

Степень научной разработанности темы. В отечественной науке уголовного права исследованием различных аспектов системы иных мер уголовно-правового характера, а также их отдельными видами, занимался целый ряд ученых-юристов, и все они внесли весомый вклад в изучение данной проблемы. Среди таковых необходимо выделить следующих специалистов: В.К. Андрианов, А.Г. Антонов, М.М. Бабаев, М.В. Бавсун, А.Н. Батанов, Э.Л. Бектимеров, Б.Б. Булатов, Ф.Б. Гребенкин, В.С. Егоров, Г.А. Есаков, Л.В. Иногамова-Хегай, М.Н. Каплин, К.Н. Карпов, С.Г. Келина, Е.В. Кобзева, В.Ф. Лапшин, Н.А. Лопашенко, А.К. Музеник, К.В. Муравьев, Т.В. Непомнящая, А.А. Нечепуренко, Т.Г. Понятовская, А.С. Пунигов, А.И. Рарог, А.А. Толкоченко, Н.В. Щедрин, Ю.Е. Пудовочкин, Ф.Р. Сундуков, А.И. Чучаев и многие другие.

В то же время, нельзя не отметить, что практически все работы отмеченных выше авторов посвящены, либо в целом всему спектру уголовно-правового воздействия иного характера (как системе), либо его отдельным разновидностям. При этом практически никто из них не занимался проблематикой особенностей применения мер принуждения к тем, кто совершил преступления отдельно взятой группы, вида или категории, а особенно, за посягательства на интересы Российской Федерации. В этом отношении проведенное исследование оказывается в роли уникального, и не имеющего до сегодняшнего дня своих аналогов в отечественной уголовно-правовой доктрине.

Объект исследования. В качестве объекта выступают общественные отношения, возникающие в связи с привлечением к уголовной ответственности и применением иных мер уголовно-правового характера к лицам, признанным виновными в совершении преступлений, посягающих на интересы Российской Федерации.

Предмет исследования. В качестве предмета выступили нормы отечественного и зарубежного уголовного законодательства, регламентирующих конкретные виды мер иного воздействия на лиц,

виновных в совершении преступлений против интересов Российской Федерации. Это также предписания уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного, административного и иных отраслей законодательств, содержащих в себе нормы, имеющих смежную правовую природу и, направленные на ограничение прав и свобод лица, совершившего преступление определенной направленности.

Цель и задачи исследования. Цель работы заключается в выявлении теоретических и практических проблем уголовно-правовой регламентации иных мер уголовно-правового характера, направленных на противодействие преступлениям, совершенным против интересов Российской Федерации.

Достижение, указанной цели обусловило необходимость постановки и решения следующих **задач**:

– определить правовую природу иных мер уголовно-правового характера, связанных с ограничением прав лиц, совершающих преступления против интересов Российской Федерации;

– выявить исторические предпосылки разработки иных мер уголовно-правового характера, направленных на ограничение прав лиц, совершивших преступления против интересов Российской Федерации;

– установить правовую природу происхождения средств воздействия на лиц, совершивших преступления против своих стран в зарубежном уголовном законодательстве;

– дать характеристику условий применения иных мер уголовно-правового характера, направленных на ограничение прав лиц, совершающих преступления против интересов Российской Федерации;

– разработать основания применения иных мер уголовно-правового характера, направленных на ограничение прав лиц, совершающих преступления против интересов Российской Федерации;

– предложить классификацию иных мер уголовно-правового характера, направленных на ограничение прав лиц, совершающих преступления против интересов Российской Федерации.

Теоретической основой исследования служат фундаментальные положения философии, теории государства и права, истории государства и права, криминологии, уголовного права и др.

Нормативную базу работы образуют Конституция Российской Федерации, современное и ранее действовавшее уголовное законодательство России, федеральные законы, руководящие разъяснения высших судебных инстанций СССР, Российской Федерации, другие нормативные правовые акты, имеющие отношение к тематике исследования.

Методология и методы исследования. Методологию диссертации составляет комплекс научных подходов, принципов и методов. В основу исследования положена диалектика как учение о развитии и взаимосвязи общественных явлений. Для достижения поставленной цели использовался нормативный подход в совокупности с общенаучными методами, такими как анализ, синтез, индукция, дедукция, формально-логический, структурный, системный, а также специальными – формально-юридическим, историко-генетическим, статистическим методами исследования и методом анкетирования. Так, формально-логический и структурный методы способствовали определению и обоснованию необходимости введения уголовно-правовых мер иного характера, необходимых для противодействия преступлениям, посягающим на интересы Российской Федерации в отечественное уголовное законодательство а также формулированию их авторского варианта в УК РФ. Историко-генетический метод применялся в рамках задачи выявления предпосылок появления в уголовном законе самостоятельных мер иного характера, применяемых в отношении лиц, виновных в совершении преступлений против государства. Посредством этого метода были раскрыты основания зарождения нормативного регулятора данной формы реализации ответственности за преступления исследуемой группы в отечественном уголовном законодательстве. Посредством статистического метода и метода анкетирования были получены и интерпретированы эмпирические данные о совершенных

преступлениях, лицах, их совершивших, об используемых судами средствах уголовно-правового воздействия.

Из наиболее значимых для изучения темы следует назвать метод системного анализа и формально-юридический метод. Первый позволил выделить закономерности и особенности развития норм, регламентирующих иные меры уголовно-правового характера в целом, и их возможные виды с учетом потребностей противодействия преступлениям, посягающим на интересы Российской Федерации, как систему с характерными связями ее внутренних структурных составляющих. На основе второго метода осуществлялось исследование и анализ правового источника, определялось внутреннее строение правовых норм, устанавливались правила юридической техники.

Научная новизна исследования определяется разработанной в нем идеей альтернативного (некарательного) воздействия на лиц, признанных виновными в совершении преступлений против интересов Российской Федерации. Обоснована классификация таких мер в уголовном праве, предложена их аргументация с учетом современной геополитической, внутривнутриполитической, миграционной, этнической и криминальной ситуаций в нашей стране. На основе современного зарубежного опыта законодательной регламентации средств уголовно-правового принуждения, имеющих иную, некарательную природу своего происхождения, сформулированы идеи их имплементации в отечественное уголовное законодательство. За счет анализа оснований и условий применения предложенных в диссертации конкретных мер иного воздействия на лиц посягающих на интересы Российской Федерации предложен механизм их практической реализации, показана взаимосвязь с уголовно-процессуальными мерами пресечения, а также с административно-правовыми ограничениями, успешно функционирующими в современной практической деятельности правоохранительных органов, а также судов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Особая правовая природа иных мер уголовно-правового характера, связанных с ограничением прав лиц, совершивших преступление против интересов Российской Федерации, строится на следующих базовых началах:

– особой функциональной принадлежностью, обусловленной необходимостью ограничения прав лиц, совершивших преступления строго определенной группы;

– основаниях их включения в УК РФ, объясняющихся необходимостью дополнительной охраны интересов Российской Федерации средствами исключительного и экстраординарного характера;

– основаниями применения, в качестве которых выступают преступления против интересов Российской Федерации, перечень которых не ограничивается разделом X УК РФ «Преступления против государственной власти», требуя соответствующего анализа деяний, посягающих на смежные объекты уголовно-правовой охраны, такие, как: экономика (налоговые преступления и др.), общественная безопасность (терроризм и др.), мир и безопасность (геноцид, развязывание агрессивной войны и др.) и пр.;

– особым характером последствий (исключительного по отношению к другим преступлениям, характера, не имеющим своего аналога), следующих для виновного, которые могут на него распространяться.

2. Основными историческими закономерностями развития средств уголовно-правового воздействия, применяемых в отношении лиц виновных в совершении преступлений против Российской Федерации, являются:

– одновременное развитие системы преступлений, против государственной власти и трансформации подхода государства к дифференциации ответственности за их совершение;

– переход от «типичных» преступлений в данной группе, и не менее «типичных» видов наказаний, которые предусматривал законодатель, к разнообразию их видов, часть из которых, в силу отсутствия в их содержании

карательной составляющей, с течением времени приобрела способность претендовать на средства иного воздействия на виновных;

3. Общее снижение карательного потенциала наказаний за преступления, посягающие на интересы государства, и их постепенная трансформация происходили сообразно целям частной превенции. В частности, речь идет о появлении видов наказаний, во-первых, потенциально способных (в силу своего крайне низкого карательного потенциала) перейти в группу средств иного воздействия, а, во-вторых, включении в их содержание элементов, способных обеспечить индивидуальное предупреждение совершения виновными новых преступлений данной группы.

4. Сформировавшийся подход к уголовной репрессии за преступления против государства в законодательстве зарубежных стран делает систему средств ее реализации максимально гибкой, позволяя выделить три основных подхода к решению данного вопроса:

– в законодательстве большинства стран предусматриваются отдельные меры, направленные на правовую регламентацию ответственности за деяния, нарушающие права и законные интересы государства (Исламская Республика Иран, Объединенные Арабские Эмираты, Социалистическая Республика Вьетнам, Монголии, Эстонской и Латвийской Республик);

– во вторую группу входит законодательство стран, предусматривающее меры иного характера, спектр применения которых, является широким, позволяя их применять лишь к относительно определенному перечню преступлений, включая и посягательства на интересы государства (Италия, Австрия, Сомали, Китайская Народная Республика, Республика Азербайджан, ФРГ, Швейцария, Республика Корея, Великобритания, Бельгия).

– третью группу составляют страны, законодательство которых максимально широко подходит к реализации средств иного воздействия, по отношению к тем, кто совершил любое (не персонализировано)

преступление. Такие меры, как правило регламентируются в рамках институтов условного осуждения и probation (Грузия, Кыргызская Республика, Республика Таджикистан, Армения).

5. Обязательными условиями практического применения иных мер уголовно-правового характера в отношении лиц, признанных виновными в совершении преступлений, посягающих на интересы Российской Федерации, являются:

- установленный факт совершения преступления против интересов Российской Федерации;
- категория совершенного преступления против интересов Российской Федерации в зависимости от вида конкретной меры уголовно-правового характера;
- исключительный характер применения средств уголовно-правового характера, направленных на охрану интересов государства и государственной власти.

6. Основаниями применения иных мер уголовно-правового характера за преступления, посягающие на интересы Российской Федерации, должны выступать:

- непримиримость виновного лица к существующей политической власти и официальной идеологии;
- отсутствие у виновного лица желания сотрудничества с правоохранительными органами, а также судом, в том числе (как форма преступного бездействия), в целях выявления агентов иностранной разведки и агентов влияния (конкретизированное бездействие в части нежелания сотрудничества с государственными органами).

7. Иные меры уголовно-правового характера, направленные на противодействие посягательствам на интересы государства делятся на:

- связанные с изоляцией виновного от общества (в том числе и частичной);

– высылка из страны (как исключительная мера, применяемая только к иностранным гражданам, а также к гражданам Российской Федерации, получившим гражданство в порядке иммиграции, либо к тем к кому данная мера может быть применена в порядке административного воздействия – депортации, но в особых случаях реализуемая в рамках иного уголовно-правового воздействия);

– ссылка (применяемая к гражданам Российской Федерации и в определенных случаях к иностранным гражданам)

– не связанные с изоляцией виновного:

– лишение виновного его политических прав (в первую очередь, его права быть избранным на государственные должности);

– запрет на осуществление экономической деятельности, связанной с государственными закупками;

– запрет на осуществление педагогической деятельности в области социальных и гуманитарных наук;

– комбинированные меры (сочетание качеств, ограничивающих свободу и иных конституционных прав осужденного):

– лишение права на свободное передвижение как в рамках страны, так и на территории проживания;

– иные ограничения, установленные в рамках административного надзора, но применяемые в специально определенных случаях как иные меры уголовно-правового характера.

Теоретическая и практическая значимость работы характеризуется тем, что выводы и предложения, изложенные в диссертации, могут быть использованы в правотворческой деятельности для совершенствования уголовного законодательства в части регламентации ответственности за мелкий коммерческий подкуп; в правоприменительной деятельности судебных и правоохранительных органов при применении норм, предусматривающих ответственность за исследуемое преступление; в научно-исследовательской деятельности при дальнейшей разработке

проблем уголовной ответственности за коррупционные преступления; в учебном процессе образовательных организаций юридического профиля в рамках учебной дисциплины «Уголовное право».

Степень достоверности и апробация результатов исследования определяются широким диапазоном исследовательских методик и эмпирической базой, сформированной с учетом объекта и предмета исследования, включающей данные, полученные в результате изучения 211 постановлений судов, вынесенных судами различных субъектов Российской Федерации о выдворении из страны иностранных граждан; статистические сведения об исполнении исполнительных документов о взыскании штрафов, назначенных в качестве наказания за совершение преступления; результаты анкетирования 93 судей по вопросам, связанным с их оценкой предлагаемых в работе иных мер уголовно-правового характера (г. Санкт-Петербург, Ленинградская область, Псков, Выборг); результаты анкетирования 250 граждан по вопросам, связанным с включением в уголовный закон иных мер уголовно-правового характера, направленных на противодействие преступлениям против интересов Российской Федерации, а также результаты анкетирования: сотрудников и работников прокуратуры – 44 специалиста (г. Санкт-Петербург, Ленинградская область, Республика Крым), кандидатов и докторов юридических наук по научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки – 34 специалиста (г. Санкт-Петербург, г. Омск, г. Самара); результаты уголовно-правовых и криминологических исследований по сходной проблематике, проведенных другими авторами, а также данные по теме исследования, размещенные в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. При написании диссертации, помимо результатов собственных изысканий, использовалась информация, полученная другими учеными по итогам проведенных ими научных исследований.

Основные теоретические положения и выводы диссертации докладывались диссертантом и обсуждались на научно-практических конференциях, в том числе международного и всероссийского уровней,

проведенных в 2021-2024 гг. на базе Омской академии МВД России (2018, 2019), Санкт-Петербургского университета МВД России (2022, 2023, 2024). Основные положения и выводы отражены в 11 научных публикациях, из которых 6 размещены в рецензируемых журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России для опубликования основных научных результатов диссертаций.

Материалы диссертационного исследования внедрены в практическую деятельность Главного управления МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, а также в образовательный процесс Омской академии МВД России, Юго-Западного государственного университета (г. Курск), Санкт-Петербургского университета МВД России.

Структура и объем работы обусловлены объектом, предметом, целью и задачами исследования, а также логикой изложения проблемы. Диссертация состоит из введения, двух глав, объединяющих шесть параграфов, заключения, списка литературы. Работа выполнена в объеме, предусмотренном Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России.

ГЛАВА 1. СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗРАБОТКИ ИНЫХ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА, НАПРАВЛЕННЫХ НА ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВ ЛИЦ, СОВЕРШАЮЩИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

§ 1. Правовая природа иных мер уголовно-правового характера, связанных с ограничением прав лиц, совершающих преступления против интересов Российской Федерации

Иное воздействие на лиц, совершивших преступление, в уголовно-правовой доктрине традиционно оценивается как абсолютно необходимое дополнение наказания, вполне при этом способное оказать даже больший эффект, чем сама кара. В этом отношении иные меры встречают серьезную поддержку и у законодателя. Что характерно, такая поддержка находит соответствующее и последовательное подтверждение как в историческом контексте рассмотрения данного вопроса, так и на современном этапе в различных правовых семьях на всем геополитическом пространстве. Вся совокупность тех средств уголовно-правового противодействия преступности, которая сегодня существует в законодательствах стран их применяющих, имеет значительное многообразие, отличаясь часто по своим качественным и количественным признакам, функциональной и видовой принадлежности, объему воздействия на осужденного, а также компенсационному эффекту применительно к потерпевшему, и другим критериям, но при этом не отличающаяся по своей сути. Это всегда иное воздействие, находящееся за пределами таких категорий как кара или возмездие, типичных для наказания, но всегда сосуществующее с таковым, нередко обеспечивая реализацию идей социального, воспитательного, медицинского, ограничительного, контролирующего, просто дополнительного и др. свойства.

Так называемое «удобство» такого воздействия заключается в неопределенности возможного объема тех средств, которые можно применить к осужденному, а также особенностей направлений его реализации, которые в любой момент (не будучи скованными карательной функцией) могут быть развернуты в любом из них, в зависимости от потребностей общества, в том числе, и возникших спонтанно (например, в условиях экстремальной обстановки, военного времени, чрезвычайной ситуации, или иного рода угроз как внутреннего, так и внешнего характера и т.д.). Именно трансформация общественных отношений выступает в качестве движущей силы, обуславливающей фактор развития иных средств уголовно-правового противодействия преступности. Наказание, при всей его важности и значимости для реализации охранительной функции уголовного права, тем не менее, остается более жесткой и, соответственно, стабильной конструкцией. По крайней мере в части его качественной характеристики. Выполняя строго определенную роль, наказание невозможно переориентировать по своей сути, точно также как правовая природа иных мер, способствует чуткому реагированию на те изменения, которые происходят в общественных отношениях.

Одним из таких направлений реагирования в условиях сложившейся геополитической обстановки в мире, внутривнутриполитической ситуации в стране, особенностей экономической реструктуризации общественных отношений, информационного противоборства и прочих факторов, способствующих подрыву основ государственности, является создание системы (или отдельных видов) иных мер уголовно-правового воздействия в отношении лиц, совершивших преступления против Российской Федерации¹. Соответственно вопрос об особой правовой природе происхождения именно данных мер, с учетом уже накопленного доктринального знания об иных

---

¹ См. об этом более подробно: *Пирожников А.Н.* Правовая природа иных мер уголовно-правового характера, связанных с ограничением прав лиц, совершающих преступления против интересов Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 3. С. 105-110.

мерах уголовно-правового воздействия в целом, а также их интегрированности в механизм уголовно-правового воздействия, представляет собой безусловный научный интерес, имея соответствующий потенциал для реализации в отечественном уголовном законодательстве.

В современной юридической литературе отмечается, что правовая природа происхождения иного воздействия в уголовном праве крайне неоднозначна². Во многом такая неоднозначность связана с отсутствием внятного определения функциональной принадлежности данного средства воздействия на лицо, совершившее преступление. На сегодняшний день ни в доктрине, ни в уголовном законе нет даже минимального представления о критериях разграничения наказания и иных мер уголовно-правового характера, и уж тем более, какого-либо представления относительно разделения по каким-либо признакам самих мер между собой. Собственно, подтверждение данного тезиса сегодня хорошо видно в УК РФ, а также в активной деятельности законодателя по его совершенствованию в этом направлении в последнее десятилетие. Появляющиеся при этом новые средства иного влияния на виновных лиц никак не связаны друг с другом, не взаимодействуют с наказанием, имея в большей степени отношение к сфере административно-правового, уголовно-исполнительного и прочих сфер регулирования. Более того, они имеют свои причины разработки и включения в УК РФ, оставаясь, по сути, обособленными средствами иного воздействия на лиц, виновных в совершении преступлений. Правовая природа всего института, не говоря уже о каждой из вновь появляющихся мер сегодня не просто не определены, а в целом остаются без соответствующего анализа и теоретического обоснования.

Следует при этом отметить, что в отечественной доктрине некоторые, и далеко не безуспешные попытки разделения всех мер иного воздействия по реализуемым ими функциям, предпринимаются. Так, К.Н. Карпов разделяет

---

² См. об этом, например: *Щедрин Н. В., Терещенко А. И.* Меры безопасности в уголовном законодательстве России и некоторых европейских стран // Правовая реформа и зарубежный опыт : сб. науч. ст. Красноярск, 2000. С. 102–123.

их на меры безопасности, стимулирующие (поощряющие) правомерное постпреступное поведение и восстановительные, при нарушении экономических правоотношений³. М. В. Бавсун указывает на иные меры уголовно-правового характера и меры безопасности, принципиально отделяя одни от других именно по тем функциям, которые они способны выполнять по отношению к общественным отношениям, в которых существуют, и формирование которых происходит, в том числе, посредством их реализации⁴. Следует отметить, что данный подход в целом является достаточно традиционным для отечественной уголовно-правовой доктрины, а классификация иных мер уголовно-правового характера по реализуемому ими функционалу достаточно распространенной⁵. При этом, Л.В. Иногамова-Хегай вообще все иные меры уголовно-правового характера разделяет на те, которые применяются в результате совершения преступлений и те, которые реализуются в случае совершения деяний иного рода, не относящихся к категории общественно опасных⁶. Более того, ряд специалистов, как раз, по данному признаку все средства иного воздействия делят на (помимо указанные сейчас в уголовном законе), условное осуждение, судимость, отсрочку отбывания наказания беременным женщинам или женщинам, имеющим малолетних детей⁷, и, даже дополнительные виды наказаний, которые могут применяться по усмотрению суда независимо от того

---

³ Карпов К.Н. Иные меры уголовно-правового характера: система и виды. М., 2012. С. 205.

⁴ Бавсун М.В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации: дисс... докт. юрид. наук. Омск, 2013. С. 123.

⁵ См., например: Егоров В.С. Теоретико-правовой анализ мер принуждения по уголовному закону России. Пермь, 2006; Бектимеров Э.Л. Иные меры уголовно-правового характера и их роль в осуществлении задачи уголовного права России: дисс... канд. юрид. наук. Саратов, 2009; и др.

⁶ См. об этом более подробно: Иногамова-Хегай Л.В. Уголовная ответственность и иные меры уголовно-правового характера. В сб.: Уголовное право: стратегия в развитии в XXI веке: мат-лы X междунар. научн-практ. конф. М., 2013. С. 197. См. об этом также: Музеник А.К. Дифференциация уголовной ответственности: формы и виды. Томск, 2005. С. 6, 7.

⁷ См.: Непомнящая Т.В. Наказание и меры уголовно-правового характера в системе мер противодействия преступности. В сб.: Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты: мат-лы III Российского конгресса уголовного права. М., 2008. С. 86-87.

определены они или нет в санкции за конкретное преступление⁸, или отдельные средства административного надзора⁹. Таким образом, функциональная принадлежность иных мер уголовно-правового характера выступает в качестве одного из дискуссионных факторов, не имеющего пока четкого осмысления в отечественной уголовно-правовой доктрине. В этой дискуссии, безусловно, должна найти свое место и идея выделения самостоятельной группы иных мер уголовно-правового воздействия в отношении лиц, совершивших преступления против интересов Российской Федерации.

Более того, данный признак выступает в качестве одного из мотивирующих для отечественного законодателя в современных условиях. Не останавливаясь пока на видовых особенностях конкретных мер, важно отметить, что выделение самостоятельной группы иных мер уголовно-правового характера, в первую очередь, основывается на тех функциях, которые они способны реализовывать, тем самым отличаясь и от других средств противодействия преступности. Вопрос – для чего они нужны, является определяющим в каждом из случаев разработки конкретных средств уголовно-правового воздействия на лиц виновных в совершении преступления.

В этом отношении достаточно интересным представляется ответ на вопрос, который был задан судьям. Так, из 93 опрошенных респондентов¹⁰ на вопрос «Какую роль Вы отводите иным мерам уголовно-правового характера в случае их назначения (применения) лицу виновному в совершении

---

⁸ См.: *Келина С.Г.* Наказание и иные меры уголовно-правового характера // Государство и право. 2007. С. 54-57; или: *Клебанов Л. Р.* 10 лет Российскому Уголовному Кодексу: достоинства и недостатки // Государство и право. 2006. № 9. С. 111.

⁹ См.: *Гребенкин Ф.Б.* Понятие, признаки и виды иных мер уголовно-правового характера // Системность в уголовном праве: мат.-лы II российского конгресса уголовного права. М., 2007. С. 128. Автор ведет речь о наполнении иных мер уголовно-правового характера такими средствами как возложение на условно осужденных и условно-досрочно освобожденных от наказания отдельных обязанностей и др.

¹⁰ Анкетирование специалистов проводилось в период с 2020 по 2022 гг. в г. Санкт-Петербурге и Ленинградской области, а также в городах: Пскове, Выборге, Петрозаводске. Всего было опрошено 93 специалиста.

преступления?»), 75 отметили, что это напрямую зависит от того какая именно мера и в каком конкретном случае она применяется. При этом в отдельных комментариях к своему ответу еще 41 человек указали, что видовая принадлежность иной меры уголовно-правового характера, напрямую определяет и ее значение в исправлении осужденного, а также в общем объеме репрессии, реализуемом государством. Оставшаяся часть специалистов (18) отметили, что иные меры уголовно-правового характера являются дополнением к наказанию, не неся самостоятельной функциональной нагрузки. В данном случае часть респондентов (9) также указали на отсутствие в уголовном законе отдельно выделенных целей иных мер уголовно-правового характера, отсутствие какого-либо упоминания о них в общих началах назначения наказания, и в целом неопределенность их статуса в уголовном законе.

Следует отметить, что несмотря на имеющееся разделение позиций по обозначенному вопросу, тем не менее, доминирующей среди специалистов в сфере отправления правосудия все-таки остается точка зрения, согласно которой функциональная (целевая) принадлежность каждой из мер выступает в качестве главной при решении вопроса о потенциальном исправлении виновного в совершении преступления. Невзирая на, имеющиеся недоработки законодателя в части определения статуса данных мер, их фактическое существование и применение не позволяет избежать постановки вопроса относительно их правовой природы, одним из критериев определения которой выступает именно данный критерий.

Пожалуй, уже один только этот аргумент вынуждает современных исследователей ставить вопрос о необходимости формулирования в тексте уголовного закона самостоятельных целей иных мер уголовно-правового характера, одновременно интегрируя их в механизм реализации наказания (или в целом системы уголовно-правового воздействия)¹¹. И в этом

---

¹¹ См., например, об этом более подробно: *Бавсун М.В.* Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации. Омск, 2014. С. 34; по сути, но через

отношении абсолютно прав, по нашему мнению, А.С. Пунигов, отмечающий, что такие меры должны отражать индивидуальность уголовно-правового значения. Под этим он понимает независимость уголовно-правовых мер в применении друг от друга, их отличительность по характеру и содержанию, а также различие правовых последствий их применения¹². Вторят ему в этом отношении и другие авторы, в частности отмечая, что иные меры уголовно-правового характера «...обладают индивидуальным, оригинальным набором ограничений прав и свобод»¹³. При этом коллектив авторов делает оговорку, согласно которой основанием применения таких мер является общественно опасное деяние. Полностью соглашаясь с учеными, тем не менее полагаем, что данный тезис должен быть дополнен не только правоприменительным, но и законотворческим аспектом¹⁴. То есть, речь должна идти о влиянии функциональной принадлежности иной меры не только в ходе ее практической реализации, но и на более ранней стадии, установления ее законодательных критериев, на уровне правовой регламентации и, более того, первоначального теоретического обоснования.

Собственно, именно данный признак (с соответствующим представлением о сфере приложения самой меры и возможном положительном эффекте от ее реализации) и должен являться основополагающим в ходе принятия решения о необходимости его включения в УК РФ, а также последующего применения. И в этом отношении ограничение прав лиц, совершивших преступления против интересов Российской Федерации, как явление, (вне зависимости от

институт испытания пишет А.А. Нечепуренко. См.: *Нечепуренко А.А.* Уголовная ответственность: эволюция понятия и перспективы законодательного регулирования. Омск, 2014. С. 87-88; или *его*: Содержание и формы реализации уголовной ответственности. В сб.: Актуальные проблемы уголовного права. Омск, 2010. С. 32-34; *Щедрин Н.В.* Меры уголовно-правового характера. В сб.: Актуальные проблемы уголовного права. Омск, 2010. С. 68-69.

¹² *Пунигов А.С.* Иные меры уголовно-правового характера (понятие, виды, общая характеристика). Владимир, 2007. С. 21.

¹³ *Есаков Г.А., Понятовская Т.Г., Рарог А.И., Чучаев А.И.* Уголовно-правовое воздействие / под. ред. д.ю.н., проф. А.И. Рарога. М., 2012. С. 27.

¹⁴ *Там же.*

конкретной формы выражения непосредственно в тексте) не может вызывать каких-либо вопросов.

Надо сказать, что ужесточение позиции государства по отношению к данной категории лиц находит свою поддержку и среди граждан. Так, в ходе проведенного в рамках настоящего исследования опроса 250 граждан, которым был задан единственный вопрос: «Как Вы считаете в условиях современной геополитической обстановки требуется ли ужесточение карательного воздействия в отношении лиц, совершающих преступления или административные правонарушения против Российской Федерации?», были получены достаточно категоричные результаты. За дополнительное воздействие в отношении именно такой категории виновных, высказалось 199 респондентов, еще 32 человека полагают такое ужесточение излишним и оставшиеся 19 опрошенных не имеют определенной позиции по данному вопросу¹⁵.

Что важно, этот же вопрос был задан уже другой категории респондентов – судьям, чья деятельность напрямую связана с реализацией уголовной политики государства, а их квалификация и объем знаний, позволяют отвечать, в том числе и на этот вопрос, на несколько ином уровне. Между тем итог если и отличается от данных, полученных в ходе опроса предыдущей категории респондентов, то не намного. Из 93 специалистов, которым был задан этот вопрос, 76 указали на своевременность введения такой меры в действующее уголовное, а возможно и уголовно-процессуальное законодательство. Еще 15 высказались против и лишь два респондента отметили, что не имеют сформировавшейся позиции по данному вопросу. В процентном соотношении судьи оказались в ответе на данный вопрос еще более категоричны, чем граждане, зачастую даже не имеющие юридического образования.

---

¹⁵ Анкетирование проводилось в период 2021-2022 гг. в г. Санкт-Петербурге и Ленинградской области.

Потребность в таких ограничениях в современных условиях начинает все возрастать, что в свою очередь, вынуждает говорить о втором факторе, обуславливающем саму постановку вопроса необходимости разработки иных мер уголовно-правового характера именно с такой функциональной принадлежностью. Речь идет об основаниях их включения в УК РФ, с позиции обстоятельств объясняющих необходимость дополнительной охраны интересов РФ средствами исключительного и экстраординарного характера. И здесь нельзя не обратить внимание на события, происходящие на уровне геополитического пространства начиная с 2014 года и, которые при этом напрямую связаны с Российской Федерацией. Не вдаваясь в подробности общеполитических моментов, можно лишь констатировать факт вовлеченности России в происходящие процессы, масштабность которых не вызывает сомнений. Более того, уголовный законодатель активно реагирует на такие изменения, причем зачастую быстро и максимально жестко. Так, М.В. Бавсун пишет по этому поводу следующее: «В период с 2012 по 2015 г. отечественным законодателем в УК РФ, по сути, было внесено беспрецедентное количество изменений, направленных на увеличение объема репрессии за преступления против основ конституционного строя и государственной власти. В указанный отрезок времени в результате правотворческой деятельности в нормы, предусмотренные гл. 30 УК РФ, было внесено 20 поправок. Начиная с 1996 г. (с момента принятия Уголовного кодекса Российской Федерации) по 2011 г. включительно законодатель в общей сложности 18 раз корректировал данную главу. То есть в период, в пять раз превышающий рассматриваемый, законодательная активность в данном направлении была несоизмеримо ниже. И если в последние три года те или иные изменения в главу, регламентирующую ответственность за посягательства на основы конституционного строя, вносились в среднем порядка семи раз в год, то до этого момента активность правотворца равнялась 1,15 изменений в год.

Из этого следует неизбежный вывод о произошедшей трансформации подхода законодателя к правовой регламентации целого ряда аспектов ответственности за посягательства на данную группу общественных отношений. И эта трансформация не может быть объяснима с позиции лишь внутривнутриполитических изменений или изменений экономического, социального, а равно иного свойства. Крайне важную роль в проявленной активности законодателя сыграли как раз факторы геополитического характера, возникновение которых пришлось именно на рассматриваемый период — начиная с 2011 г. и завершая годом 2015-м.»¹⁶.

Чуть ранее об этом пишет Н.А. Лопашенко, которая отмечает, что история последних месяцев продемонстрировала нам наличие такого фактора, оказывающего влияние на уголовно-правовое воздействие, как изменение международной обстановки¹⁷. Вторит ей в этом отношении и Е.В. Кобзева, совершенно справедливо утверждая, что «угроза нарушения национальных интересов в результате преступной деятельности не менее, а иногда и более опасна, чем при совершении преступлений внутри страны»¹⁸. Следует отметить, что несмотря на датирование указанных работ 2014-2015 гг. тем не менее, актуальность высказанных в них идей сегодня не только не потеряли своей актуальности, а наоборот многократно ее приобрели, на фоне событий происходящих уже в 2020-2022 гг. Современное геополитическое пространство, и роль России в происходящих в нем тектонических сдвигов в последние годы, такова, что данный фактор стал все больше выступать в качестве прямого основания принимаемых решений на государственном уровне, в том числе и в части трансформации уголовного законодательства.

---

¹⁶ Бавсун М.В. Влияние факторов геополитического характера на изменение уголовно-правовой политики государства // Всероссийский криминологический журнал. 2015. № 3. С. 484.

¹⁷ Лопашенко Н.А. Изменение уголовно-правового воздействия и его влияния на меняющийся мир (в качестве постановки проблемы) / Н.А. Лопашенко // Библиотека уголовного права и криминологии. 2014. № 3. С. 13–19.

¹⁸ Кобзева Е.В. Об уголовной политике (под влиянием научных взглядов Н.А. Лопашенко) / Е.В. Кобзева // Библиотека уголовного права и криминологии. 2014. № 3. С. 20–28.

Соответственно и международный фактор, включая в чистом виде его внешнеполитическую составляющую, в ходе корректирования уголовно-правовой политики государства с последующим совершенствованием отечественного уголовного законодательства не может оставаться недооцененным¹⁹.

Соответственно основания для разработки системы мер иного воздействия, направленные на ограничение прав и свобод лиц, совершивших преступления против интересов Российской Федерации, в последнее десятилетие стали носить все более объективный (в данном случае внешний) характер. Это вполне естественно, так как доминирование внешнеполитического фактора оказывает серьезное влияние на все сферы жизнедеятельности государства, в том числе, оказывая давление и на уголовно-правовую сферу регулирования общественных отношений. Изменение политической конъюнктуры, ее агрессивность в отношении России, попытки международной изоляции, элементы поддержки (включая ее открытые и откровенные формы, в том числе, и в публичной сфере) внутри страны, а также ряд других факторов свидетельствуют о серьезных изменениях принципиального свойства, которые произошли и продолжают происходить в общественных отношениях в нашем обществе. И если еще до 2012 года (до событий, произошедших на Болотной площади в г. Москве) говорить о данной проблематике не приходилось, прежде всего, с позиции отсутствия к этому достаточных предпосылок, то сейчас о данном способе защиты государства от подобного рода процессов, не вести речь уже опасно. Игнорирование проблемы, становится опасным для государства в целом, расшатывание устоев которого, как показывает история, в таких условиях происходит максимально быстро и эффективно. И в этом отношении уголовно-правовая, наряду с административно-правовой сферами регулирования, оказываются максимально чуткими, способными быстро

---

¹⁹ *Бавсун М.В.* Влияние факторов геополитического характера на изменение уголовно-правовой политики государства // *Всероссийский криминологический журнал.* 2015. № 3. С. 485.

реагировать на трансформацию происходящих в обществе процессов, являются способными купировать их негативные тенденции. Безусловно, особое место с позиции реализации именно жесткости (непримиримости и бескомпромиссности) самой идеи введения особых ограничений прав и законных интересов лиц, совершающих преступления против интересов Российской Федерации, должно отводиться уголовному законодательству. Особенно это важно с той позиции, что отмеченная сфера правового регулирования общественных отношений имеет конечный характер (пик карательного давления, возмездия за совершенное общественно опасное деяние), будучи способной объединить в своем содержании, по сути, любые, в том числе, и максимально жесткие, а иногда и откровенно ситуативные и, в некоторой степени, экстремальные средства воздействия на виновных.

В то же время, все авторы, обращая внимание на данную проблематику находятся в плоскости исследования Особенной части уголовного закона, не задаваясь вопросом относительно реальной возможности усиления в этом направлении и соответствующих институтов Общей части. Как известно подобное является возможным, как раз, за счет трансформации двух составляющих, одна из которых связана с увеличением карательного потенциала Уголовного кодекса (наказания), а другая с реализацией потенциала иных мер уголовно-правового характера в максимально широком представлении о таковых²⁰. И в этом отношении, с учетом сложившейся геополитической обстановки и, возникших в связи с этим угроз для России, предложение о включении в УК РФ дополнительных средств воздействия целевого характера в отношении отмеченной категории виновных, имеет под собой все соответствующие объективные основания. С учетом приведенных

---

²⁰ См. об этом более подробно: *Бавсун М.В.* Понятие и содержание уголовно-правового воздействия. В кн.: Уголовное право Общая часть. Наказание. Академический курс в 10 томах. Т. I. Понятие, цели уголовного наказания. Система уголовного наказания / под ред. проф. Н.А. Лопашенко. М., 2020. С. 369. Рассуждения на данную тему также содержатся у А.П. Козлова. См.: *его*: Уголовная ответственность, соединенная с иными мерами уголовно-правового характера. В кн.: Уголовная политика. Уголовная ответственность / под ред. под ред. проф. Н.А. Лопашенко. М., 2016. С. 595-596.

выше данных эмпирического характера, относительно оснований разработки и включения в УК РФ мер подобного рода, сам факт постановки проблемы каких-либо сомнений вызывать не может, требуя дальнейшей научной реализации.

Однако помимо оснований для включения в действующее законодательство данных средств противодействия преступности, необходимо также ставить вопрос и относительно оснований их применения, в качестве которых должны выступать конкретные преступления против интересов Российской Федерации. Таким образом речь должна идти о вполне определенном перечне преступлений, ответственность за которые уже предусмотрена в настоящем УК РФ, и совершение которых должно выступать в качестве обязательного основания для применения разрабатываемых средств воздействия на лиц их совершивших.

Впрочем, говорить скорее необходимо о принципах назначения (применения) данных средств за те или иные виды преступных посягательств. В свою очередь, для этого требуется соблюдение, как минимум, двух условий: 1) соответствие совершенного преступления критерию – нарушение интересов Российской Федерации; 2) возможный (потенциальный) эффект от применения новых мер воздействия, направленных на противодействие данной группе преступлений (их способность оказаться важным дополнением к назначенному наказанию, обеспечив достижение, в том числе и его целей, параллельно реализуя несвойственные ему функции). От ответов на данные вопросы во многом будет зависеть и собственно перечень самих мер, которые могут найти свое место в общей системе мер уголовно-правового воздействия на преступность.

Интересы Российской Федерации как категория, безусловно, имеет достаточно широкое значение, представление о которой совершенно необходимо для достижения поставленных перед данной частью исследования целей. Ответ на то, что под таковыми следует понимать

применительно к уголовному законодательству, во многом позволит определить и правовую природу тех мер, которые необходимы сегодня для их предупреждения. Это также даст возможность понять, за какие конкретно виды преступных посягательств должны предусматриваться те или иные меры иного воздействия на виновных, связанные с дополнительными ограничениями их прав и свобод.

Являясь максимально широкой категорией – интересы Российской Федерации, в то же время, способны иметь свои вполне определенные очертания применительно к сфере уголовно-правового регулирования. Если подходить к решению данного вопроса с формальных позиций, то настоящий УК РФ включает в себя главу 29 – «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства», которая, по идее, содержит исчерпывающий перечень посягательств, способных причинить существенный вред собственно государственности (общественным отношениям в сфере их охраны). Исходя из данной (формальной) логики этот вопрос можно решить именно таким образом, сообразно ему и определив в последующем перечень конкретных средств иного воздействия в отношении лиц, совершивших перечисленные в упомянутой главе общественно опасные деяния. Между тем, если на эту проблематику смотреть несколько шире и к интересам Российской Федерации (то есть все-таки, носящим государственные характер) относить не только государственный строй (ст. ст. 279-282² УК РФ), политическую систему и жизнь ее деятелей (ст. 277 УК РФ), то в этом случае как список преступлений, так и средств иного воздействия становится совершенно другим.

В свою очередь анализ действующего уголовного закона, наряду с анализом современной литературы²¹ позволяет сделать заключение о том, что

---

²¹ См. об этом более подробно, например: *Кузнецов А.П.* Государственная политика противодействия налоговым преступлениям: проблемы формирования, законодательной регламентации и практического осуществления / под ред. П.Н. Панченко. Н. Новгород, 2003. С. 68; *Александров А.С., Александрова И.А.* Современная уголовная политика обеспечения экономической безопасности путем противодействия преступности в сфере экономики. М., 2017. С. 261-263; и др.

посягательств, способных причинить существенный вред Российской Федерации, но которых при этом нет в главе 29 УК РФ, более чем достаточно. Определение их хотя бы примерного перечня, соответственно позволит и продумать те средства воздействия, которые исходя из их функциональной принадлежности способны будут таким посягательствам эффективно противодействовать.

Так, ряд авторов сегодня обращают внимание на блок налоговых преступлений, как посягательств, традиционно представляющих для государства серьезную проблему, подрывая по мнению А.П. Кузнецова его экономическую безопасность²². Подобное представление относительно отдельно взятой категории деяний явно выходит за пределы группы общественных отношений, распространяющейся на какую-либо социальную группу. Впрочем, не меньший ущерб именно для государства представляют и другие виды преступных посягательств в сфере экономической безопасности, предусмотренные такими статьями УК РФ, как: ст. ст. 189, 190, 191, 191.1, 192-194 УК РФ. Или, в других его главах и, соответственно, посягающие на другие виды общественных отношений, например: ст. ст. 205-212.1, ст. ст. 253-255, ст. ст. 296-299 УК РФ, ст. ст. 317-318 УК РФ ст. ст. 353-361 УК РФ и некоторые другие составы преступлений, признаки которых свидетельствуют об их способности причинить существенный вред общественным отношениям в сфере охраны основ государственности.

Вместе с тем, определяя круг таких посягательств как более широкий, чем предусмотрен главой 29 УК РФ, надо понимать, что, во-первых, сообразно такому представлению будет строиться и перечень иных мер, эффективность которых будет высокой только в случае их соответствия основанию применения, а во-вторых, собственно основания для разработки и последующего использования конкретных видов иного воздействия также существенно меняются. При всей своей взаимосвязанности и взаимозависимости, оба процесса (определение оснований применения и

---

²² См.: Кузнецов А.П. Указ. соч. С. 68.

непосредственно определение мер иного воздействия на виновных) будет иметь относительно самостоятельный характер с единым общим знаменателем. Однако в любом случае установление пределов интересов Российской Федерации имеет первичный характер, позволяя определить как видовое, так и содержательное соответствие иных мер уголовно-правового характера, позволив таким образом и выстроить их в стройную систему в уголовном законе.

Надо сказать, что с таким направлением трансформации уголовно-правового воздействия согласны и практические работники из числа судей. Так на вопрос, «Как Вы полагаете, должно ли видовое разнообразие иных мер уголовно-правового характера зависеть от оснований их применения?» 72,5% респондентов дали утвердительный ответ, остальные 27,5% специалистов, в целом согласившись с данной позицией, дополнительно отметили, что при обеспечении индивидуальности в установлении и последующем применении средств иного воздействия, нельзя забывать и про одновременно сохраняющуюся потребность реализации общего подхода к решению данного вопроса. В частности, указывалось, что ряд мер должны иметь универсальный характер, при этом дополняясь уже вновь разработанными средствами так называемого ограниченного влияния на отдельные группы виновных. Что характерно, обе категории специалистов не отрицают реальную потребность в реализации индивидуального подхода, отдавая себе отчет в необходимости корректировки сложившейся ситуации в данном направлении. Разница в ответах на вопросы лежит лишь в плоскости их корректировки, не неся в себя существенных противоречий. Единство позиции, отражающей практическую сторону данной проблемы, позволяет нам с уверенностью стоять на позиции, согласно которой определение перечня преступных деяний, посягающих на интересы Российской Федерации, позволит решить и видовое разнообразие иных мер уголовно-правового характера.

При этом ее практическое внедрение непосредственно в тексте УК РФ можно осуществить по примеру такой меры воздействия, как конфискация. Согласно п. «а» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ реализация данной меры возможна лишь в случае совершения строго определенных преступных посягательств, согласно того перечню, который содержится в указанном предписании. Известно, что строится он на Указании Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 35/11 и МВД России № 1 от 24.01.2020 г. (Перечень № 23 преступлений коррупционной направленности)²³, объединяя в себе общественно опасные посягательства, содержащиеся в нескольких главах уголовного закона. Важен принцип их объединения (коррупционная направленность), а не непосредственный объект преступного воздействия.

Аналогична и наша ситуация, когда речь должна идти о разработке видов иного воздействия на лиц, совершивших преступления объединенные если и не одним объектом, в рамках отдельной главы или даже раздела УК РФ, то фактором последствий причиняемых той или иной стороне, по сути, одного и того же общественного отношения – безопасности государства. Экономическая, политическая, отдельно налоговая, общественная безопасность или безопасность в сфере правосудия либо управления, это так или иначе группы преступных посягательств, способных причинить общественно опасные последствия именно государству. Вопрос лишь в их классификации. Возможно их объединение по образцу с коррупционными посягательствами в единый перечень, имеющий при этом официальный, а не доктринальный характер. В этом случае появляется реальная возможность выделить основания для применения конкретных видов иного воздействия в отношении виновных в совершении вполне конкретных посягательств. Анализ преступлений позволит дать ответ на вопрос о возможной видовой принадлежности иного воздействия, зависимость которой от совершенного

---

²³ Справочно-информационная система Консультант-Плюс / http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_345696/1ff26a26ef4e0493e7fdd0c911461e97ca14695f/?

преступления является не просто прямой и непосредственной, а по сути, определяющей его правовой статус.

Таким образом, используя уже имеющиеся технико-юридические средства, решение вопроса применения иных мер уголовно-правового характера за посягательства на интересы Российской Федерации, может заключаться в их аналогичном использовании, в рамках отдельных статей УК РФ, регламентирующих то или иное средство воздействия. Следовательно, речь необходимо вести не о группировании запретов по их объекту, а об их указании в виде перечня в соответствующих статьях Общей части УК РФ. Во-первых, это избавит законодателя от серьезной перестройки всей Особенной части, которая при этом не будет безупречной, в силу пограничного характера многих преступлений подобного рода и отсутствия самой возможности безошибочного определения статуса деяния. Во-вторых, обеспечит гибкость новой системы, что будет возможным за счет простого пересмотра перечня тех составов, которые будут указаны в диспозиции нормы, регламентирующей средство воздействия. В зависимости от его целевой принадлежности и конкретной сферы приложения, будут трансформироваться и виды преступлений против основ государственной власти. В-третьих, определяющими в таких случаях должны быть именно средства воздействия, а не конкретные преступления, за которые они должны применяться. В свою очередь, анализ таких средств, как и их последующая правовая регламентация, не могут иметь беспредметный характер. При этом санкция не что иное, как итог, уже сформированного в Общей части уголовного закона подхода к решению той или иной проблемы, форма выражения такого решения. В нашем случае, это проблема повышения эффективности противодействия общественно опасным посягательствам на интересы государства, его защита в новых геополитических условиях, формирование необходимого уголовно-правового потенциала на будущее. В-четвертых, это совершенно необходимо для интегрирования новых мер иного

характера в их общую систему, а также для обеспечения их взаимодействия с наказанием, которого сегодня практически нет.

Что касается собственно перечня, то на данном этапе, как представляется, речь можно вести лишь о его примерных очертаниях, основанных на группах общественных отношений, посредством воздействия на которые можно причинить вред непосредственно Российской Федерации²⁴. Отсюда и его наполняемость представляется относительно не сложной, с учетом имеющегося представления как о перечне угроз для государства, так и об их содержании, позволяющего сформулировать несущие таким преступлением риски.

Немаловажным в постановке вопроса о возможном появлении в УК РФ новых иных мер уголовно-правового характера является необходимость целенаправленного воздействия на лиц, совершивших общественно опасные деяния определенной группы, что является крайне важным аспектом для частной превенции²⁵. В соответствии с направленностью таких преступлений требуется соответствующая проработка последствий особого свойства, следующих для виновного, которые могут на него распространяться в ходе реализации мер подобного рода. Среди таковых могут выступать, например, ранее уже хорошо известные и апробированные: высылка из страны, ссылка, запрет на пребывание в определенной местности (п. «г» ст. 46 УК РСФСР 1922 г.). Это могут быть поражение политических и отдельных гражданских прав, которые ранее заключались в лишении права занимать выборные должности в общественных организациях; активного и пассивного избирательного права; права занимать те или иные государственные должности; права носить почетные звания; родительские права; (ст. 31 УК РСФСР 1922 г. в ред. 1926 г.), удалении из пределов РСФСР или

---

²⁴ Безусловно, речь идет только о тех деяниях, которые способны либо подорвать целостность государства, как такового, либо лишить национальной идентичности его народа, либо повлечь за собой основы его безопасности (экономической, военной, экологической и пр.).

²⁵ См. об этом, например: *Марцев А.И.* Специальное предупреждение преступлений. Томск, 1977. С. 6.

определенной местности (ст. 35 УК РСФСР 1922 г. в ред. 1926 г.) и многие другие вполне конкретные средства необходимые для предупреждения преступлений определенной, в том числе, и данной направленности.

В любом случае разнообразие возможных негативных последствий для виновного в совершении преступлений указанной группы, может быть значительным, существенно превышая все, что есть сейчас в настоящем УК РФ. Обращая внимание на проблему классификации мер уголовно-правового характера, коллектив авторов монографии под редакцией профессора Ю.Е. Пудовочкина, отмечает, что «...последующая их градация требует дифференцированного анализа: идет ли речь о мерах, применяемых при освобождении от ответственности, либо же о мерах, применимых при реализации ответственности»²⁶. Действительно, именно дифференцированный анализ сейчас крайне важен для всей совокупности средств иного воздействия на лиц, совершающих определенные группы преступлений. При этом в качестве одного из критериев такой дифференциации способны выступить не только конкретные преступные посягательства, но и те последствия, претерпевание которых необходимо для обеспечения предупреждения совершения новых преступлений на индивидуальном уровне.

М.В. Бавсун отмечает, что сегодня «...сложилась достаточно парадоксальная ситуация, когда при колоссальном количестве личностных особенностей виновных (в том числе и особенностей биологического, генетического характера) практически все меры уголовно-правового воздействия сводятся лишь к наказанию. В свою очередь, причинами совершения конкретных преступлений являются персональные качества и характеристики субъекта, имеющие часто генетическое или физиологическое происхождение, противодействие которым посредством наказания невозможно априори. Вполне логичным, в связи с этим видится применение

---

²⁶ *Меры* уголовно-правового характера: монография / В.К. Андрианов, В. Ф. Лапшин, Ю. Е. Пудовочкин, А. А. Толкаченко / под ред. Ю. Е. Пудовочкина. М., 2022. С. 102.

к ним мер, которые были бы, в первую очередь, ориентированы на устранение причин индивидуального свойства»²⁷. То есть, применение к ним последствий, которые были бы способны либо предупредить совершение новых преступлений, либо исключить саму возможность их совершения, за счет создания неприемлемых для этого условий (высылка, надзор и др.). При этом кара, являющаяся сущностью наказания, в таких случаях не способна решить задач, направленных на предупреждение и исправление виновных, в то время как потенциальное разнообразие последствий иного воздействия, наряду с отсутствием жесткой привязки к определенной категории (кара, возмездие, репрессия или что-то другое), открывает перед ними достаточно серьезные перспективы.

Отсюда совершенно верным представляется суждение, согласно которому для отождествления уголовно-правовых последствий с мерами уголовно-правового характера нет достаточных оснований. Дело в том, что «...меры уголовно-правового характера, как и последствия, закреплены исключительно в УК РФ, но они, во-первых, ассоциированы только с преступлением и, во-вторых, соотносимы с теми правовыми средствами, которые предоставляет закон правоприменителю в части определения содержания и объема уголовно-правовых последствий»²⁸. В связи с этим сложно согласиться с предлагаемым М. Н. Каплиным списком уголовно-правовых последствий, который у ученого ассоциируется исключительно с конкретными видами воздействия на виновного, уже имеющимися в УК РФ (уголовная ответственность, наказание, иные меры уголовно-правового характера, принудительные меры медицинского характера, замена наказания

---

²⁷ Бавсун М.В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации. Омск, 2013. С. 334-335.

²⁸ Меры уголовно-правового характера: монография / В.К. Андрианов, В. Ф. Лапшин, Ю. Е. Пудовочкин, А. А. Толкаченко / под ред. Ю. Е. Пудовочкина. М., 2022. С. 23-24.

более строгим в случае злого уклонения, судебный штраф, конфискация имущества и др.)²⁹.

«Здесь, как видим, в одном линейном ряду поименованы и меры уголовно-правового характера, и собственно уголовно-правовые последствия, и последствия преступления, и последствия неправомерных деяний. Такой недифференцированный подход не может быть признан удачным»³⁰. Как представляется, речь должна идти о последствиях реализации собственно иных мер, зависимость которых от последствий преступного деяния должна быть непосредственной. Только в этом случае мы сможем добиться индивидуального подхода в предупреждении девиантного поведения, а также исправления лица, уже совершившего преступление. В этой связи постановка вопроса о дифференцированном подходе в оценке последствий применения иных мер уголовно-правового характера, в современных условиях становится все более актуальной.

«Во многом это связано с тем, что реакция государства на факт отклоняющегося поведения становится все более многообразной. В ситуации, когда единственной реакцией государства мыслилось уголовное наказание, особых проблем с терминологией не возникало, «преступление» и «наказание», в принципе, исчерпывало весь спектр необходимых понятий для описания государственной реакции на преступление. По мере того, как в уголовном законе стали появляться меры, не укладывающиеся в парадигму «наказание», например, меры воспитательного воздействия, условное осуждение, возникла потребность, с одной стороны, отграничить наказание от иных мер, а с другой стороны, обосновать их некоторую общность, принадлежность к формам уголовно-правовой реакции на преступление. В этот момент, как думается, и возникла концепция уголовной

---

²⁹ См.: *Каплин М. Н.* Виды уголовно-правовых последствий преступления // Актуальные проблемы уголовного права и процесса на современном этапе. 2019. № 8. С. 64.

³⁰ *Меры* уголовно-правового характера: монография / В.К. Андрианов, В. Ф. Лапшин, Ю. Е. Пудовочкин, А. А. Толкаченко / под ред. Ю. Е. Пудовочкина. М., 2022. С. 23.

ответственности как объединяющего начала и форм ее реализации как свидетельства применения различных мер воздействия»³¹.

Надо сказать, что еще Ф.Ф. Лист отмечал, что «уже давно просматривается проблема “перекоса” в направлении воздействия, которое сегодня в основном оказывает влияние (или стремится оказать) на преступность, а не на конкретных лиц, совершивших преступления»³². Под воздействием классической школы в общем учении о наказании стал господствовать принцип возмездия «...как в чистом виде, так и под прикрытием более мягких названий, например, “необходимое искупление” или “воздающая справедливость”, – принцип, переносящий центр тяжести субъективного критерия на объективный, с человека – на учиненное им деяние»³³. Однако подобный взгляд на государственную политику по противодействию преступности был критикован еще Гольцендорфом, криминалистом-классиком, который сделал вывод о «банкротстве карательной системы»³⁴ с теми принципами, которые ее олицетворяют и дают им жизнь.

В этой связи постановка вопроса об индивидуальном свойстве последствий отдельной меры иного характера становится все более актуальной на фоне, во-первых, давно назревшего и продолжающегося возрастания кризиса наказания (и особенно его сущности), а во-вторых, в условиях постоянной и очень высокой трансформации общественных отношений. В сложившейся ситуации не приходится говорить ни о стабильности самих средств иного характера, ни об их эффективности, с учетом их использования по прежним лекалам. В свою очередь, работа над возможными последствиями для виновного в совершении общественно опасного деяния должна составлять приоритет данного направления противодействия преступности, одним из которых является как раз их

---

³¹ Там же.

³² Лист Ф. Ф. Задачи уголовной политики. М., 2004. С. 31.

³³ Чубинский М. П. Очерки уголовной политики. М., 2008. С. 381.

³⁴ Цит. по: Ферри Э. Уголовная социология. М., 2005. С. 34.

индивидуализация, в том числе в соответствии теми преступными посягательствами, которые ими были совершены. И в данном случае, с учетом геополитической трансформации, преступления совершение, которых направлено на причинение вреда интересам Российской Федерации, выступают достаточным основанием для разработки дополнительных мер иного воздействия, способных устранить последствия посягательств именно данной группы.

По крайней мере механизм уголовно-правового воздействия позволяет законодателю творить в данном направлении в полном объеме, не оборачиваясь при этом на, по сути, искусственно созданную категорию вроде уголовной ответственности или достаточно умозрительные пределы системы мер уголовно-правового характера. Идея целесообразности, основанная на реальных потребностях государства в определенный момент его существования, должна быть доминирующей и, более того, таковой и является особенно в последнее десятилетие. Данный тезис хорошо подтверждается как на примере уголовного законодательства, так и смежных с ним отраслей права (например, уголовный процесс, уголовно-исполнительное право и др.). Так, в УК РФ появились нормы, направленные на недопущение реабилитации нацизма (ст. 354¹ УК РФ). Или положения, связанные с ограничением возможности назначения наказания условно в зависимости от осуждения за конкретное преступление (п. «а.1» ч. 1 ст. 73 УК РФ) или ограничением на применение условно-досрочного освобождения от дальнейшего отбывания наказания по тому же самому принципу (п.п. «г», «д» ч. 3 ст. 79 УК РФ). Эти и многие другие ранее совершенно неизвестные уголовному законодательству средства ужесточения ответственности, основанные на современной обстановке и возникшей потребности срочно реагировать на новые вызовы преступности. Идея целесообразности в таких случаях не может не доминировать, определяя в конечном итоге, и пределы

законности³⁵. В любом случае содержание иных мер уголовно-правового характера оказывается подверженным данному началу в настоящих условиях в полном объеме, будучи при этом способным оказать серьезное влияние на противодействие совершению преступлениям способным причинить существенный вред интересам Российской Федерации.

Распространенным является мнение, согласно которому в содержание механизма правового регулирования необходимо включать специфический набор средств правового воздействия, из которых юридическая ответственность (а уже, тем более, уголовная) хоть и является центральным, но далеко не единственным способом реагирования на факт совершенного преступления³⁶. При этом большую часть основанной на законе деятельности правоохранительных органов, направленной на пресечение и предупреждение преступлений, а также на реализацию ответственности лиц, их совершивших³⁷, составляет применение вполне конкретных правоограничений или мер уголовно-правового воздействия, среди которых найти свое место способны и иные средства, не относящиеся к наказанию, применение которых целесообразно в случае совершения преступлений исследуемой группы.

Подытоживая данную часть исследования необходимо сформулировать следующий вывод, который находит соответствующее подтверждение как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях, являясь их логическим следствием.

Особая правовая природа иных мер уголовно-правового характера, связанных с ограничением прав лиц, совершивших преступление против интересов Российской Федерации строится на:

---

³⁵ См. об этом более подробно: *Бавсун М.В.* Целесообразность в уголовном праве. Омск, 2004.

³⁶ См., напр. : *Морозова Л. А.* Теория государства и права : учебник. М., 2010. С. 39 ; *Кожевников В. В.* Теория государства и права. Омск, 2009. Ч. II. 183 с.

³⁷ *Гришанин П. Ф.* Современные проблемы уголовной политики и уголовно-правовой практики. М., 1994. С. 34.

1). особой функциональной принадлежности, обусловленной необходимостью ограничения прав лиц, совершивших преступления строго определенной группы;

2). основаниях их включения в УК РФ, объясняющихся необходимостью дополнительной охраны интересов РФ средствами исключительного и экстраординарного характера;

3). основаниями применения, в качестве которых выступают преступления против интересов Российской Федерации, перечень которых не должен ограничиваться разделом X УК РФ «Преступления против государственной власти», требуя соответствующего анализа деяний, посягающих на смежные объекты уголовно-правовой охраны, такие, как: экономика (налоговые преступления и др.), общественная безопасность (терроризм и др.), мир и безопасность (геноцид, развязывание агрессивной войны и др.) и пр.;

4). особым характером последствий (исключительного по отношению к другим преступлениям, характера, не имеющим своего аналога), следующих для виновного, которые могут на него распространяться.

Полагаем, что все перечисленные факторы выступают в качестве обязательных при определении самой сферы уголовно-правовой охраны, имеющей, с учетом складывающейся геополитической обстановки, статус особой. Обращение внимания на вопросы ответственности за посягательства на данную группу общественных отношений, как никогда своевременно, и будет способствовать началу теоретической разработки крайне важной проблематики, связанной с иным воздействием на лиц, виновных в совершении посягательств на интересы государства. При более широком взгляде на рассматриваемую проблему, нельзя не обратить внимание на амбициозность самой идеи, объясняющей необходимость выделения, последующей классификации и взаимосвязи иных мер уголовно-правового характера, с учетом объекта уголовно-правовой охраны (выходящего за пределы какой-либо одной главы или раздела УК РФ), на которое посягает

общественно опасное деяние. Дальнейшая разработка данной идеи видится весьма перспективной хотя и лежит далеко за пределами настоящего исследования.

§ 2. Исторические предпосылки разработки иных мер уголовно-правового характера, направленных на ограничение прав лиц, совершивших преступления против интересов Российской Федерации

Ранее, в рамках первого параграфа данного исследования, нами отмечалось, что иное воздействие на лиц, совершивших преступление, исторически обусловленное явление, которое находит соответствующую поддержку практически в каждом из памятников русского права. По большому счету вопрос всегда, в том числе и сейчас, строился вокруг содержательной части (видов, перечня) мер иного характера и их правового статуса, и в значительно меньшей степени был связан с обоснованием целесообразности самой идеи альтернативного воздействия на виновных. Относительно последнего тезиса, именно в историческом контексте данного вопроса, достаточно красноречиво высказалась С.Г. Келина, отметившая, что «история уголовного права свидетельствует, что со временем меняется не только круг деяний, которые включаются в категорию преступлений, меняются также методы уголовно-правового воздействия – расширяется перечень видов наказаний за совершение преступлений, вырабатываются иные меры, не являющиеся наказанием, но представляющие собой правовые последствия совершения преступления»³⁸.

Несколько сложнее выглядит ситуация с собственно расширением самих видов иного воздействия, трансформация которых, начиная от их перечня и, заканчивая объемом и пределами возможного влияния на лиц, виновных в совершении преступлений, никогда не были постоянными и даже

---

³⁸ Келина С.Г. Наказание и иные меры уголовно-правового характера // Государство и право. 2007. № 6. С. 51.

относительно стабильными в отечественном уголовном законодательстве. В этом плане нельзя не согласиться с К.Н. Карповым, отмечающим высокую степень фрагментарности именно в развитии иного воздействия как в некоторой степени самостоятельного уголовно-правового явления, что не позволило сформировать и к сегодняшнему дню более или менее целостную систему иных мер, четко их при этом отграничив от средств карательного воздействия, то есть наказания³⁹.

Между тем вести речь о возникновении самой возможности формирования исторических предпосылок, необходимых для появления в тексте уголовного закона иных мер, направленных на ограничение прав лиц, совершивших преступления против интересов государства, можно лишь с момента формирования самого государства и его основных институтов⁴⁰. Что характерно, к конкретным разновидностям таковых следует относить далеко не только те средства, которые сегодня воспринимаемы исключительно с позиции уголовного права. С учетом специфики памятников русского права, развития отдельно взятых законодательных актов и их системы в целом, зарождения и формирования юридической науки, а соответственно не сразу произошедшей

---

³⁹ См. об этом более подробно: *Карпов К.Н.* Иные меры уголовно-правового характера: система и виды. М., 2012. С. 27-28.

⁴⁰ Важным представляется обратить внимание, что именно с этим периодом связывается постановка вопроса о праве государства на наказание (а по сути, если смотреть на содержательную сторону, то воздействия в целом), выступающим в качестве абсолютно необходимого для него акта самообороны, средством удержания от произвола. Данная проблема имеет самое непосредственное отношение к вопросу о праве принуждения государством, лиц виновных в совершении преступления к неким тяготам и лишениям, которые далеко не всегда сегодня имеют карательную составляющую. См., например: *Бернер А.Ф.* Учебник уголовного права. Части Общая и Особенная. Т. 1. Часть Общая. СПб., 1865. С. 4; *Сергеевский Н.Д.* Русское уголовное право: пособие к лекциям. Часть Общая. Пг., 1915. С. 63; *Фойницкий И.Я.* Учение о наказании в связи с тюремоведением. М., 2000. С. 9; *Познышев С.В.* Основные вопросы учения о наказании. М., 1904. С. 72; и многие др.

Как отмечает Чучаев А.И., данную проблему с момента ее появления не обходил внимание «...ни один ученый-криминалист, философ, богослов, психолог, социолог». См.: *его: Уголовно-правовая доктрина о наказании в уголовном праве: исторический обзор.* В кн.: Понятие, цели уголовного наказания. Система уголовного наказания. Книга 1. Понятие уголовного наказания / под ред. проф. Н.А. Лопашенко. М., 2020. С. 58-60. Полагаем, что в многочисленных попытках ответа на данный вопрос, сегодня можно найти соответствующие предпосылки, необходимые для формирования самой идеи иного воздействия на тех, кто осуществляет целенаправленные попытки преступного поведения по отношению к государству.

концентрации ее усилий на разделение по отраслям, то здесь, безусловно, речь должна идти, в том числе, и о средствах уголовно-процессуального принуждения. Именно такой подход, по нашему мнению, способен раскрыть суть данного аспекта проблемы, позволив понять ретроспективу ее развития как комплексного явления, определив при этом предпосылки формирования сегодняшней системы противодействия преступности. В этой связи достижение максимально объективного результата видится посредством обращения к одним из первых централизованных актов русского государства, Судебникам 1497 и 1550 годов. Оба документа являясь продуктом своей эпохи, что вполне закономерно, содержали лишь некие зачатки так называемых мер иного воздействия на лиц виновных в совершении преступлений. Безусловно, говорить о непосредственной правовой регламентации ответственности отдельных средств, выступающих в качестве альтернативных наказанию, не приходится. Тем более об этом сложно вести речь применительно к отдельно взятой группе посягательств (против государства и все, что к таковым может относиться с учетом исторического периода развития).

Вместе с тем упоминание обоих памятников отечественного права совершенно необходимо, прежде всего, с позиции их уникальности, как первоначальных актов, позволивших создать основу для последующего развития отечественной правовой системы. Оба документа, содержали ответственность за такие преступные посягательства против государства как: *убийство господина, крамолу, церковную кражу или святотатство, кражу, сопровождающуюся убийством, передачу секретных сведений или оговор невинного, поджог города с целью предать его врагу* (ст. 9 Судебника 1497 г.⁴¹, ст. 61 Судебника 1550 г.⁴²). Все они предусматривали абсолютно определенную санкцию, содержащую единственный вид наказания – смертную казнь. Какая-либо альтернатива в уголовно-правовом плане на данный момент была пока еще

---

⁴¹ См.: *Памятники права периода образования русского централизованного государства XIV-XV веков* / под ред. Л.В. Черепнина. М., 1955.

⁴² См.: Судебник 1550 г. Перевод В.Г. Цыганова // https://dep_iogip.pnzgu.ru/files/dep_iogip.pnzgu.ru/normativnie_akti/sudebnik_1550_goda.pdf?ysclid=l5z63yka5j687290179

невозможна, а вот в уголовно-процессуальном аспекте уже тогда просматривались средства принуждения, выходящие за пределы уголовного наказания, способные при этом претендовать на роль прообраза иных средств принуждения лиц, виновных в совершении преступления. В частности, ст. 53 Судебника 1550 г. устанавливала возможность предварительного заключения до определения наказания государем⁴³. Даже при наличии в отечественном УПК РФ нормы о заключении под стражу (ст. 108), идея именно предварительного заключения как иной меры уголовно-правового характера и сегодня имеет свое право на существование, находя соответствующее обоснование в современной литературе⁴⁴. При этом специалистами указывается и на иные средства воздействия, способные сегодня оказаться в числе отдельных мер противодействия преступности, не входящих в систему наказаний. Например: «Если же находили дело у подьячего за городом или на подворье, весь ущерб от иска оплачивал дьяк, а подьячего наказывали торговой казнью и увольняли, в результате чего он нигде больше не мог служить подьячим»⁴⁵. Некий прообраз ныне существующего наказания в виде запрета на возможность заниматься определенными видами деятельности или занимать определенные должности просматривался уже тогда. При этом именно данное наказание, способно трансформироваться в разряд иных мер уголовно-правового характера, в силу своего крайне низкого карательного потенциала и в основном ограничительной направленности, реализуемой в основном уже после исполнения основного вида наказания.

Безусловно, наиболее прогрессивным как в этом, так и во всех других отношениях было Соборное уложение 1649 г., существенно расширившее систему средств уголовно-правового противодействия преступности. В

---

⁴³ См. об этом более подробно: *Сквозников А.Н.* Ответственность за преступления против правосудия и интересов государственной службы по Судебникам 1497 и 1550 гг. // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2012. № 1. С. 82.

⁴⁴ См., например: *Бавсун М.В.* Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации: дисс... докт. юрид. наук. Омск, 2013. С.

⁴⁵ См.: *Загидуллин М.Р.* Юридическая ответственность в судебном процессе России по судебникам 1497 и 1550 г. // Ученые записки Казанского университета. Серия «гуманитарные науки». 2019. № 1. С. 37.

целом творение правительства царя Алексея Михайловича, в отличии от прежних законодательств, «ограждает не только права лиц физических, но защищает строй, установленный государством, церковью, нравственным учением и кодексом бытовых приличий»⁴⁶. Более того, роль государя в механизме государственного управления выделяется особо, как четко обозначается и сам государственный аппарат. «...Кодекс раскрыл состав центрального государственного аппарата (царь, боярская дума, приказы и на местах (воеводское управление, губные старосты и их аппарат)»⁴⁷.

Отсюда и неизбежная от этого трансформация взгляда на механизм репрессии в отношении тех, кто посягает на данный объект уголовно-правовой охраны. Так, в данном документе широко используется наказание в виде изгнания преступника из земли по месту жительства, включающее в себя запрет на посещение определенных мест, территории, ограничение на выезд за пределы территории муниципального образования⁴⁸. Помимо изгнания также используется ссылка, применяющаяся к примеру, за кражу, разбой, за самовольный переход из городского состояния в крестьян или холопов⁴⁹. Также широко используются имущественные наказания в виде конфискации имущества⁵⁰, а также компенсации причиненного вреда. Многие из них применялись в дополнение к собственно наказаниям: смертной казни, торговой казни, тюремному заключению, физическому воздействию в виде битья кнутом или батогами и прочими видами кары. Именно они выступают в качестве исторических предвестников средств иного воздействия, которые сегодня могут найти соответствующее

---

⁴⁶ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов, 1995. С. 340.

⁴⁷ Анучина Ю.Н. Историко-правовое исследование гражданского права по Соборному уложению 1649 г.: дисс... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С.

⁴⁸ См.: Сидоркин А. И. Наказания, связанные с лишением и ограничением свободы в русском уголовном законодательстве IX-XVII вв.: проблемы правового регулирования, систематизации и применения. Казань, 2012.

⁴⁹ См.: Луппова М. А. К вопросу о системе наказаний и практика ее применения по Соборному Уложению 1649 года // Молодой ученый. 2021. № 20. С. 346-349.

⁵⁰ Томсинов В.А. Соборное уложение 1649 года как памятник русской юриспруденции. Опубликовано в издании: Соборное уложение 1649 года. Законодательство царя Алексея Михайловича / Составитель, автор предисловия и вступительных статей В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2011. С. 32.

нормативное закрепление в санкциях за преступления против интересов Российской Федерации. Речь, конечно, в данном случае идет о блоке средств воздействия имущественного, компенсационного, ограничительного и изоляционного (ссылка, изгнание) свойства, которые несмотря на течение времени, нисколько не потеряли (а с учетом, происходящих событий на геополитическом пространстве только приобрели) своей актуальности. Важен при этом сам факт внимания законодателя данному аспекту уголовно-правового воздействия, при том, что его видовое содержание, безусловно в каждую из исторических эпох существенно меняется.

Надо сказать, что в дальнейшем отмеченная выше тенденция лишь усилилась, получая соответствующий импульс параллельно с развитием как государственного устройства в целом, так и правовых институтов и механизмов, в частности. Следует при этом отметить, что следующий этап, связанный с активной реформаторской деятельностью Петра I, сопровождался «...усилением хаоса в правовой системе России. К тому же многие из принятых законов, юридически оформлявших новые государственные порядки, устанавливали принципы и нормы, противоречившие началам и нормам прежнего законодательства. При этом происходившие в общественной жизни перемены требовали издания новых и новых узаконений. В этих условиях поддерживать режим законности было чрезвычайно трудно»⁵¹. Вполне естественно, что не обошли стороной данные тенденции и сферу уголовно-правового воздействия, в том числе и за преступные посягательства на интересы государства. Их основными видами, тем не менее, оставались (помимо не входящей в предмет нашего исследования смертной казни) конфискация имущества виновного (а также вычет из жалования, и штраф), ссылка на каторгу⁵². При этом основная неопределенность правового регулирования строилась отчасти на

---

⁵¹ «Всем должно хранить интерес государев и государственной»: Петр I как законодатель» / Законодательство Петра I. 1696–1725 годы / Составитель, автор предисловия и вступительной статьи В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2014. С. XXX.

⁵² См. об этом более подробно: *Булдыгерова Л.Н.* Право Российской Империи (XVII – начало XX века). Хабаровск, 2019. С. 17.

процессуальных аспектах применения наказания, а отчасти на зависимости его вида и размера от сословности как потерпевшего, так и виновного, возможности крайне широкого усмотрения правоприменителя и прочих моментах, не относящихся собственно к самим видам воздействия.

Пожалуй, наибольший интерес в нашем случае представляют собой наказания, поражающие в правах. Ни тогда, ни сейчас не будучи наделенными карательным потенциалом данные способы воздействия на виновного влекли за собой для него мощные психологические и социальные последствия. Так, наказания поражающие в правах носили самостоятельный или дополнительный характер, а также применялись в виде «осрамительных» обрядов, к которым прибегали в случае отсутствия виновного. К самостоятельным относились: публичное испрашивание отпущения вины (гл. III ст. 21; гл. XVII ст. 141) или отозвание оскорбительных слов пред судом и сознание во лжи (гл. XVIII ст. 151); заоплеушение палачом или удар профосом по щеке (гл. XVII ст. 145); ношение в присутствии полка пики, мушкета или карабина (гл. I ст. 7–8). Сюда же мог быть отнесен и арест у профоса. Лишение чести часто встречается в «Артикуле» как наказание без обозначения, что под этим понимается (гл. III ст. 29). Но из «Воинских процессов» видно, что сюда относились: лишение чина, невыдача жалованья⁵³.

При этом в качестве отдельной меры подобного плана предусматривалось шельмование, которое в некоторых случаях сопровождало смертную казнь и влекло за собою конфискацию (гл. XII ст. 99). Шельмование происходило в виде переламывания над преступником шпаги и объявления его «шельмом»; вслед за тем происходила казнь (гл. XV ст. 123). Объявленный шельмом считался вне закона, человеком бесправным.

Шельмовать значило: «из числа добрых людей и верных извергнуть». «Воинские Процессы» устанавливали следующие ограничения для

---

⁵³ См.: *Егошин О.А.* Виды наказаний в отношении военнослужащих и их применение в эпоху Петра I // Вопросы теории и истории государства и права. Марийский юридический вестник. Вып. 7. С. 49.

шельмованных: 1) Ни в какое дело, ниже свидетельство не принимать, 2) Кто такого ограбит, побьет или ранит, или у него отымет, у оного челобитья не принимать и суда ему не давать, разве до смерти кто его убьет, то яко убийца судитися будет, 3) В компании (общество) не допускать и единым словом, таковой весьма лишен общества добрых людей; а кто сие преступит сам может, наказан быть⁵⁴.

Из изложенного прямо следует, что в отмеченный исторический период уже активно используются, так называемые дополнительные виды наказаний, а также способы воздействия, которые смело можно рассматривать в качестве иных мер, не имеющих в своем содержании карательных элементов. Более того, потенциал некоторых из них (в частности, шельмование), что важно – процедура приведения их в исполнение, на рассматриваемый исторический момент были выше, чем сейчас у тех мер, которые содержатся в отечественном уголовном законодательстве.

Надо сказать, что ситуация в части правовой регламентации рассматриваемых вопросов практически не изменилась в относительно непродолжительный период властвования Екатерины I и Петра II⁵⁵, и даже в последующем Анны Иоановны, начав по-настоящему трансформироваться с этапа правления Елизаветы Петровны. В период ее правления, а именно – в 1755 г. были подготовлены две части нового Уложения – «О суде», определявшая основные положения и принципы судоустройства и

---

⁵⁴ Краткое изображение процессов или судебных тяжб // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое 1649–1825 гг.: в 45 т. Т. 5 (1713–1719). СПб.: Типография II Отд. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. С. 410–411.

⁵⁵ См. об этом более подробно: *Томсинов В.А.* Законодательство императрицы Екатерины I: комментарий *Опубликовано в издании: Законодательство Екатерины I и Петра II / Составитель и автор вступительных статей В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2009. С. XIII–XXIII. (Серия «Русское юридическое наследие»).* С. 45.

судопроизводства, и «О розыскных делах», содержащая нормы уголовного и уголовно-процессуального права⁵⁶.

В последнем документе особое значение приобрел концепт «политическая смерть», применявшийся и ранее. Документы тщательно оговаривали, что считать смертью политической, а что наказанием⁵⁷. В 1753 г. императрица повелела, «учиня экстракт», доложить, «за какие вины политическая смерть и какая именно по указам положена». «Политическою смертию», по мнению Сената, следовало считать, «ежели кто положен будет на плаху, или взведен будет на виселицу, а потом наказан будет кнутом с вырезанием ноздрей», или подвергнут вечной ссылке «без всякого наказания». После рассмотрения в Главных командах и «безвинным экзекуции» «обстоятельные и краткие экстракты» дел с приложением законодательного обоснования и мнением сыщика отправляли в Сенат. За «наказание, а не за политическую смерть», по мнению законодателей этого периода, «почиталось» битие виновных кнутом «с вырезанием ноздрей» и отправление «в ссылки вечно»⁵⁸.

Таким образом, в исследуемый период практически впервые используется иное средство воздействия на преступников – «политическая смерть». При этом, и что самое главное, на законодательном уровне даются ее отличия от наказания. Впервые обозначается статус иной меры, а ее отличия начинают входить в сферу интересов законодателя, и именно данный факт выступает в качестве наиболее значимого для проведения дальнейшего анализа российского законодательства.

---

⁵⁶ Ворошилова С.В. Законодательство императрица Елизаветы Петровны в контексте отечественных правовых традиций // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 3. С. 219.

⁵⁷ См. об этом более подробно: Анисимов Е.В. Русская пытка. Политический сыск в России XVIII века. СПб.: Норинт, 2004; Марасинова Е.Н. Смертная казнь и политическая смерть в России середины XVIII века // Российская история. 2014. № 4. С. 53–69.

⁵⁸ Чирскова И.М. Сыск и наказания «воров» и «разбойников» в правовой культуре периода царствования Елизаветы Петровны // Вестник Российского государственного гуманитарного университета: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2020. № 8. С. 41-42.

По-настоящему серьезный разворот к самой идее некарательного воздействия на виновного произошел чуть позднее, в период правления Екатерины II. Находясь во власти идей Ш.Л. Монтескье и Ч. Беккариа, Екатерина с первых дней нахождения во власти начинает работу над новым законодательством. Итогом такой работы как известно стал «Наказ», который впервые в истории (как в России, так и в Европе) формулирует другую, помимо уже известных возмездия и устрашения, цель наказания, а именно – охранение общества от преступлений⁵⁹. Или: «возвратить заблудшие умы на путь правый» (ст. 84), по сути, специальная превенция. Поэтому «Наказ» более рассчитывает на предупредительные меры, чем на карательные (ст. 83) и не рекомендует в законе деяний безразличных, требует, чтобы закон не благодетельствовал одним во вред другим, чтобы просвещение распространялось между людьми⁶⁰.

В этой связи «Наказ» предписывает применять наказания с осторожностью (ст. 208) и дает специальные пояснения. Впрочем, сама идея смягчения наказания, а зачастую и отказ от кары звучит в документе неоднократно. «Если бы даже жестокость наказаний не была отвергнута добродетелями, то к отрицанию оной довольно было бы и того, что она бесполезна, а следовательно и несправедлива» (ст. 85); «надлежит, чтобы оно (наказание – авт.) было народное, по надлежащему скорое, потребное для общества, умеренное, сколь можно, при данных обстоятельствах, уравненное с преступлением и точно показанное в законе» (ст. 200); «намерение установленных наказаний не то, чтоб мучить тварь, чувствами одаренную, они на тот конец предписаны, чтоб воспрепятствовать виноватому, дабы он впредь не мог вредить обществу и чтоб отвратить сограждан от содеяния подобных преступлений. Для сего между наказаниями следует употреблять такие, которые ... впечатляли бы в сердцах людских начертание самое живое

---

⁵⁹ *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. СПб., 1892. С. 144-145.

⁶⁰ См. об этом более подробно: *Упоров И.В.* Теория уголовного наказания в России: от екатерининского «Наказа» до системных исследований начала XIX века // Гуманитарный научный вестник. 2017. № 7. С. 20-22.

и долго пребывающее, и в то же самое время были бы меньше люты над преступниковым телом» (ст. 205) и др.

Именно этот момент связан и с рождением первых научных изысканий, посвященных данной проблематике, которые также стояли на позиции отказа от доминирования начала кары, и настроены на поиск их альтернатив. Так, целью наказания, по мнению Радищева, является не мщение (оно всегда гнусно), а «исправление преступника или действие примера для воздержания от будущего преступления». Далее, развивая эту мысль, он отмечал, что «верховная власть многие имеет средства направлять деяния граждан в стезю закона, и все они могут быть предметом общего законоположения. Средства сия суть: 1) воспретительные; 2) побуждающие; 3) предупреждающие⁶¹. Предупреждение вновь и вновь оказывается среди целей наказания, что дает серьезный импульс для развития начал некарательного воздействия на лиц, совершивших преступления в отечественном уголовном законодательстве. При этом среди наиболее ярких средств реализации идей предупреждения и исправления было введение в уголовное законодательство работных домов⁶². Несмотря на ее заимствование у У. Блэкстоуна, тем не менее для российской системы правосудия она была новаторской, особенно с учетом специфики ее реализации в отечественном уголовном законодательстве. В этом отношении следует признать прогрессивность рассматриваемого периода, что позволяет рассматривать его в качестве прочной основы для формирования всего направления иного воздействия на осужденных средствами уголовно-правового характера.

Надо сказать, что не стали исключениями из сформировавшейся тенденции и преступления против основ государственной власти.

---

⁶¹ См: *Радищев А.Н.* Избранные философские сочинения. М.,1949. С.405. Вторили ему и другие правоведы этого периода: В.Н. Татищев, М.М. Щербатов, С.Е. Десницкий и др. См. об этом: *Уповов И.В.* Указ. соч. С. 20.

⁶² См. об этом более подробно: *Бабкова Г.О.* Уголовно-процессуальные законопроекты Екатерины II и российское законодательство второй половины XVIII в. (К истории указа «О трех родах воровства» 1781 г. и «Устава благочиния» 1782 г.) // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 2. С. 12-14.

Оказавшись в общем ореоле идей смягчения, гуманизма, экономии человеческого ресурса и терпимости, ответственность за данные посягательства также трансформировалась в указанных направлениях. В основном это произошло за счет повсеместного расширения практики применения такого вида наказания как ссылка, которая стала носить все более колонизационный характер (колонизированная ссылка)⁶³. При этом «Ссылка за тяжкие государственные преступления приобретает более широкий размах и значение»⁶⁴, более того, постепенно трансформируясь (существуя параллельно) в еще более гуманное и, что самое главное, необходимое государству средство воздействия на преступника, совершившего, в том числе и преступление данной группы, – поселение⁶⁵.

Все это напрямую свидетельствует о серьезном эволюционном пути, который был пройден законодателем, начиная от первого Судебника, до момента появления Наказа Екатерины II, в части определения, разработки и реализации самой идеи более гуманного подхода к лицам, совершившим в том числе государственные преступления, за счет иного, в основном, некарательного воздействия.

В свою очередь, настоящий всплеск в развитии юридической науки произошел в девятнадцатом столетии, а в его первой половине в особенности. Безусловно, уголовно-правовое воздействие (в его комплексном понимании) не просто не осталось в стороне от происходящих процессов, но и оказалось в авангарде всей уголовно-правовой мысли. С учетом предыдущего периода, характеризующего продуцированием идей гуманизма и экономии человеческого материала, новый период стал не просто неким продолжением данного начинания. Он связан с материализацией указанных

---

⁶³ См. об этом более подробно: *Пирожников А.Н.* Исторические предпосылки разработки иных мер уголовно-правового характера, направленных на ограничение прав лиц, совершивших преступления против интересов Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1. С. 110-119.

⁶⁴ *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право (лекции): Часть общая. М., 1999. С. 110.

⁶⁵ См.: *Степанова О.В.* Зарождение новой формы ссылки в России в XVIII веке // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского. 2008. № 6. С. 81.

идей непосредственно в уголовном законодательстве, в части концептуальной проработки именно иного воздействия в отношении лиц, виновных в совершении преступлений. Что интересно, вся концепция нового понимания государственного принуждения в рамках уголовного законодательства нашла свое выражение в словах М.М. Сперанского, который полагал, что все уголовные наказания должны быть разделены на три вида – соответственно «жизни физической, политической и гражданской». Он полагал, что главной целью наказания является общее предупреждение⁶⁶. С учетом личности М.М. Сперанского как государственного деятеля и ученого, данный вывод был положен в основу всей концепции развития уголовно-правового воздействия в России на долгие годы. Последний тезис, касающийся общего предупреждения, как основной цели наказания, безусловно, был революционным для этого периода, одновременно позволившим поставить вопрос относительно разработки системы конкретных мер, необходимых для ее реализации.

Отсюда и система уголовно-правового противодействия преступности уже в первой четверти XIX столетия стала представлять собой сложную иерархию наказаний уголовных и исправительных. При этом исправительные наказания сопровождалось лишением некоторых прав состояния, телесным воздействием; ссылкой в Сибирь; кратковременным заключением в тюрьме или в крепости; арестом; штрафом; выговором⁶⁷. Между тем, уже исходя из наименований наказаний становится понятным, что часть из них (лишение прав состояния, выговор и др.), мало напоминают собственно наказания, в большей степени являясь выражением идеи иного воздействия на виновных в совершении преступлений.

Одни только работы, назначаемые в рамках уголовного наказания делились на: каторжные, крепостные, в портах, в казенных заведениях и фабриках, смирительном доме, рабочем доме, городовые работы и работу у

---

⁶⁶ Солодкин И. И. Некоторые вопросы уголовного права и законодательства в работах М. М. Сперанского // Правоведение. 1965. № 1. С. 159-164.

⁶⁷ См. об этом более подробно: Булдыггерова Л.Н. Указ. соч. С. 45.

частных лиц вместо рабочих домов⁶⁸. Не меньшее разнообразие наблюдалось и в видах ссылки. Так, ст. 58-65 Свода законов предусматриваются следующие ее разновидности: ссылка в Сибирь на каторжную или крепостную работу; ссылка в Сибирь на поселение; временная ссылка в Сибирь на житье; ссылка в Закавказские провинции; ссылка в дальние города, деревни или в другие места; высылка за границу; высылка из столицы с запрещением пребывания в ней⁶⁹. Что характерно, изменение их видов происходило постоянно, сообразно меняясь с той трансформацией общественных отношений, которая была характерна для этого периода времени.

«В качестве наказания за государственные преступления Уложение предусматривало лишение всех прав состояния и смертную казнь, лишение всех прав состояния и каторжную работу на разные сроки, ссылку на поселение в отдаленнейшие места Сибири, а для лиц, «не изъятых от наказаний телесных», – наказание плетьюми с наложением клейм. Последние из указанных мер наказания были связаны с последующим (после окончания срока) правопоражением. Восстановление сословных прав и снятие полицейского надзора было возможно лишь исключительно по воле императора. Статья 277 разрешала применять в качестве дополнительного наказания конфискацию всего имущества, родового и благоприобретенного»⁷⁰.

Надо сказать, что такое многообразие видов наказаний, зачастую не имеющих собственно карательного потенциала, которые предусматривались

---

⁶⁸ Буклова В.А. Эволюционные особенности системы уголовного наказания в уголовном законодательстве Российской империи XIX в. // Социально-экономические явления и процессы. 2009. № 4. С. 19.

⁶⁹ Детков М. Г. Наказание в царской России. Система его исполнения. М., 1994. С. 39.

⁷⁰ Савченко Д.А. Модернизация российского законодательства XIX века об ответственности за государственные преступления // <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-rossiyskogo-zakonodatelstva-xix-veka-ob-otvetstvennosti-za-gosudarstvennye-prestupleniya/viewer>. См. также: Ефименко И.А. Составы политических преступлений в Уложении о наказании уголовных и исправительных 1845 г. // Общество и право. 2004. № 4. С. 57.

за исследуемые виды преступных посягательств, во многом было обусловлено и той видовой трансформацией, которая произошла с ними самими с течением времени. Например, с развитием книгопечати (и в целом издательского дела), распространенным стало такое явление как критика власти, а также открытые призывы к ее смене на страницах книг и журналов. В определенный момент такие действия перешли в разряд уголовно-наказуемых, одновременно при этом, но при сохранении определенных условий, способных повлечь за собой административно-правовые последствия⁷¹. Во многом это было обусловлено тем, что Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. не представляло собой достаточно четкого, юридически точно разработанного уголовного кодекса. Для него, так же как для Свода законов 1832 г. характерно отсутствие достаточно четкого разграничения уголовной, административной и дисциплинарной ответственности⁷². Тем не менее, именно данный факт, несмотря на, казалось бы, свои отрицательные предпосылки, оказал важное влияние на появление и дальнейшую проработку средств воздействия на виновного, правовая природа которых до сих пор до конца не определена. При этом можно с уверенностью утверждать, что, являясь преемником указанного выше подхода, законодатель, с успехом использует сегодня (или может использовать) в рамках уголовно-правового регулирования, их отдельные разновидности.

Что характерно, отмеченная выше проблема, наметившись в указанный отрезок времени, получила свое дальнейшее развитие в российском законодательстве, продолжая сохраняться и сегодня. Разграничение

---

⁷¹ В частности в 1826 году был учрежден цензурный комитет, функционал, которого составлял выявление вещей подобного рода, их документирование, и последующий доклад о самом нарушении и его степени.

⁷² См.: *Горячева Е.М.* Особенности административного и уголовного законодательства в сфере борьбы с инакомыслием в годы правления Николая I // <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-administrativnogo-i-ugolovnogo-zakonodatelstva-v-sfere-borby-s-inakomyслиem-v-gody-pravleniya-nikolaya-i?ysclid=171i6b89dq275893469>. Об этом же пишет: *Ефименко И.А.* Составы политических преступлений в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // *Общество и право.* 2010. № 4. С. 57.

различных сфер правового регулирования именно в части решения вопроса о виде юридической ответственности, в том числе и применительно к рассматриваемой группе преступных посягательств, практически не поддавалось российскому законодателю девятнадцатого столетия. Н.С. Таганцев отмечает по этому поводу, что меры, применяемые полицейскими и другими административными властями для предупреждения и пресечения преступлений, не относятся к наказанию, их применение не зависит от карательной власти. «При издании Судебных уставов предполагалось, что они будут определены новыми уставами полиции; но это предположение не осуществилось, и система административных взысканий осталась и ныне в крайне неопределенном виде»⁷³. И, далее, автор отмечает, что в Уложении о наказании в ред. от 1857 г. в примечании к ст. 62 было указано, что в некоторых случаях (включая посягательства на интересы государства) могут быть использованы такие средства как: «высылка за границу», «отдача под надзор полиции», «запрещение жить в определенных местах», «кратковременный арест» и др.⁷⁴

Все эти меры в полном объеме могла применять полиция, в том числе (а в отдельных случаях и в особенности) и за преступления против государства, действуя при этом за пределами уголовного наказания. Однако, на данный момент, по мнению ученого, так называемые полицейские меры представляли полную неопределенность⁷⁵. Между тем, именно они в последующем легли в основу некоторых мер уголовно-правового характера некарательного свойства за преступления против государства и, более того, могут быть использованы в качестве таковых в дальнейшем.

Интересно, что весь исследуемый период характеризовался поиском государством тех мер, которые бы максимально эффективно были способны предупреждать и пресекать совершение новых преступлений. В частности, в 1881 г., 1883 г., 1887 г. были приняты законы, позволяющие в

---

⁷³ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть Общая. Т. II. Тула, 2001. С. 11.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же.

административном порядке выдворять лиц вредных для государственного и общественного спокойствия. Сейчас очевидно, что грань между административным выдворением и собственно наказанием, тонка и неочевидна. Однако следует признать тот факт, что в качестве возможного прообраза иных мер уголовно-правового характера, данная мера появилась именно в рассматриваемый период. И несмотря на свой изначально полицейский статус⁷⁶, сейчас, применительно к группе преступлений против интересов Российской Федерации, она вполне может быть применима наряду с наказанием. Что характерно ее широкомасштабное использование сегодня, а конкретно – 2023 г., но как меры именно полицейского свойства, отмечено в Запорожской области. В частности, лиц, не поддерживающих специальную военную операцию выдворяли на Украину⁷⁷.

Несмотря на прогрессивность некоторых мер, применяемых в данный период, следует отметить и его достаточно высокий уровень неопределенности именно в части установления средств воздействия на лиц, виновных в совершении преступлений, в том числе и в сфере государственной власти. Составители Уложения, по мнению Н.С. Таганцева, не установили основного принципа деления наказаний... Это в равной степени относилось как к его видам (рудники, крепости, заводы, поселения в Сибири, житье в отдаленных губерниях, арестантские роты, рабочий дом, смиренный дом, тюрьма, арест и др.), так и к дифференциации (возможность деления наказаний по месяцам, неделям, дням и даже часам)⁷⁸. По большому счету это время перехода, от сугубо карательной модели к ее компромиссному варианту, в котором иное воздействие начало занимать по-

---

⁷⁶ См. более подробно: *Фойницкий И.Я.* Учение о наказании в связи с тюремоведением. М., 2000. Т. 2. С. 446-447.

⁷⁷ Губернатор Балицкий: на Украину выдворяли лиц, не поддерживающих спецоперацию // URL.: https://dzen.ru/news/story/adf51ee0-ce19-52a1-ac08-8190f36ed5b2?annot_type=trust&cl4url=08623f35a16be0891bf61634030097fb&fan=1&from=newsapp&lang=ru&persistent_id=2770273029&stid=a1UWsnXfZJnGAz_S9bKD&story=7749016d-e428-5cfd-8271-3635d989f4b8&t=1708837379&tst=1708837798 (дата обращения: 25 февраля 2024 г.).

⁷⁸ *Таганцев Н.С.* Указ. соч. С. 126-127.

настоящему свое, и если еще не по статусу, то по крайней мере, фактическое место.

Отчасти, подтверждение данного тезиса мы встречаем и у И.Я. Фойницкого, который по разному оценивает такие средства изменение приговора, зачеты в наказании, досрочное условное освобождение, отсрочка исполнения приговора, простая отсрочка, погасительная отсрочка, условное осуждение (которого в России не было до 1918 г.). Признавая за одними материально-правовое происхождение (досрочное условное освобождение), к другим ученый подходит исключительно с процессуальных позиций (погасительная отсрочка и др.)⁷⁹. Таким образом, конец девятнадцатого начало двадцатого столетия, несмотря на качественно новый подход к правовой регламентации и в целом пониманию уголовно-правового воздействия, характеризуется достаточно высоким уровнем неопределенности, что не могло не сказаться и на отношении к иным мерам в общем и целом, и к возможности их применения за преступления, посягающие на интересы государства.

Однако уже в начале XX-го века П.И. Люблинский буквально пишет, что наряду с так называемыми общими наказаниями, имеющими по преимуществу карательное значение, существуют и меры, назначаемые дополнительно, лишенные самостоятельного существования в качестве основных наказаний. Их по иному, ученый еще называет – дополнительными наказаниями, которые при этом имеют смешанный характер, и где карательный элемент является лишь одной из составных частей⁸⁰. При этом среди таковых (мер или дополнительных наказаний) применительно к преступлениям, посягающих на интересы государства, использовались, например: меры репрессивно-предупредительные (высылка ст. 35, ссылка на водворение ст. 275, ограничения в избрании места жительства ст. ст. 128, высылка в пределы оседлости ст. 130), а также меры чисто репрессивного

---

⁷⁹ См.: Фойницкий И.Я. Указ. соч. С. 572-576.

⁸⁰ См.: Люблинский П.И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса. М., 2004. С. 35.

свойства: (правовлишения ст. ст. 128, 130, удаление от должности ст. 93, 425)⁸¹.

К дополнительным наказаниям В.В. Есипов, Н.Д. Сергиевский и другие специалисты в конце девятнадцатого столетия относили такие его разновидности как: лишение всех прав состояния при всех наказаниях уголовных (ст. 17, 22 и след.); лишение всех особенных прав и преимуществ при ссылке па житье, заключение в арестантские отделения или в тюрьме (ст. 30, I, II; ст. 43 и след.); лишение некоторых особенных прав и преимуществ при заключении в крепости или в тюрьме (ст. 30, III, IV; ст. 50), церковное покаяние, конфискация имущества или вещей, опубликование приговора, высылка за границу, воспреещение жительства, надзор полиции, запрещение ремесла или промысла (ст. 58). Меры последнего рода присоединяются, как к наказаниям уголовным, так и исправительным⁸².

При этом ученый помимо данной также выделял и другую группу наказаний, которую называл заменяющими, в которую включал политическую смерть, высылку за границу и общественные работы⁸³. Все перечисленные наказания, вне зависимости от категории, в которую включали их ученые (и которые выделялись на уровне Уложения о наказаниях), в большей мере относятся к иным мерам, в силу отсутствия в их содержании карательного начала. Что характерно, большинство из них с успехом применялись в дополнение к наказаниям, которые предусматривались за преступления против государства, позволяя обеспечить, в первую очередь, его индивидуальность, необходимую в таких случаях государству для исключения виновного из любых социальных процессов.

---

⁸¹ Там же.

⁸² *Есипов В.В.* Очерк русского уголовного права. Часть Общая. Преступление и преступники. Наказание и наказуемые. Варшава, 1894. С. 325; *Сергиевский Н.Д.* Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть Общая. СПб., 1887. С. 240. Интересно при этом отметить тот факт, что отдельные специалисты этого периода все виды наказаний рассматривали исключительно с позиции их карательной составляющей. См., например: *Будзинский С.* Начала головного права. Варшава, 1870. С. 251-253.

⁸³ *Есипов В.В.* Указ. соч. С. 326.

В этом отношении данный период стал, безусловно, прогрессивным в части правовой регламентации ответственности за посягательства на интересы государства (как, впрочем, и в целом ответственности в ее самом широком понимании), когда наряду с жесткостью санкций, государство накопило существенный опыт некарательного воздействия в отношении виновных. Пожалуй, можно утверждать, что именно данный этап отображает тенденцию всего предыдущего исторического отрезка, на протяжении которого происходило формирование подхода государства к преступникам данной категории, с учетом получивших свое развитие идей гуманизма, терпимости, законности, экономии репрессии и человеческого материала. М.П. Чубинский пишет по этому поводу, что «...общество обращается с наказанием и только стремится к возможно широкой индивидуализации наказания, чтобы найти наиболее подходящий к данному индивиду способ воздействия, пригодный для приспособления его к правильной закономерной жизни в обществе и наиболее гарантирующий общественную безопасность»⁸⁴.

Важно при этом отметить, что максимально индивидуализирующим качеством, на тот момент, наказания за преступления, посягающие против государства выступала изоляция виновного, а если быть еще более точным, то изъятие его из общества за счет видов наказаний (дополнительных) не имеющих под собой карательной сущности. А именно, в нынешней классификации – мер иного характера. Как раз они оказывали максимально индивидуализирующее воздействие на виновных, которое проявлялось уже на стадии самого замысла их появления и включения в санкции преступлений против основ государственного устройства. Например, Уголовное уложение карало ссылкой на поселение за оказание дерзостного неуважения к верховной власти, порицание существующего образа

---

⁸⁴ Чубинский М.П. Очерки уголовной политики. Понятие, история и основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права. М., 2008. С. 394.

правления и порядка престолонаследия, выраженное публично (в речи, сочинении и т.п.) – статья 128⁸⁵.

Ссылка на поселение предусматривалась и за ряд других преступлений против государственной власти. Например, за непубличное распространение среди военнослужащих учений или суждений, возбуждающих у них желание нарушать условия несения службы (ст. 131 Уложения); или за участие в скопище в целях выражения неуважения Верховной Власти, или порицания установленных Законами Основными образа правления или порядка наследия Престола (ст. 121 Уложения); и др. Также необходимо отметить, что данный период характеризовался, с одной стороны значительным увеличением группы преступных посягательств против государства (и неповиновении власти⁸⁶), а с другой, серьезной дифференциацией ответственности за данные деяния наряду с ее относительным смягчением.

Так, за целый ряд деяний подобного рода законодатель предусматривал наказание в виде денежной пени (как единственный вид наказания) – ст. ст. 138-141, ст. 153 Уложения и др., или помещение в исправительный дом (в некоторых из перечисленных статей также в качестве единственного вида наказания) – ст. ст. 125, 134, 145, 154, 155 Уложения и др. Между тем оба вида наказания не относились к категории наиболее репрессивных, скорее наоборот. В свою очередь помещение в исправительный дом как вид наказания способно трансформироваться в иную меру, как раз в силу отсутствия карательного элемента в его содержании и способности к высокой степени корректирующего воздействия на лицо, виновное в совершении преступления. И несмотря, на то, что данные виды наказаний предусматривались лишь за посягательства против власти, а не за все преступления данной группы, следует отметить, безусловную прогрессивность в позиции уголовного законодателя по данному вопросу,

---

⁸⁵ См. более подробно об этом: *Романовская В.Б., Рогов С.Л.* Политические преступления по Уголовному уложению 1903 года // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. № 3. С. 186-187.

⁸⁶ См. об этом: *Малиновский И.* Лекции по истории русского права. Ростов н/Д., 1918. С. 318.

что нашло свое отражение не только в увеличении конкретных видов преступлений, но и трансформации государственного подхода к ответственности за таковые⁸⁷.

Надо сказать, что первый Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. был в этом отношении принципиально иным документом. При отсутствии наказания как такового, и его заменой на меры социальной защиты, уголовный законодатель продемонстрировал несколько иное отношение, прежде всего, к самому уголовно-правовому воздействию, и уже как следствие к пределам ответственности за различные группы посягательств. Не являлись исключением и преступления против основ молодого советского государства.

Наряду с появлением в УК принципиально новых составов преступлений, относящихся к рассматриваемой группе, советский законодатель в целом сохранил общую тенденцию, относительно ответственности за их совершение. И если, наиболее опасные посягательства на государство карались традиционно максимально жестко, то другие деяния, также как и по Уложению 1903 г. оценивались относительно умеренно, где собственно наказание не выступало в качестве единственной меры воздействия. В частности, такое общественно опасное деяние как пропаганда и агитация в направлении помощи международной буржуазии, указанной в ст. 57-й, наказывалось изгнанием из пределов РСФСР или лишением свободы на срок не ниже трех лет. Или, например, организация в контрреволюционных целях вооруженных восстаний или вторжения на советскую территорию вооруженных отрядов или банд, а равно участие во всякой попытке в тех же целях захватить власть в центре и на местах или насильственно отторгнуть от РСФСР какую-либо часть ее территории, или расторгнуть заключенные ею договоры, при наличии смягчающих обстоятельств каралось лишением свободы на срок не ниже пяти лет со

---

⁸⁷ См.: *Астахова Н.Ю.* Уголовное уложение 1903 г.: ответственность за организацию и участие в преступных сообществах // Гуманитарные исследования. 2013. № 1. С. 128-129.

строгой изоляцией и конфискацией всего имущества. При этом как изоляция (удаление из пределов РСФСР или из пределов отдельной местности с обязательным поселением в других местностях или без этого или с запрещением проживания в отдельных местностях либо без такого запрещения – п. «ж» ст. 20 УК РСФСР в ред. от 1926 г.), так и конфискация вполне способны претендовать на роль иных средств воздействия на виновных в совершении любых видов преступлений.

Надо сказать, что первый уголовный кодекс во многом перенял сформировавшуюся к тому времени общую тенденцию трансформации наказания, наряду с его гуманизацией. И уже в 1930 году помимо указанных выше также включал в себя такие виды наказаний как общественное порицание – п. «к» ст. 20 УК РСФСР; возложение обязанности загладить причиненный вред – п. «и» ст. 20 УК РСФСР; предостережение – п. «л» ст. 20 УК РСФСР⁸⁸. Следует отметить, что отмеченные наказания, наряду с конфискацией, весьма активно упоминались законодателем и в законе об уголовной ответственности за государственные преступления 1958 г. Например: ст. ст. 7, 15, 21 и др.⁸⁹ Важно понимать, что данные виды наказаний, наряду со ссылкой и высылкой активно использовались в молодом советском государстве, как на этапе его создания, так и уже в послевоенные годы. В частности, в Основах уголовного законодательства союза ССР и союзных республик в п. п. 2, 3, 7 ст. 21 предусматривались ссылка, высылка и общественное порицание⁹⁰.

При этом и ссылка и высылка устанавливались в качестве как основных, так и дополнительных видов наказаний за преступления против государства уже в УК РСФСР 1960 года (например, ст. ст. 70, 74 и др.), а

---

⁸⁸ Уголовный кодекс РСФСР в ред. 1930 г. // <https://docs.cntd.ru/document/901757374> (дата обращения 24.09.2022 г.).

⁸⁹ См.: *Законы СССР и постановления Верховного Совета СССР принятые на второй сессии Верховного Совета СССР пятого созыва (23-25 декабря 1958 г.)* // Закон об уголовной ответственности за государственные преступления. М., 1959. С. 53, 55, 57 и др.

⁹⁰ См.: *Основы уголовного законодательства ССР и союзных республик* // https://ru.wikisource.org/wiki/Закон_СССР_от_25.12.1958_об_утверждении_Основ_уголовного_законодательства_Союза_ССР_и_союзных_республик (дата обращения 25.09.2022 г.).

возложение обязанности загладить причиненный вред и общественное порицание были предусмотрены в общей системе наказаний (п. п. 8, 9 ст. 21 УК РСФСР, успешно применяясь за другие виды преступных посягательств. Интересным также представляется и тот факт, что советский законодатель допускал возможность применения к лицам, совершившим преступления, против государства условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду (фактически представляла собой иную меру). Невозможность применения такого способа воздействия не допускалась только к тем, кто совершил особо опасные государственные преступления⁹¹. При этом, элементов собственно карательного воздействия все перечисленные средства уголовно-правового принуждения, в себе не содержат, по своей сути в большей степени относясь к средствам иного (обеспечительного) воздействия на лиц виновных в совершении преступлений. Сама идея эффективности реализации таких мер (в том числе и за преступления против государства), несмотря на ее отражение в системе наказаний, свидетельствует о перспективности ее претворения в жизнь в дальнейшем, находя при этом соответствующее историческое подтверждение⁹².

Что характерно, такая перспектива наиболее реализуемой видится именно на современном этапе развития общества, значительно превосходя по своему организационному, нормативному и психологическому потенциалу любой из исследованных исторических периодов. Во многом это обусловлено тем, что УК РФ 1996 года впервые предусматривает количество мер иного характера значительно больше, чем любой другой исторический правовой акт. Более того, отдельные виды наказаний, которые сегодня устанавливаются за преступления исследуемой группы (ч. 1 ст. 280¹, ч. 2 ст.

---

⁹¹ См.: п. «а» ч. 2 Постановления Президиума Верховного Совета СССР от 12 июня 1970 г. «Об условном осуждении к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду // Ведомости Верховного Совета СССР. 1970. № 24. ст. 204.

⁹² См.: *Советское уголовное право. Часть Особенная* / отв. ред. проф. М.И. Ковалева. М., 1983. С. 19; *Курс советского уголовного права. Часть Особенная. Т. 3* / отв. ред. проф. Н.А. Беляева, М.Д. Шаргородский. Л., 1973. С. 231; и др.

282³ УК РФ и др.) могут менять свой статус, и быть отнесенными именно к иному воздействию. В частности: принудительные работы (ч. 1 ст. 280¹, ч. 2 ст. 282³, ч. ч. 1, 2 ст. 282⁴ УК РФ и др.), споры о правовой природе которых идут с момента их появления в системе наказаний российского уголовного законодательства⁹³, или ограничение свободы (например, ч. ч. 1, 1.1 ст. 282², ч. 1 ст. 284¹ УК РФ и некоторые др.)⁹⁴.

Несмотря на крайне высокие характер и степень общественной опасности рассматриваемых посягательств (как явления), тем не менее, государство уже сейчас на законодательном уровне демонстрирует свою способность к реализации компромиссного варианта, неизбежность которого, обусловлена потребностью в дифференциации уголовной ответственности, необходимой, в том числе и для повышения эффективности предупреждения совершения преступлений данной группы. В целом признавая объективность потребности в непримиримости и бескомпромиссности борьбы с посягательствами подобного рода, в то же время отметим, что их количество и качество (преступлений, совершаемых против интересов государства) в исторической ретроспективе стабильно менялось в сторону, во-первых, видового увеличения, а во-вторых, относительной умеренности в степени общественной опасности.

Наряду с традиционными – государственной изменой, шпионажем, свержение государственной власти (конституционного строя) уголовное законодательство, начиная с первой половины XIX столетия достаточно активно стало пополняться значительным числом так называемых – иных видов преступлений исследуемой группы. Вполне естественно, что такая трансформация требовала от законодателя и выбор новых средств

---

⁹³ См., об этом более подробно, например: *Авдеев В.А.* Принудительные работы как новый вид наказания в системе мер уголовно-правового характера // *Известия Иркутской государственной экономической академии.* 2012. № 6. С. 100-101; *Непомнящая Т.В.* Иные меры уголовно-правового характера: понятие, юридическая природа, система // *Правоприменение.* 2017. № 1. С. 118-119; и др.

⁹⁴ См., например: *Новикова Е.А.* Правовая природа ограничения свободы // *Актуальные проблемы российского права.* 2014. № 8. С. 1699-1700.

воздействия в отношении лиц их совершающих. Отсюда, появление в санкциях статей, в нормах, регламентирующих ответственность за деяния, посягающие на интересы государства, наказаний, имеющих пограничный характер, способных оказаться в статусе иных мер уголовно-правового характера, не случайно и исторически обусловлено, что находит соответствующее подтверждение как в памятниках русского права, так и в специализированной литературе, посвященной данной проблематике.

В этом отношении нельзя не согласиться с М.В. Бавсуном, который отмечает, что «...отечественная система уголовно-правового воздействия на преступность, должна следовать в направлении развития мер некарательного характера. Система эта должна быть более многоаспектной, позволяя налагать на виновного тяготы и лишения, которые не строятся лишь на ограничении его личной свободы. Используемые при этом средства должны носить не взаимоисключающий, а комплексный, а в определенных случаях и взаимозаменяющий характер, что позволит более гибко осуществлять выбор объема уголовно-правового воздействия и будет способствовать индивидуальному подходу к лицу, совершившему преступление. При этом необходимость каждой меры в общей системе воздействия должна определяться ее способностью обеспечивать достижение цели предупреждения совершения преступлений определенной группы»⁹⁵. Данное суждение, с учетом тех потребностей государства, которые имеют свою историческую обусловленность, при этом сталкиваясь с новыми вызовами и угрозами, в полной мере должно распространяться на отдельные виды преступлений, посягающих на его интересы.

Таким образом основными тенденциями развития иных мер уголовно-правового характера применительно к исследуемой группе посягательств являются.

---

⁹⁵ Бавсун М.В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации: дисс... докт. юрид. наук. Омск, 2013. С. 317.

1. Одновременное развитие системы преступлений, против государственной власти и трансформации подхода государства к дифференциации ответственности за их совершение. Переход от «типичных» преступлений в данной группе, и не менее «типичных» видов наказаний, которые предусматривал законодатель, к разнообразию их видов, а, соответственно и наказаний, часть из которых, в силу отсутствия в их содержании карательной составляющей, способна претендовать на средства иного воздействия на виновных, произошел с развитием науки уголовного права, а также доминированием идей гуманизма, экономии человеческого материала, а, соответственно и экономии репрессии, повлекших реализацию принципиально иного подхода во всей сфере уголовно-правового воздействия, на лиц, признанных виновными в совершении преступлений. Смена отношения ко многим вещам и ценностям, таким, как – жизнь человека, государство как регулятор, польза от каждого субъекта правоотношения для общества и многого другого, привело к трансформации подхода к решению исследуемого нами вопроса.

2. Общее снижение карательного потенциала наказаний за преступления, посягающие на интересы государства, и их постепенная трансформация происходили сообразно целям частной превенции. В частности, речь идет о появлении видов наказаний, во-первых, потенциально способных (в силу своего крайне низкого карательного потенциала) перейти в группу средств иного воздействия, а, во-вторых, включении в их содержание элементов, способных обеспечить индивидуальное предупреждение совершения виновными новых преступлений данной группы.

Представленные тенденции вытекают из проведенного подробного анализа не только законодательных актов, но и доктрины уголовного права в ретроспективном аспекте. Данный тезис указывает на то, что отечественное законодательство менялось, в том числе, получая совершенно необходимое в

таких случаях теоретическое обоснование. В конечном итоге это позволило сформировать базовые знания по рассматриваемому нами вопросу, создав при этом и важные предпосылки для их дальнейшего развития в уголовно-правовой сфере. В качестве итога такого развития мы сегодня наблюдаем не просто увеличение количества мер иного характера, а очередную трансформацию подхода к данному уголовно-правовому явлению, включая и постановку вопроса о необходимости применения к нему критериев классификации, требующих учета, в том числе и такого объекта уголовно-правовой охраны, как государственная безопасность.

§ 3. Правовая регламентация средств воздействия на лиц, совершивших преступления против своих стран в зарубежном уголовном законодательстве

Анализ зарубежного законодательства традиционно дает богатую пищу для размышлений относительно совершенствования норм уже российского права в исследуемой части. В этом отношении компаративистика всегда представляла немалую ценность, позволяя в определенных случаях и при грамотном использовании данного метода, добиваться по-настоящему прорывных результатов, как собственно, в переработке законодательного материала, так и в целом в понимании того или иного явления, обогащая таким образом и доктрину. Знание глубины процессов, адекватное представление относительно зависимости их эффективности от факторов объективного и субъективного свойства, исторических и ментальных особенностей, также оказывающих немалое влияние на современное состояние, и что важно, перспектив развития за рубежом, являются обязательными условиями для вторжения в сферу уголовно-правового регулирования в отечественной правовой системе.

И здесь, не умоляя достоинств российского уголовного права и законодательства в части определения системы иного воздействия на лиц, совершивших преступления, которые посягают на интересы Российской Федерации, все же нельзя не обратиться к законодательству зарубежному. Его успех в части разработки иных мер отечественными специалистами не оспаривается. Отдавая пальму первенства зарубежным коллегам, российские ученые выделяют ряд предпосылок, которые позволяют об этом говорить в столь утвердительной манере⁹⁶. Отсюда и формирование нового направления в российском уголовном законодательстве, с учетом новых геополитических особенностей, не может происходить без соответствующего анализа тех наработок, которые были получены именно в рамках данного аспекта, законодателями других стран. В этом отношении обращение к зарубежной доктрине, а также правовым нормам, представляет безусловный интерес, и способно предоставить серьезные аргументы при подготовке предложений, направленных на совершенствование Уголовного кодекса Российской Федерации в данной части.

И здесь в первую очередь, видится необходимым проследить законодательство стран, содержащих самостоятельные средства, максимально соответствующих предмету нашего исследования. Ближе всего к исследуемой идее является Уголовный кодекс Республики Беларусь, содержащий такие меры иного воздействия, которые с успехом могут быть применены к лицам, совершившим преступления против интересов государства (вне зависимости от конкретной страны), как «Превентивный надзор» (ст. 80 УК РБ) и «Профилактическое наблюдение за осужденным» (ст. 81 УК РБ)⁹⁷. В обоих случаях, даже исходя из наименования статей и надзор, и наблюдение представляют несомненный интерес для

---

⁹⁶ См. об этом, например: *Бавсун М.В.* Антропологические предпосылки формирования современной уголовной биополитики // Российский девиантологический журнал. 2021. № 1. С. 39-50.

⁹⁷ См.: Уголовный кодекс Республики Беларусь по состоянию на 13 мая 2022 г. № 165-3 // URL.:<https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения 05 января 2023 г.).

правоохранительной системы, позволяя на ранних стадиях обеспечить предупреждение посягательств на государство. Несмотря на то, что в самой Республике Беларусь, данные меры уголовно-правового воздействия применительно к выделяемой нами группе преступлений не применяются (согласно содержания статей), тем не менее их потенциал, именно здесь, не вызывает сомнений.

Крайне важным видится тот факт, что данная идея нашла свою поддержку среди судей уже в Российской Федерации. Так, на вопрос, как вы относитесь к введению в Уголовный кодекс РФ дополнительных мер иного воздействия в отношении лиц совершивших преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, 87% дали положительный ответ, еще 10% предположили, что таковые будут излишними, а оставшиеся 3% полагают, и при нынешнем состоянии и при введении новых средств, ситуация в противодействии посягательствам данной группы мало что изменится.

Что характерно, когда судьям был задан вопрос относительно включения туда вполне конкретных мер, а именно, превентивного надзора и профилактического наблюдения за осужденным (с указанием, что данные средства вполне эффективно применяются в союзном государстве – Республика Беларусь) результат был получен несколько иной. А именно, за – высказались уже 91% респондентов, против 3,5% и не имеют своей точки зрения по данному вопросу еще 5,5% опрошенных специалистов. Важно при этом, что и в первом, и во втором случаях абсолютное большинство таких практиков как судьи, отнеслись к идее расширения мер уголовно-правового воздействия в отношении, тех кто совершил преступления против Российской Федерации, положительно.

Интерес представляет и опыт Республики Кыргызстан, законодатель которой также движется в этом отношении вперед. В ст. 82-83 УК РК устанавливаются, по сути, те же ограничения, что и в белорусском уголовном

законодательстве в рамках ст. ст. 80-81 УК РФ⁹⁸. Речь в обоих случаях идет о, так называемом, превентивном надзоре, за лицами, имеющими наибольшую общественную опасность, к числу которых, безусловно, следует относить и категорию тех, кто совершает преступления против интересов государства. В этом отношении законодательство обеих стран, демонстрирует максимальную гибкость в реализации самого подхода к средствам уголовно-правового воздействия, не заикливаясь на его репрессивном потенциале. И, несмотря на то, что, уголовный законодатель Кыргызстана в ч. 2 п. «4» ст. 82 УК РК прямо указывает, на то, что пробационный надзор за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства не применяется, тем не менее, его потенциал по отношению к данной группе посягательств, полагаем практически не исчерпаем. Вопрос лишь в определении правовой природы данной меры и в правилах его реализации. В случае ухода от ее определения в ч. 1 ст. 82 УК РК как – принудительно-поощрительной меры уголовно-правового воздействия, с возможностью рассмотрения в качестве исключительно надзорной, то в данном случае, с потерей собственно пробационного начала, можно приобрести столь необходимую в таких случаях надзорно-контролирующую функцию. Это особенно интересно на фоне того, что УК данной страны в целом предусматривает ответственность за сепаратную деятельность, что как раз относится к одному из преступлений, посягающих именно на интересы государства⁹⁹.

Интерес в данном отношении представляет и уголовное законодательство другой страны данного региона – Монголии. Так, ст. 7.2 УК Монголии предусматривает такое средство воздействия, которое может быть присоединено к наказанию, как – принудительные меры в виде

---

⁹⁸ См.: *Уголовный кодекс Республики Кыргызстан по состоянию на 9 августа 2022 г.* № 89 // URL.: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112309> (дата обращения 06 января 2023 г.).

⁹⁹ См.: *Жунушева Г.Б.* Проблемы ответственности за сепаратистскую деятельность по уголовному праву Кыргызской Республики // *Всероссийский криминологический журнал.* 2023. Т. 17. № 3. С. 274-276.

возложения обязанностей и ограничения прав (п. «1.1» ч. 1 ст. 7.2 УК Монголии)¹⁰⁰. Следует отметить, что несмотря на тот факт, что аналогичные ограничения, которые содержатся в ст. 7.3 «Принудительное возложение обязанностей и ограничение прав», имеются и в отечественном УК РФ, тем не менее, важен сам факт их выделения в самостоятельную норму, в качестве самостоятельного средства уголовно-правового воздействия. Безусловно, его потенциал, особенно с учетом столь широкой формулировки, является несравненно более высоким, чем когда статус такой меры вообще не определен (ч. 5 ст. 73 УК РФ)¹⁰¹, способным учесть, в том числе и исследуемую нами группу посягательств.

Надо отметить, что именно в УК Монголии соответствующие ограничения прав находят свое непосредственное подтверждение в санкциях статей, предусмотренных за преступления против государственной власти. Так, в санкциях ст. 19.8 «Осуществление экстремистской деятельности», ст. 19.11 «Незаконное получение государственной тайны», ст. 19.12 «Разглашение государственной тайны», ст. 19.14 «Незаконное пересечение Государственной границы Монголии» (и ряд других преступлений) наряду с наказанием установлено такое ограничение как ограничение прав на передвижение на срок от одного года до пяти лет¹⁰².

В ч. 2 ст. 34 УК Китайской Народной Республики в качестве дополнительного вида наказания устанавливается такое средство воздействия на виновных как лишение в политических правах¹⁰³. Несмотря на свой статус

---

¹⁰⁰ См.: *Уголовный Кодекс Монголии по состоянию на 1 августа 2020 г.* // пер. с монг. Батболд Галбадрах, Амарсанаа Вандан-Иш // под науч. ред. проф. М.В. Бавсуна, проф. А.А. Нечепуренко. Омск, 2020. С. 32.

¹⁰¹ См. об этом более подробно: *Бавсун М.В., Карпов К.Н.* Контроль за поведением лиц, осужденных условно или освобожденных от наказания, как иная мера уголовно-правового характера // *Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление.* 2010. № 3. С. 6-10.

¹⁰² *Уголовный Кодекс Монголии по состоянию на 1 августа 2020 г.* // пер. с монг. Батболд Галбадрах, Амарсанаа Вандан-Иш // под науч. ред. проф. М.В. Бавсуна, проф. А.А. Нечепуренко. Омск, 2020. С. 86-87.

¹⁰³ См.: *Уголовный кодекс Китайской Народной Республики по состоянию на 1 января 2017 г.* // URL.:http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zfhz/zgflyd/201601/t20160111_3149373.htm (дата обращения 07 января 2023 г.).

– дополнительный вид наказания, тем не менее, о нем имеет смысл вести речь в рамках компаративистского аспекта исследования. Во-первых, с содержательной точки зрения речь идет именно о тех ограничениях, которые должны выполнить роль предупредительного воздействия на лиц, совершающих преступления против интересов государства. Так, данный вид наказания предусматривает: лишение права избирать и права быть избранным; права свободы слова, печати, собраний, союзов, уличных шествий и демонстраций; права занимать должности в государственных органах; права занимать руководящие должности в государственных компаниях, на предприятиях, в учреждениях и общественных организациях¹⁰⁴. Практически все из перечисленных выше ограничений вполне применимы именно за посягательства против основ конституционного строя и безопасности государства. Более того, большинство из них имеют исключительно превентивный эффект, и способны оказать более серьезное влияние на виновного, чем репрессия.

Во-вторых, проведенный ранее исторический анализ иных мер, а также определение их статуса среди все средств уголовно-правового воздействия, позволил определить, что грань между такими мерами и дополнительными видами наказаний крайне тонка и зачастую сводится лишь к их наименованию (а, соответственно и расположению в том или ином разделе уголовного закона). Отсюда, их игнорирование при содержательном соответствии предмету нашего исследования, представляется недопустимым, а потенциал дополнительных видов наказаний, установленных в зарубежном законодательстве, вполне может быть использован при совершенствовании системы мер иного характера в отечественном УК.

Безусловный интерес представляет уголовное законодательство другой страны данного региона, это – Социалистическая Республика Вьетнам. Уголовный кодекс данной страны предусматривает самостоятельную группу

---

¹⁰⁴ См.: *Уголовный кодекс Китая* // под ред. проф. А.И. Коробеева, проф. А.И. Чучаева / пер. с китайского проф. Хуан Даосю. М., 2017. С. 13.

мер воздействия – судебные меры (ст. 46 УК РВ). По своему содержанию судебные меры ни что иное как иные меры уголовно-правового характера, которые в довесок ко всему, согласно уголовному закону данной страны, применяются именно в дополнение к наказанию. По усмотрению суда, они могут применяться к любым преступлениям, когда это будет способствовать достижению целей наказания. Не являются исключением и преступления против основ конституционного строя и безопасности государства. К таким мерам относятся: конфискация денег и предметов, непосредственно связанных с преступлением; возврат, ремонт имущества или предоставление компенсации; принесение публичных извинений; обязательное лечение болезни. При этом к судебным мерам, применяемым к юридическому лицу, совершившему преступление (в том числе, связанные с деятельностью направленной против интересов государства), относятся: конфискация денежных средств и предметов, непосредственно связанных с преступлением; возврат, ремонт имущества или предоставление компенсации; принесение публичных извинений; восстановление исходного состояния; осуществление иных мер по смягчению и предотвращению последствий¹⁰⁵.

Нельзя не отметить ряд стран крайне жестко подходящих к лицам, совершившим преступления исследуемой нами группы, реализуя такой подход, в том числе, посредством потенциала иных мер уголовно-правового характера. Так, в Сомали к таким мерам относятся – помещение в госпиталь или интернат для психически больных; помещение в психиатрическую больницу; помещение в реформаторий, полицейский надзор; и, что важно в нашем случае – депортация иностранца из страны (высылка) – ст. 173 УК Сомали. Меры безопасности в виде запрета проживания в стране применяется в отношении иностранных граждан виновных в совершении преступления и приговоренных к лишению свободы на срок не менее десяти

---

¹⁰⁵ *Criminal Code Pursuant to Constitution of Socialist Republic of Vietnam. The National Assembly promulgates the Criminal Code / URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/585382> (дата обращения 07 января 2023 г.).*

лет, эти лица должны быть высланы из республики (ст. 181 УК Сомали). Эта статья применяется только в отношении иностранных граждан, высылка собственных граждан запрещается Конституцией страны¹⁰⁶.

Похожая, в этом отношении, ситуация и в Уголовном кодексе Объединенных Арабских Эмиратов, содержащем отдельную главу – «Меры уголовно-правового характера». В этой главе, в п. «5» ст. 110 УК ОАЭ законодатель предусмотрел такую меру воздействия как – высылка из страны¹⁰⁷. При этом также, как и в Сомали, согласно ст. 121 УК ОАЭ высылка из страны применяется только к иностранцам, совершившим уголовное преступление или проступок. С учетом того, что нарушение закона допускается именно иностранцем, то наказание может быть заменено высылкой¹⁰⁸. Интересно также, что согласно ст. 117 УК ОАЭ, если приговор, вынесенный осужденному за уголовное преступление, затрагивающее внешнюю или внутреннюю безопасность государства, то в отношении такого лица может быть назначен надзор до пяти лет, в качестве иной меры уголовно-правового характера¹⁰⁹. Таким образом, УК этой страны предусматривает, как минимум, две меры иного воздействия, которые могут применяться за посягательства на интересы государства в сочетании с уголовным наказанием.

Несколько иная ситуация в этом отношении в уголовном законодательстве Исламской Республики Иран. Санкции за преступления против интересов данного государства не предусматривают иных мер

---

¹⁰⁶ См. об этом более подробно: *Минязева Т.Ф., Серебренникова А.В., Абдикарим А.А.* Меры безопасности: законодательная регламентация в России и зарубежных странах // Пробелы в Российском законодательстве. 2016. № 2. С. 84-85. Несколько по-иному, но, по сути, эта же мера и в такой же интерпретации звучит и в УК Республики Азербайджан. Речь, в ст. 52 УК данной страны не о высылке, а о выдворении из республики, лица совершившего преступления, на схожих условиях, что и в УК Сомали, но, безусловно, со своими деталями. См.: *Уголовный кодекс Республики Азербайджан по состоянию на 29.11.2022 г.* // https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353#pos=5;-124 (дата обращения: 19 февраля 2023 г).

¹⁰⁷ См.: *Уголовный кодекс Объединенных Арабских Эмиратов по состоянию на 2015 г.* / пер. С.Н. Осипов. СПб., 2015. С. 109-110.

¹⁰⁸ Там же. С. 88-89.

¹⁰⁹ Там же. С. 87.

воздействия в отношении виновного. В то же время для этого существует отдельная норма закона (ст. 17), регламентирующая так называемые – предупредительные меры, включающие в себя как наказание, так и средства дисциплинарного характера. К таковым Закон относит: полное или частичное лишение социальных прав; ограничения свободы выбора места жительства; иные меры. Что интересно, согласно ст. 16 Закона и те и другие не имеют своих пределов и могут применяться по усмотрению судьи¹¹⁰. Их применение при этом возможно по отношению к любым категориям преступлений, опять же по решению суда, в зависимости от личности виновного и обстоятельств совершения конкретного деяния, согласно оценки суда¹¹¹.

Что характерно, по сути, такая же ситуация и в уголовном законе Голландии. Ст. 28 УК данной страны устанавливает меры, которые могут быть применены в совокупности с наказанием вне зависимости от категории тяжести и видовой принадлежности совершенного преступного посягательства. Среди таковых запреты: на службу в вооруженных силах, занимать государственную должность, быть советником в судах или административным должностным лицом, заниматься определенной деятельностью, избирать членов общих представительных органов или выставлять свою кандидатуру в эти органы и некоторые другие¹¹². Данные меры могут быть применены по усмотрению суда вне зависимости от видовой принадлежности совершенного преступления, что делает их реализацию максимально универсальной. На самом деле, универсальный подход к применению исследуемых средств воздействия, крайне важен, будучи способным претворить в жизнь наиболее сложные и спорные задачи, стоящие перед уголовно-правовым воздействием, в отношении лиц, совершивших преступления.

---

¹¹⁰ См.: *Закон об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран* / под научн. ред. А.И. Ахани. СПб., 2008. С. 44-46.

¹¹¹ Там же.

¹¹² См.: *Уголовный кодекс Голландии* / научн. ред. проф. Б.В. Волженкина / пер. с англ. И.В. Мироновой. СПб., 2000. С. 60.

Надо сказать, что аналогичный подход демонстрируется и в большинстве других европейских стран. В частности, в Уголовном кодексе Федеративной Республики Германия, нашел свое выражение подход, представленный выше. А именно, наличие главы в Общей части УК ФРГ, содержащей перечень конкретных мер (в данном случае – меры исправления и безопасности гл. 6), которые могут распространяться на любые виды и категории преступлений, включая и посягательства на интересы государства. При этом, согласно параграфа 62 УК ФРГ, основное требование, которое предъявляется к применению мер подобного рода, является их соразмерность. Что характерно, собственно набор мер, отраженный в параграфе 61 УК ФРГ, мало отличается от своих аналогов в других странах. В частности, он включает в себя помимо помещения в психиатрическую клинику также превентивное заключение, установление надзора за поведением, а также запрета заниматься профессиональной деятельностью (в случае совершения дорожно-транспортных преступлений это также может быть лишение водительских прав)¹¹³.

Важно при этом понимать, что на Западе сегодня сформировалась вполне устойчивая концепция применительно к исследуемой нами проблематике, которая сводится к двум аспектам. Во-первых, «...считается, что меры безопасности являются наиболее адекватной формой для предупреждения преступлений со стороны конкретной личности посредством лишения ее на определенное время фактической возможности совершать преступления (лишение или ограничение свободы), путем нежелания снова претерпевать ограничения (негативная частная превенция) а также через воспитание уважения к существующему общественному и правовому порядку (позитивная частная превенция)¹¹⁴.

---

¹¹³ См.: Головненков П.В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия. М., 2015. С. 66-67.

¹¹⁴ См. более подробно об этом: *Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности* / под научн. ред. проф. Н.В. Щедрина. Красноярск, 2010. С. 175.

В общеевропейской концепции, меры безопасности, это в первую очередь, меры превенции, максимальная эффективность которых достигается в ситуации – до совершенного общественно опасного деяния. Отсюда и отсутствие важности самого вида деяния (конкретного преступления), и выделения таких мер в единую группу в рамках Общей части уголовного законодательства. Применительно к преступлениям против интересов государственной власти, основную реализацию получают средства, направленные на предварительную изоляцию виновного, а также в рамках продленных сроков лишения свободы, когда у государства есть все основания подозревать, что виновный способен совершить посягательство данной группы. Например, этот тезис находит соответствующее подтверждение в уголовных законодательствах Италии, Швейцарии, Австрии и, даже Республике Корея, где превентивное заключение (а в Италии это направление в трудовые колонии, по своему содержанию соответствующие именно превентивному заключению) относятся к категории часто применяемых средств воздействия, используемые наряду с наказанием. «Время реального нахождения осужденного в местах лишения свободы по неопределенному приговору зависит от административного органа – совета по условно-досрочному освобождению»¹¹⁵. Аналогичным образом выглядит ситуация и в Англии, где «превентивное заключение» и «продленный срок лишения свободы» применяются к так называемым «привычным» или «упорным» преступникам еще с 1908 г.¹¹⁶ По сути, тоже самое и в Бельгии – передача в распоряжение правительства или превентивное заключение опасных преступников (в определенных правительством учреждениях), в Испании – помещение в трудовое учреждение, в Мексике – изъятие или уничтожение опасных предметов, полицейский надзор и т.д.¹¹⁷.

---

¹¹⁵ Козочкин И. Д. Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. СПб., 2007. С. 274.

¹¹⁶ Уголовное законодательство зарубежных стран : сб. законодательных мат-лов / под ред. И. Д. Козочкина. М., 2001.

¹¹⁷ Там же. С. 178-179.

Во-вторых, идеологически уголовно-правовое воздействие в законодательстве стран запада проникнуто идеями целесообразности и непримиримости к преступности к тем, кто совершает преступления¹¹⁸. Особенно это касается англосаксонской системы права, где прагматизм в данном направлении возведен в абсолют. «Не законность, а целесообразность выступает на первый план: законность должна быть подчинена целесообразности». И далее: государство должно противодействовать войне под названием преступность. «Его цель – главным образом обеспечение безопасности»¹¹⁹. И. Андененс пишет по этому поводу буквально следующее: «основной целью вмешательства общества является формирование уважения к социальным нормам, а не исцеление индивидов от их асоциальных наклонностей»¹²⁰. Многие «наказания в интересах общества» назначаются судом как альтернатива лишению свободы или штрафу, даже не упоминаясь в санкциях статей¹²¹, что указывает на мощные позиции целесообразности, лежащей в основе реализации совокупности мер воздействия на преступность. Определяя наказание как «любую боль, страдание, кару, ограничение, налагаемое на лицо в соответствии с нормами права и по решению суда за преступление или уголовное правонарушение, совершенное им, или за невыполнение обязанности предписываемой законом»¹²², специалисты невольно к данной категории относят и все иные правоограничения, связанные с фактом совершения преступления, без

---

¹¹⁸ Что характерно. В уже проанализированных уголовных кодексах зарубежных стран, на первом месте (в Особенной части) расположены преступления против интересов государства, как наиболее опасные посягательства, способные разрушить существующий порядок.

¹¹⁹ См. об этом более подробно: *Клейменов И.М.* Сравнительная криминология. М., 2012. С. 104, 107.

¹²⁰ *Анденес И.* Наказание и предупреждение преступлений. М., 1979. С. 45.

¹²¹ *Есаков Г. А., Крылова Н. Е., Серебренникова А. В.* Уголовное право зарубежных стран. М., 2009. С. 272.

¹²² *Rush G.* The dictionary of criminal justice. The Dushkin Publishing Group, Inc. Com., 1991. P. 257.

которых невозможно достижение цели предупреждения или защиты общества от преступных проявлений¹²³.

Наличие глобальной цели позволяет западному правотворцу быть более свободным в выборе средств, не стесняясь в условных ограничениях. В свою очередь, определение обозначенного желаемого результата правоохранительной системы, повлекло за собой вывод о кризисе санкций, который сегодня определяется как неспособность лишения свободы реально достигать целей наказания. Основной упрек, на данный момент сводится к тому, что во многих случаях лишение свободы используется избыточно и не оказывается «последним доводом»¹²⁴. Отсюда и активный поиск новых средств. Особенно это становится важным в условиях нестабильности государства как главного субъекта правоотношений, постоянно возрастающей потребности в его защите и охране традиционных ценностей, идеологическом, националистическом, социальном, экономическом и, даже, религиозном противоборстве, нарастающем в глобальном обществе в геометрической прогрессии. Меры предупреждения, в такой ситуации, уже давно по своей значимости превысили потенциал, заложенный в наказании. Репрессия вторична (или, как минимум, не единственная в своем роде) по отношению к иному воздействию, способному помочь государству в нынешних условиях в значительной мере больше, чем наказание¹²⁵.

Профессор Х.-Х. Ешек, определяя процесс назначения наказания, отмечает, что он «...охватывает не только то, что кажется по названию, не только установление наказания, но также условное осуждение, предупреждение... отказ от наказания, назначение мер исправления и безопасности...»¹²⁶, превентивное заключение, установление надзора, запрет

---

¹²³ См.: *Бавсун М.В.* Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации: дисс... докт. юрид. наук. Омск, 2013. С. 97.

¹²⁴ См.: *Жалинский А.Э., Рерихт А.* Введение в немецкое право. М., 2001. С. 637.

¹²⁵ Именно такая позиция сегодня является доминирующей среди немецких криминологов, при этом находя соответствующее выражение не только в доктрине, но и на законодательном и организационном уровнях. См.: *Клейменов И.М.* Указ. соч. С. 209.

¹²⁶ *Jeschek H.-H.* Lehrbuch des Strafrechts. 4 Aufl. S. 777.

на профессию¹²⁷ и др. Суд имеет право назначить данные меры как вместе с наказанием, так и вместо него. Профессор У. Вебер идет еще дальше и к правовым последствиям преступления, лежащим сегодня вне уголовного закона, относит § 823 Гражданского кодекса, предусматривающий возможность возмещения вреда, причиненного общественно опасным поведением¹²⁸. Из этого можно сделать вывод, пишет М.В. Бавсун, о том, что для немецкого, как и для российского уголовного права, весьма актуален спор о круге и характере уголовно-правовых мер воздействия, которые в обеих странах часто рассматривают в общей системе права, а не одной отрасли¹²⁹. При этом в рамках немецкой уголовно-правовой доктрины все чаще встречаются высказывания о необходимости включения в перечень мер воздействия уголовно-правового характера и правил о возмещении причиненного вреда (меры добровольного сглаживания последствий преступления)¹³⁰. Данный подход является еще более широким, чем, например, представление о воздействии исключительно как о карательных средствах или мерах безопасности, нашедших свое закрепление в тексте уголовного закона. Особенно он важен именно с позиции устранения последствий преступлений, совершаемых в отношении интересов государства, право которого на компенсацию уже сегодня, с учетом происходящих в мире событий, звучит все чаще. Безусловно, такое право может быть реализовано в рамках уголовно-правового регулирования, с привлечением к уголовной ответственности вполне конкретных лиц.

Вопрос относительно пределов воздействия на лиц, совершивших преступления против интересов государства в рамках настоящего исследования, был задан нескольким категориям респондентов. Так, 52,5% судей пришло к выводу о том, что достижение целей предупреждения

---

¹²⁷ Уголовный кодекс ФРГ / науч. ред. Д. А. Шестаков ; пер. с нем. Н. С. Рачкова. СПб., 2003.

¹²⁸ Baumann O., Weber U., Mitsch W. Strafrecht. Allgemeiner Teil. Aufl. Bielefeld, 2003. S. 779–780.

¹²⁹ Жалинский А. Э. Указ. соч. С. 294.

¹³⁰ Мейер Б. Д. Уголовно-правовые санкции. Берлин, 2001. С. 7.

преступлений допускает наличие в УК РФ любых средств, необходимых для защиты государственных интересов. При этом еще 32,5% респондентов полагают, что существующая система средств является сбалансированной и не требует каких-либо изменений. Оставшиеся 13% опрошенных считают, что трансформация сегодня необходима, но она должна максимально соответствовать соблюдению законных прав и свобод человека.

При этом вопрос о допустимости пределов уголовно-правового воздействия на лиц, виновных в совершении преступлений против интересов государства при опросе 34 специалистов в сфере уголовного права показал несколько иные цифры. Так, о возможности любого воздействия в отношении данной категории преступников высказались 69,5% респондентов. Интересно, что в 32% ученые отдельно отмечали, что их позиция о столь жестком подходе объясняется, происходящими событиями на Украине, необходимости ужесточения общего подхода к реализации уголовной и иных видов ответственности, а также консолидации общества именно вокруг основных институтов государства. Еще 24,5% полагают, что существующих мер принуждения в уголовном законодательстве на данный момент достаточно, для достижения поставленных целей. Оставшиеся 5% отметили, что сегодня требуется обратный процесс, – ослабления репрессии, отметив при этом, итак чрезмерность ее репрессивности на современном этапе. Важным представляется тот факт, иное воздействие за преступления против интересов государства всеми респондентами из числа данной группы не рассматриваются как средство усиления ответственности, однако оценивается как способ расширения его пределов¹³¹.

Полагаем, что отсутствие консолидации по данному вопросу среди всех категорий респондентов, относящихся к числу тех, кто разбирается в исследуемой нами сфере, во-первых, является следствием длительного время

---

¹³¹ Опрос проводился среди кандидатов и докторов юридических наук по научной специальности 12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право (ныне: 5.1.4. – Уголовно-правовые науки) в период 2021-2023 гг. на территории г. Санкт-Петербурга, г. Омска, г. Самары.

демонстрируемого подхода к решению данного вопроса как на законодательном уровне, так и на уровне образования, позволившего воспитать поколения юристов, относящихся к данному вопросу именно так, а не как-то иначе. Во-вторых, дальнейшей сложности к трансформации данного подхода в ближайшее время, в силу уже устоявшихся догм, и отсутствии реальной возможности их опровержения.

Вместе с тем, уголовный законодатель зарубежных стран, включая и наше ближнее зарубежье, от многих стереотипов избавились уже давно, включая и свое отношение относительно выбора конкретных средств воздействия, в отношении лиц, виновных в совершении преступлений против интересов государства, и их законодательных, а также правоприменительных пределов. Так, в пенитенциарном кодексе Эстонии в ст. 54 предусмотрена такая мера иного воздействия как выдворение. Его применение помимо прочего предполагает возможность для гражданина Европейского союза или члена его семьи в качестве дополнительного наказания назначение выдворения из государства с запретом на въезд на срок десять лет, если пребывание лица на территории Эстонии представляет собой угрозу общественному порядку или *государственной безопасности*. «Если виновный является гражданином Европейского союза или членом его семьи и проживает в Эстонии на основании постоянного права на проживание, то выдворение и запрет на въезд можно применять исключительно в случае, если от лица исходит серьезная угроза для общественного порядка или угроза государственной безопасности. Если виновный является гражданином Европейского союза, который постоянно проживал в Эстонии в течение десяти лет подряд, то выдворение и запрет на въезд можно применять только в случае, если лицо представляет собой угрозу государственной безопасности»¹³².

---

¹³² См.: *Пенитенциарный кодекс Эстонии по состоянию на 1 октября 2022 г.* (ч. ч. 3, 4 ст. 54) / URL.:<https://www.juristaitab.ee/sites/www.juristaitab.ee/files/elfinder/ru-seadused/ПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ%20КОДЕКС%2001.11.2022.pdf> (дата обращения: 28 января 2023 г.).

Аналогичная ситуация и в уголовных законодательствах других прибалтийских стран. Так, в уголовном законе Латвийской республики, в п. 2 ч. 2 ст. 36 также предусмотрено дополнительное наказание в виде выдворения из страны. Помимо этого, в соответствии с п. п. 3, 4 настоящей статьи к лицу также могут быть применены такие виды дополнительных наказаний, как ограничение прав и надзор пробации. Что характерно, применение данных, видов воздействия, возведенных законодателем в статус наказания, могут применяться даже в тех случаях, когда они напрямую не указаны в санкциях статей Особенной части уголовного закона (ст. ст. 44-46 Уголовного закона Латвии)¹³³. Последнее обстоятельство указывает на их иную правовую природу своего происхождения, в большей части относящейся к иным мерам уголовно-правового характера, а не к наказанию.

Несколько иной подход к правовой регламентации, исследуемых нами мер (более близкий для российского уголовного законодательства) демонстрируется в Уголовном кодексе Грузии. Все меры иного характера в уголовном законодательстве данной страны расположены в статьях, регламентирующих вопросы условного осуждения, в рамках которого возможно наложение на виновного неограниченного круга обязанностей. В частности, в ст. 65 УК Грузии «Возложение обязанностей» (которая была включена в уголовный закон только с 1 января 2020 г.) прямо указано: «не менять постоянного места жительства без разрешения Бюро превенции преступлений, исполнения наказаний, не связанных с заключением под стражу, и пробации, не устанавливать отношений с лицами, могущими вовлечь его в антиобщественную деятельность, не посещать определенных мест, оказывать материальную поддержку семье, пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания, а если осужденным является лицо, совершившее семейное преступление, – также обязательный курс обучения, ориентированного на изменение

---

¹³³ См.: *Уголовный закон Латвии* по состоянию на 20 июня 2019 г. / <https://lawyer-khroulev.com/wp-content/uploads/2019/09/ugolovnij-zakon-latvii.pdf> (дата обращения: 29 января 2023 г.).

насильственного отношения и поведения. Суд может возложить на осужденного и другие обязанности, способствующие его исправлению»¹³⁴. Аналогичного плана, как известно, меры предусмотрены и в ч. 5 ст. 73 УК РФ. Однако все они носят максимально общий характер, не имея четкой целевой принадлежности, направленной на превенцию отдельных видов преступного поведения, включая и посягательства на интересы против интересов государства¹³⁵.

Между тем в новых условиях требуется появление средств именно подобного рода, в том числе направленных и на охрану общественных отношений в сфере конституционного строя и безопасности государства. Совершенно справедливо, по нашему мнению, в этом отношении пишет

---

¹³⁴ См.: *Законодательный вестник Грузии* // URL.:<https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=242> (дата обращения 14 января 2023 г.). Совершенно идентичная ситуация и в Уголовном кодексе Республики Таджикистан. Так, в ч. 5 ст. 71 УК данной страны прямо прописано, что: «Суд, принимая решение об условном неприменении наказания, может возложить на осужденного выполнение определенных обязанностей: в определенный срок возместить причиненный вред, не менять постоянного места жительства, работы или учебы без уведомления органов, осуществляющих контроль за поведением осужденного, не посещать определенные места, устроиться на работу или учебу, пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания, осуществлять материальную поддержку семьи» // URL.:<http://ncz.tj/content/уголовный-кодекс-республики-таджикистан> (дата обращения: 19 февраля 2023 г.). При этом других норм, которые бы отдельно регламентировали меры подобного рода в УК Таджикистана не существует.

¹³⁵ Следует отметить, что подобного плана меры существуют практически во всех законодательствах стран Европы, имея при этом максимально общий спектр действия, и минимальный характер их упорядочивания в части видовой определенности. Так, УК ФРГ в обязательном порядке предписывает осуществление надзора в случае назначения мер исправления и безопасности, а также лицу, отбывающему наказание в виде срочного лишения свободы, если существует опасность, что лицо совершит другие уголовно наказуемые деяния (§ 68). При этом содержание подобного надзора (§ 68-68g) во многом схоже с существовавшим ранее в отечественном законодательстве институтом административного надзора. В УК Франции существует институт "освобождения от наказания с режимом испытания" (подотдел 4), содержание которого также предусматривает определенные условия прохождения испытательного срока и формы контроля за поведением осужденного, как в случае освобождения от наказания, так и после его отбытия. В большинстве уголовных кодексов США также предусматривается обязательное установление "пробационного надзора" за условно осужденными и освобожденными условно-досрочно от наказания. См. об этом более подробно: *Бавсун М.В., Карпов К.Н.* Контроль за поведением лиц, осужденных условно или условно-досрочно освобожденных от наказания, как иная мера уголовно-правового характера // *Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление.* 2010. № 3. С. 7.

М.В. Бавсун, который отмечает, «...что геополитическая трансформация может влиять не просто на изменение отдельных средств уголовно-правового воздействия или даже объема уголовной репрессии в целом, но и на смену самой идеи противодействия преступности. Смену такой идеи мы наблюдаем и сегодня, о чем свидетельствуют не только те изменения, которые характеризуют главу, направленную на охрану государственной власти и основ конституционного строя Российской Федерации. Хотя уже сам факт динамики развития данной части Уголовного кодекса в последние три года также достаточно красноречиво указывает на резко возросшую потребность в усилении защиты именно государства и именно средствами уголовно-правового воздействия. Это говорит о том, что в условиях изменяющейся мировой конъюнктуры, в результате чего в опасное положение в первую очередь попадают государственные устои, приоритет охраны всегда будет смещаться в сторону основ государственной власти и конституционного строя, в том числе в ущерб интересам личности»¹³⁶. Российское государство в сложившейся ситуации должно просто защищаться от внешних и внутренних угроз, основной целью которых является не что иное, как развал государства, посягательство на основные его интересы, включая целостность, суверенность, самоидентичность и др.¹³⁷

К сожалению, одной репрессией (наказанием), несмотря на ее абсолютную необходимость в данном конкретном случае, обойтись невозможно. В первую очередь, это связано с тем, что наказание, в силу заложенного в него потенциала, в большей мере соответствует идее возмездия, в то время как иные меры уголовного права, применительно к нашему случаю, должны быть способными реализовывать, прежде всего,

---

¹³⁶ Бавсун М.В. Влияние факторов геополитического характера на изменение уголовно-правовой политики государства // Всероссийский криминологический журнал. 2015. № 3. С. 483-484.

¹³⁷ См. об этом более подробно: Пирожников А.Н. Правовая регламентация в зарубежном уголовном законодательстве средств воздействия на лиц, совершивших преступления против своих стран // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 2. С. 33-41.

контроль и изоляцию, не связанную с лишением свободы. Данная функция (контроля), для предупреждения преступлений против интересов государства, видится доминирующей, но сегодня, в рамках отечественного уголовного законодательства (как, впрочем, и уголовно-правовой доктрины), практически не разработанной, а соответственно, и не работающей¹³⁸. В данном плане уголовное законодательство отдельных зарубежных стран сегодня, безусловно, находится впереди, демонстрируя более гибкий, грамотный и сбалансированный подход к решению проблемы предупреждения преступлений, посягающих на интересы государства. Его реализация, во многом становится возможной именно за счет внедрения в сферу уголовно-правового регулирования функции контроля, реализуемой в рамках мер иного характера, не связанных с идеей кары или возмездия, зачастую опирающихся на совершенно иные принципы, начала и критерии. Надо сказать, что такая задача поставлена перед уголовным законодателем Италии. Так, в ст. 202 УК данной страны предусмотрена такая мера безопасности, как высылка иностранца из страны, в качестве дополнительного вида наказания итальянский законодатель видит правовой запрет, распространяющийся на осужденных к пожизненному заключению и влекущий утрату основных политических и личных прав¹³⁹. Контроль, через приведенные выше меры (вне зависимости от их правового статуса) реализуется максимально эффективно, имея своей целью, в первую очередь, защиту интересов и обеспечение безопасности собственного государства. Важно, что озвученная выше цель Европейского уголовного права (условно), направленная на обеспечение безопасности общества, вне зависимости от выбираемых средств, является доминирующей, определяющей всю политику

---

¹³⁸ См. об этом более подробно: *Карпов К.Н.* Функция контроля в уголовном праве: постановка проблемы // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 4. С. 5-8.

¹³⁹ См.: *Борсученко С.А.* Особенности назначения и исполнения наказаний по законодательству Италии // <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-naznacheniya-i-ispolneniya-nakazaniy-po-zakonodatelstvu-italii> (дата обращения 12 февраля 2023 г.).

законодателя в части охраны государства. Отсюда и вторящие законодательству указанных стран, такие как: Бельгия, Финляндия, Норвегия, Польша и прочие, предусматривающие возможность либо в качестве меры безопасности, либо в качестве дополнительного наказания высылать граждан иных государств, в том числе и в случае совершения ими преступлений против основ конституционного строя, а также лишать их политических прав, что крайне важно применительно к данной группе посягательств.

Подводя итог изложенному, следует отметить, что современное зарубежное уголовное законодательство несмотря на свою неоднородность в решении, поднимаемого нами вопроса, тем не менее, сформировало собственные позиции, имеющие достаточно жесткий характер по отношению, к тем, кто посягнул на интересы своих государств. Неизбежность, наряду с непримиримостью законодательного подхода к ответственности за таковые деяния, практически не ограничивают сегодня регулятора в его выборе конкретных средств противодействия. Речь при этом идет и о максимально репрессивных способах воздействия, и о мерах иного характера, которые по-прежнему, слабо разработаны как в отечественной доктрине, так и сложно воспринимаемые в правоприменительной деятельности.

Важно при этом отметить, что российскими специалистами в области уголовного права, причем как в теоретической, так и в практической сферах поддерживаются наиболее жесткие образцы регулирования данного вопроса. Проведенное исследование показало, что такой подход основывается на двух аспектах. Речь идет, во-первых, о самом факте принятия позиции, согласно которой должно происходить выделение самостоятельных мер иного характера, направленных на воздействие в отношении лиц, совершивших преступления против интересов государства. Во-вторых, выделение таких мер должно происходить лишь в случае их способности оказать максимально

эффективный предупредительный эффект, а также способствовать сохранению целостности государства, стабильности его существования и развития и т.д. По своей сути, с учетом сложившихся геополитических реалий, российские теоретики и практики сошлись воедино в возможности доминирования в данном вопросе идеи целесообразности, столь характерной для западных доктрины и законодательства. Между тем уже сам факт допущения отказа от базового начала законности, и признания ее идеологической противоположности в виде целесообразности, означает гораздо больше, чем простой переход от одной идеи к другой. Выражение данной позиции означает не трансформацию правовых ориентиров, а лишь степень осознания тех проблем, которыми грозит нынешняя ситуация вокруг Украины, а также в целом во всем мире, и возможность выхода из кризиса за счет появления средств экстраординарного характера, в том числе, и в уголовно-правовой сфере.

Тем не менее, данное обстоятельство представляется крайне важным в ходе оценки зарубежного уголовного законодательства, изначально в этом отношении и более жесткого и, одновременно, гибкого (с позиции обеспечения вопросов частной превенции). В свою очередь, собственно анализ уголовно-правовой сферы регулирования за рубежом показал, что в большинстве своих случаев уголовные законы иностранных государств предусматривают отдельные меры, направленные на правовую регламентацию ответственности за деяния, нарушающие права и законные интересы государства. В частности, речь идет об уголовных законах таких стран как: Исламская Республика Иран, Объединенные Арабские Эмираты, Социалистическая Республика Вьетнам, Монголии, а также некоторых стран Евросоюза, например: Эстонской и Латвийской Республик и др.

Во вторую группу входит законодательство стран, предусматривающее меры иного характера, спектр применения которых, является широким, позволяя их применять к достаточно лишь к относительно определенному

перечню преступлений, включая и посягательства на интересы государства. В частности, речь идет об Уголовных кодексах Италии, Австрии, Сомали, Китайской Народной Республики, Республики Азербайджан, ФРГ, а также Швейцарии и Республике Корея, Англии, Бельгии и некоторых других.

И, наконец, третью группу составляют страны, законодательство которых максимально широко подходит к реализации средств иного воздействия, по отношению к тем, кто совершил любое (не персонализировано) преступление. Такие меры, как правило регламентируются в рамках институтов условного осуждения и probation. К законодательству таких стран относятся: Грузия, Кыргызская Республика, а также ряд других законодательств государств постсоветского пространства (Республики Таджикистан, Армения и др.), включая и Российскую Федерацию.

Несмотря на разность подходов, необходимо отметить, что сегодня в уголовных законодательствах зарубежных стран исследуемой нами проблематике уделяется соответствующее внимание. При этом, безусловно, наиболее приоритетным, тот, который с успехом можно использовать и в российском уголовном законе, нам видится подход, согласно которому на нормативном уровне выделяются самостоятельные меры иного характера, необходимые для превентивного влияния на лиц, виновных в совершении преступлений против интересов государства. В условиях геополитического противоборства, смен сфер влияний, состоянии непрекращающихся (и только нарастающих) войн, введение таких мер и в УК РФ видится совершенно необходимым, а также обоснованным, находя соответствующее подтверждение, в том числе, и среди практических работников.

ГЛАВА 2. ОСНОВАНИЯ, УСЛОВИЯ И ВИДЫ ИНЫХ МЕР
УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА, НАПРАВЛЕННЫХ НА
ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВ ЛИЦ, СОВЕРШАЮЩИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ПРОТИВ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**§ 1. Характеристика условий применения иных мер уголовно-
правового характера, направленных на ограничение прав лиц,
совершающих преступления против интересов Российской Федерации**

Обязательными составляющими любых мер уголовно-правового воздействия являются условия, необходимые для их практической реализации. Все, имеющиеся на сегодняшний день уголовно-правовые средства, так или иначе связаны либо с постпреступным поведением виновного, либо с его предыдущей преступной деятельностью (впервые совершенное – ст. ст. 75, 76, наличие или отсутствие судимости за ранее совершенное аналогичное преступление. Например, п. «а» ч. 5 ст. 131 УК РФ), категорией или видом совершенного преступления – п. п. «а», «б», «в» ч. 3 ст. 79 УК РФ, п. «г» ч. 3 ст. 79 УК РФ, ст. 104¹ УК РФ, ст. 104⁴ УК РФ и др., либо видами и размерами наказаний, устанавливаемых за совершенное деяние – ч. 1 ст. 73 УК РФ. Впрочем, это также может быть несовершеннолетний возраст виновного – ст. 90 УК РФ, состояние его психического здоровья – ст. 99 УК РФ, а также некоторые другие условия, обязательные для их практического применения. Изменение таких условий, как и появление новых, вполне возможно (более того, необходимо) с учетом трансформации общественных отношений и постоянной потребности в разработке ранее неизвестных уголовному закону средств противодействия преступности, наряду с корректировкой уже хорошо апробированных способов воздействия. Так или иначе, научная проработка таких условий выступает в качестве важной составляющей формирования той практики противодействия преступности, посредством применения мер иного

характера, которая соответствует условиям современной действительности. Причем появление новых мер иного характера во много связано, как раз, с появлением новых условий, объективно возникающих в соответствии с меняющейся геополитической ситуацией в мире в целом и в нашей стране в частности.

Приведенная выше иллюстрация наглядно демонстрирует, что современный Уголовный кодекс Российской Федерации, имеет вполне определенное представление относительно достаточно узконаправленных средств воздействия на лиц, виновных в совершении отдельных групп преступлений. В частности, экономических, коррупционных, экстремистской и террористической направленностей, совершенные несовершеннолетними, невменяемыми и т.д. Это всегда группы посягательств, требующие особого контроля со стороны государства и, когда собственно наказание бессильно перед угрозой повторения аналогичного деяния этим же лицом. Требование специальной превенции всегда вынуждало законодателя обращать внимание на иное воздействие, столь необходимое в случаях недостаточности уголовного наказания как основного средства воздействия, относящегося к категории репрессивного. Однако его реализация также всегда должна была соответствовать требованию соблюдения определенных условий, обязательность которых, обеспечивала диалог между государством (в лице его следственно-судебных органов) и лицом, виновным в совершении преступления определенной группы или направленности.

Важно при этом понимать, что список преступлений в таких группах, или перечень особенностей признаков субъекта, требующих особого внимания не является исчерпывающим. Более того, ранее проведенный исторический аспект исследования обозначенной проблемы, об этом свидетельствует достаточно красноречиво. Меняется общество, меняются правила поведения, меняются и преступления, которые требуют соответствующей трансформации и среди конкретных средств противодействия. В свою очередь, их изменение есть не более чем рефлексия

на уже свершившийся факт произошедших изменений в структуре преступности, также случившейся в качестве неизбежной реакции на геополитическую, экономическую, социальную и, даже идеологическую составляющие государственного устройства. Реагируя с опозданием, уголовный законодатель, тем не менее, демонстрирует понимание, возникших в случаях подобной трансформации изменений, и соответственно должен предложить вполне конкретные меры по противодействию новым общественно опасным проявлениям. При этом выдвигаемые условия новых средств воздействия также подвержены своей трансформации, что обеспечивает их максимальное соответствие, происходящим изменениям в общественных отношениях.

Российская Федерация в настоящий момент находится в состоянии серьезного геополитического противостояния, что существенно повышает «цену» преступлений, посягающих на интересы государства. Отсюда закономерным представляется вывод, сформулированный в первом параграфе первой главы настоящего исследования, согласно которому появление в уголовном законодательстве отдельной группы мер иного характера, объясняется особой функциональной принадлежностью, обусловленной необходимостью ограничения прав лиц, совершивших преступления строго определенной группы. По большому счету, отмеченный фактор и должен выступать в качестве первого и обязательного условия выделения мер иного характера, в самостоятельную подгруппу. Однако для определения особой функциональной принадлежности иной меры, также нельзя обойти стороной и вопрос, связанный с тем, почему он вообще возникает применительно к некоторой (отдельно взятой) части посягательств.

Основной проблемой при этом будет выступать юридическая техника, а именно, непосредственно способ выражения (закрепления) в описательной части конкретной статьи самого условия. На самом деле, при внешней простоте постановки вопроса, его описание в тексте закона, как необходимого

для применения иной меры уголовно-правового характера, способно столкнуться с серьезными сложностями, обусловленными двумя основными причинами. Первое, собственно описание (его объемность, в силу возможного количества составов преступлений), второе, зависимость вновь вводимого обязательного условия от той меры (или нескольких) иного воздействия, которая при этом будет предусмотрена для лиц, виновных в совершении посягательства на интересы государства. Решение обеих проблем выступает в качестве залога успеха реализации самой идеи выделения иных мер воздействия в отношении лиц, совершивших преступления той или иной группы. В нашем случае это посягательства на интересы Российской Федерации, все чаще выступающие в качестве предмета общественно опасного воздействия.

Что касается описания, то проблема законодательной техники в данном конкретном случае не является надуманной, а ее решение не имеет однозначного подхода, требуя соответствующего обсуждения на доктринальном уровне. Необходимо отметить, что во многом данный аспект проблемы связан с несистематизированностью в целом всех мер иного воздействия. Дело в том, что отсутствие такой систематизации не в последнюю очередь обусловлено отсутствием четких критериев определения условий и оснований их применения, наличие которых позволило бы их сгруппировать. Хаотичность их существования сегодня в современном УК РФ, несмотря на достаточно высокую степень обсуждаемости в рамках теории уголовного права, часто не позволяет ставить вопрос и о появлении новых, ранее неизвестных средств принуждения не относящихся к наказанию. А.Н. Батанов пишет по этому поводу буквально следующее: «Иные меры уголовно-правового характера крайне неоднородны и различаются по *основаниям назначения* (выделено мной – А.П.), содержанию, целям применения, процессуальному порядку применения и правовым последствиям. Считаем, что в целом вышеперечисленные меры не представляют собою единую систему. Они не взаимосвязаны, не могут

применяться в комплексе, не дополняют друг друга. Более того, применение одной из рассматриваемых мер прямо исключает применение другой меры. Отсутствуют признаки, присущие всем видам иных мер уголовно-правового характера, которые при этом бы отличали их от наказания»¹⁴⁰. В этой связи нельзя вести речь о существовании каких-то единых критериев введения в УК РФ новых мер иного характера некарательного свойства.

Вторит ему в этом отношении и В.С. Карпов, указывающий, что: «Ни один из «элементов» существующих систем «иных мер уголовно-правового характера» не является самостоятельным. Другими словами, каждая из иных мер уголовно-правового характера непосредственно взаимосвязана с наказанием и применяется либо наряду (в связи) с назначенным наказанием (условное осуждение, отсрочка отбывания наказания, конфискация имущества), либо вместо него (принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетним, принудительные меры медицинского характера), либо является своего рода последствием назначения наказания (судимость)»¹⁴¹.

Таким образом, одним из наиболее «узких» мест всех мер уголовно-правового характера являются как раз условия их применения, собственно и определяющие их сущность и правовую природу, обосновывающую сам факт их выделения в законе. Отсюда и складывается ситуация, когда каждая из таких мер сегодня вполне оправдала свое существование, но при этом о какой-либо системе, основанной на четких критериях пока что вести речь не приходится. «Как самостоятельная и содержательно целостная общность институт «иных мер уголовно-правового характера» не существует», пишут авторы коллективной монографии, посвященной данной тематике. «Но взятые по отдельности – институт принудительных мер воспитательного

---

¹⁴⁰ Батанов А.Н. Иные меры уголовно-правового характера – самостоятельный институт российского уголовного законодательства? // Общество и право. 2011. № 5 (37). С. 152–154.

¹⁴¹ Карпов В. С. К проблеме определения понятия меры уголовно-правового характера и его регламентации в УК РФ // Пролог. 2013. № 3. С. 31.

воздействия, институт условного осуждения, институт конфискации имущества и т.д., вполне сложились, функционируют и развиваются»¹⁴².

Вместе с тем причины их появления в российском уголовном законе, как и условиях их практической реализации, ничего общего не имеют друг к другу. Отсюда неизбежным представляется и вывод о единственной возможности выделения в самостоятельную группу новых средств воздействия, не относящихся к наказанию, за счет нормативного закрепления обязательных условий их применения. Причем такие условия должны быть обусловлены потребностями момента, когда поднимаемая проблема и ее решение для общества являются по настоящему насущной потребностью. При этом появление новых средств, пока мы не говорим о некоторой системе мер уголовно-правового характера, может носить относительно самостоятельный характер, и никак не связано с любыми из существующих средств уголовно-правового принуждения, которые сегодня уже достаточно детально проработаны и относительно успешно применяются. Примером появления таких мер в последние годы является судебный штраф. В случае с данной мерой уголовно-правового характера все решила политическая воля, совершенно необходимая в деле противодействия коррупции и недостаточность уже имеющихся уголовно-правовых способов противодействия данному негативному явлению, способному привести к полному разложению и деградации общества¹⁴³.

Точно такая же ситуация, и с существующими сегодня мерами воздействия в отношении лиц, виновных в совершении преступлений против интересов Российской Федерации. Их на данный момент просто нет. Однако в условиях современной геополитической ситуации и назревшей в связи с

---

¹⁴² *Меры* уголовно-правового характера: монография / В.К. Андрианов, В. Ф. Лапшин, Ю. Е. Пудовочкин, А. А. Толкаченко / под ред. Ю. Е. Пудовочкина. М., 2022. С. 93.

¹⁴³ См. об этом более подробно, например: *Боровских Р.Н.* Судебный штраф как мера уголовно-правового характера: цели и основание назначения // Вестник Кузбасского института. 2022. № 2. С. 13-19; *Лепина Т.Г., Шатанкова Е.Н.* Проблемы применения судебного штрафа как основания освобождения от уголовной ответственности // Уголовное право. Уголовный процесс. Криминалистика. 2020. № 2. С. 251-257; и др.

ней потребностью, появление нового средства противодействия, условием применения которого будет являться сам факт преступного посягательства на государство с одной стороны не вызывает каких-либо сомнений, а с другой, требует соответствующей теоретической проработки. С учетом отсутствия четкого и самое главное – универсального механизма, который бы позволил в рамках законодательной техники осуществить алгоритмизированный ввод в уголовный закон новой меры, полагаем, что должен быть использован предыдущий опыт, связанный как с судебным штрафом, так и с конфискацией имущества (обусловлено крайне динамичными изменениями данного института в последнее время). При этом перечисление в тексте конкретной нормы преступлений, выступающих в качестве обязательного условия их применения, во многом определяют и сущность этой нормы. По большому счету от того, что будет положено в основу устранения причины совершаемого преступления (что конкретно должно выступать в качестве предмета предупреждения), от этого будет определена и видовая принадлежность самой меры.

И если в нашем случае речь идет о посягательствах, на интересы государства, направленных на «расшатывание» ситуации изнутри, на подрыв основ конституционного строя, а не в целом на весь спектр возможных проявлений негативного свойства в отношении государства и официальной власти (о чем говорилось в первом параграфе первой главы настоящего исследования), то это должно повлечь за собой, как минимум два обязательных обстоятельства. Во-первых, в предлагаемой в последующем соответствующей норме, должно быть перечисление (или указание) только тех составов, которые предусматривают ответственность за их совершение. Во-вторых, направленность данных посягательств, на те преступные цели и задачи, которые перед ними стоят и напрямую позволяют делать вывод относительно того, что именно позволит обеспечить идею предупреждения преступлений данной группы, то есть их конкретные виды, которые требуются в сегодняшней геополитической обстановке, и с учетом

идеологической составляющей противодействия преступности определенной группы в новых условиях.

Что важно, формирование собственно конкретных видов мер противодействия, во многом зависит от определения видов преступных посягательств, которым предстоит противодействовать. В частности, это все виды преступных посягательств, предусмотренных в главе – преступления против основ конституционного строя и безопасности государства. Это также преступления террористической направленности, а также значительное число общественно опасных деяний против общественной, экологической и экономической безопасности нашей страны. Отсюда и формирование блока мер, не имеющих репрессивного характера, но способных противостоять именно данной части преступности.

С учетом того, основной задачей любой меры уголовно-правового характера является предупреждение совершения деяний подобного рода впредь, то в качестве таковых могут выступать высылка из страны и даже, с учетом географических показателей нашей страны, ссылка. Меры, достаточно давно забытые и не используемые (в рамках уголовно-правовых мер принуждения), но тем не менее, как показывает исторический опыт, вполне эффективные и, что самое главное, применимые именно в связи с совершением преступлений той группы, которые входят в предмет настоящего исследования. Тем более, что депортация из страны в современных условиях вполне эффективно применяется в рамках административного законодательства¹⁴⁴ (ст. 3.10 КоАП РФ «Административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства»)¹⁴⁵, являясь на сегодняшний день действенным средством в регулировании всей миграционной политики страны. Более того, использование данной меры,

---

¹⁴⁴ См. об этом более подробно: *Сандугей А.Н.* Депортация: наказание или процедура // Административное право и процесс. 2005. № 1. С. 32–35.

¹⁴⁵ Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации // Информационно-справочная система «КонсультантПлюс».

специалистами в сфере административно-правовой науки вполне справедливо относится к числу крайне важных (хотя и крайне жестких) средств обеспечения именно государственной безопасности страны¹⁴⁶.

Безусловно, в этом отношении необходимость противостоять давно известным обществу преступлениям, но на качественно ином, более жестком уровне, в иной геополитической обстановке, существенным образом трансформирует их роль. Помимо обязательного условия применения иной меры уголовно-правового характера, указание на конкретное преступление в описательной части нормы, свидетельствует об их составообразующих функциях, когда сам факт преступного посягательства указывает на необходимость выделения особых мер воздействия на виновного. И здесь нельзя недооценивать функциональную принадлежность условия применения и одновременно основания включения в УК РФ той или иной меры воздействия – конкретного вида преступного посягательства. Собственно, от определения того, какие именно преступные действия требуют особых мер предупреждения зависит и определение их конкретных видов¹⁴⁷.

Возвращаясь к потенциально наиболее эффективным в нашем случае мерам – высылке, ссылке а также ограничении или поражении виновного в его политических правах, необходимо отметить, единственными основаниями для их включения в уголовный закон в качестве иных мер (они же в последующем и условия применения), могут выступать отмеченные выше посягательства на основы конституционного строя и безопасности государства, а также преступления против мира и безопасности человечества.

---

¹⁴⁶ *Амельчаков И.Ф., Катаева О.В.* Высылка иностранного гражданина как ограничение его права на свободу передвижения и как способ обеспечения национальной безопасности // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* № 2019. № 3. С. 138-159. См. об этом также: *Костыря А.С.* Административное выдворение, депортация и реадмиссия: сравнительно-правовой анализ // *Наука. Теория. Практика.* 2017. № 2. С. 46-49.

¹⁴⁷ См.: *Пирожников А.Н.* Условия применения иных мер уголовно-правового характера, направленных на ограничение прав лиц, совершающих преступления против интересов Российской Федерации // *Журнал правовых и экономических исследований.* 2023. № 3. С. 212-219.

Следует отметить, что за возвращение данных средств достаточно активно выступили сотрудники практических подразделений, в том числе тех, кто осуществляет деятельность по реализации административной практики в части депортации лиц, признанных виновными в совершении административных правонарушений. Так, в ходе опроса 64 мировых судей, связанных по роду выполняемых ими функций деятельности по административному выдворению из Российской Федерации лиц, совершивших административные правонарушения, 59 человек уверенно ответили, что аналогичная мера должна сегодня присутствовать, в том числе и в УК РФ (неважно где, в наказании или в числе иных мер)¹⁴⁸. Остальные 6 мировых судей посчитали, введение такой меры излишним вмешательством государства в регулирование общественных отношений в данной сфере. Что интересно, мнение респондентов относительно поражения в правах в своем числовом выражении практически такое же. В ходе ответа на вопрос о целесообразности присутствия в системе мер уголовно-правового воздействия данного средства воздействия 53 судьи пришли к положительному выводу, 7 человек оценили бы данный шаг законодателя как излишне репрессивный, а остальные 4 респондента пока по данному вопросу собственной позиции не сформировали.

Следует отметить, что вторят им в этом отношении и работники прокуратуры, которые в ходе анкетирования показали схожие данные. Так, из 44 работников, проходящих службу в органах и организациях прокуратуры 36 указали на необходимость совершенствования УК РФ в данной части и с учетом вновь сформировавшихся геополитических условий. При этом еще шесть человек обратили свое внимание на избыточность предлагаемых диссертантом мер, а еще два респондента не имеют однозначного решения по данному вопросу. Что важно, из 44 опрошенных

---

¹⁴⁸ Всего в ходе поведенного опроса вопросы были заданы 64 специалистам в четырех регионах Российской Федерации, в частности: г. Санкт-Петербурге, Ленинградской области, Республике Крым, Омской области. Вопросы задавались в периодах 2022-2023 годов.

отмеченной категории респондентов, 12 отдельно указали на острую потребность принятия и реализации еще более жесткого подхода в решении данного вопроса, либо на разработку альтернативных высылке и ссылке мер, направленных на обеспечение интересов Российской Федерации от преступных посягательств определенной направленности¹⁴⁹. Именно в связи с доминированием позиции об ужесточении подхода к лицам, посягающим на интересы Российской Федерации, абсолютное большинство данной категории респондентов пришли (34) к выводу о позитивности последствий от включения в УК РФ такого средства принуждения как лишение (ограничение) или поражение виновного в совершении преступлений данной группы в его, прежде всего, политических правах.

Проведенное в рамках настоящей диссертации эмпирическое исследование показало, что практические работники, имеющие непосредственное отношение к работе в данном направлении, хорошо осознают степень сложности как внешне, так и внутреннеполитической ситуации, и видят возможность ее решения, в том числе за счет совершенствования института иных мер уголовно-правового характера, как, впрочем, и посредством совершенствования института наказания. Вне зависимости от формы реализации ответственности, специалисты в сфере правоприменения увидели в самом факте совершения преступления определенного вида, первое основание для появления отдельной меры уголовно-правового воздействия, а второе, обязательность совершения одного из них для возможной реализации таких мер правоприменителем (в нашем случае судом).

Важно также отметить, что при подготовке данной части работы нами было проанализировано 211 постановлений судов об административном выдворении в форме контролируемого самостоятельного выезда (ст. 30.10

---

¹⁴⁹ Всего в ходе поведенного опроса вопросы были заданы 44 специалистам в четырех регионах Российской Федерации, в частности: г. Санкт-Петербурге, Ленинградской области, Республике Крым, Омской области. Вопросы задавались в периодах 2022-2023 годов.

КоАП РФ) лиц, признанных виновными в совершении административных правонарушений¹⁵⁰. Анализ показал, что сама по себе мера является достаточно отработанной и понятной для субъектов ее применения, то есть судов. Это крайне важно с позиции того, что условия и основания ее применения, по аналогии, вполне могут быть адаптированы и под уголовно-правовую сферу воздействия на лиц, признаваемых виновными в совершении преступлений. Что характерно, во всех постановлениях речь идет о личности субъекта правонарушения, как об одном из оснований, необходимых для их учета при принятии решения. Как правило, это отсутствие постоянного места жительства, устойчивых социальных связей, места работы, склонность к совершению новых правонарушений и, возможно преступлений и т.д. Естественно, что применительно к иным мерам уголовно-правового характера учет личностных характеристик также необходим, но с учетом особенностей совершенного преступления, и возможной дальнейшей преступной деятельности такими лицами. Более того, можно и нужно вести речь о достаточно жестких условиях, в которых применение данной меры стало бы реальностью, указывающей на невозможность устранения причин совершения новых преступлений данным конкретным лицом. Безусловно, это схожий, но несколько иной подход, чем тот, что используется в административном праве, где учет личности важен, но для принятия решения, как правило достаточно формально совершенного деяния¹⁵¹, но тем не менее, нельзя отрицать, что это уже сформировавшийся подход.

---

¹⁵⁰ Анализ проводился в течении 2021-2023 гг. в судах г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

¹⁵¹ Например, факт отсутствия документов, необходимых для нахождения на территории Российской Федерации является достаточным для административного выдворения из страны. См.: *Постановление* Гатчинского городского суда Ленинградской области № 5/1201/2023 от 12.02.2023 г. Точно также это касается и другой меры административно-правового характера – принудительным и подконтрольным перемещением через Государственную границу Российской Федерации за пределы Российской Федерации с помещением и содержанием в Центре временного содержания иностранных граждан. См., например: *Постановление* Красносельского районного суда г. Санкт-Петербурга. № 5-2164/2023 от 16 декабря 2023 г.; и др.

Отсюда, полагаем, что при его применении вид совершенного деяния не должен выступать в качестве единственного обязательного условия применения вновь используемого средства. В качестве крайне важного второго критерия необходимо рассматривать гражданство виновного, выработав при этом самостоятельный подход, отличный от административно-правового регулирования данного вопроса. В настоящий момент, согласно ч. 1 ст. 3.10 КоАП РФ выдворение из страны возможно только иностранного гражданина или лица без гражданства. Между тем подход, сформировавшийся в рамках административного законодательства, имеет свои причины и направлен на решение своих задач, что и обусловило определение объекта воздействия со стороны государства. И несмотря на то, что в уголовном законодательстве ряда зарубежных стран поддерживается именно такая позиция (Литва, Нидерланды, Эстония и др.), тем не менее, он требует своего обсуждения, особенно с учетом трансформации как внешней, так и внутренней политической повестки, которая происходит в последнее десятилетие.

По нашему мнению, речь необходимо вести одновременно как о высылке, ссылке, так и о поражении виновного в его политических правах, как равнозначных средствах иного воздействия некарательного характера, направленных на охрану общественных отношений от посягательств на интересы Российской Федерации. Потенциальная возможность их включения в УК РФ делает неизбежным и саму постановку вопроса относительно круга субъектов, к которым они могут быть применены. Представляется, что его заужение за счет только иностранцев, а также лиц без гражданства в рамках уголовно-правового регулирования, не совсем оправдан и требует соответствующего обсуждения на доктринальном уровне.

Применение мер подобного рода к лицам, совершившим преступления исследуемой нами группы, видится в качестве основного критерия (обязательного условия) их практического применения. Необходимо отметить, что около десяти лет назад Комиссия международного права ООН

разрабатывала рекомендации, связанные с высылкой иностранцев предоставив проекты статей и комментарии к ним в Генеральную Ассамблею ООН. Данные положения представляют собой нормы, регулирующие общие положения, запрещающие высылку, обусловленные необходимостью защиты прав, тех кто таковой подлежит. В свою очередь, Генеральная Ассамблея ООН постановила включить в повестку своей 72 сессии в 2020 г. вопрос о высылке иностранцев и соблюдении их прав¹⁵².

Относительно необходимости высылки именно иностранцев, пишут и большинство отечественных исследователей, посвятивших свои работы данной проблематике. Так, Т.А. Хван отмечает, что данное средство воздействия необходимо установить в качестве дополнительного наказания к лишению свободы и применять его можно лишь к иностранным гражданам временно или незаконно, пребывающим на территории Российской Федерации¹⁵³. При этом автор не включает в категорию лиц, к которым может применяться высылка даже лиц без гражданства и лиц с двойным гражданством. Хотя такая мера была бы вполне действенной по отношению к перечисленным группам нарушителей уголовного законодательства, особенно в современных условиях. Представляется более последовательной в этом отношении позиция И.В. Дворянского и М.Н. Урда, рассматривающих в качестве объектов принуждения не только иностранных граждан, но и лиц без гражданства¹⁵⁴. Аналогичная точка зрения сегодня демонстрируется и в административно-правовой доктрине, где вопрос относительно выдворения, высылки, депортации граждан России, даже на уровне исключительных

---

¹⁵² *Высылка иностранцев*: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18.12.2014 г. // A/RES/69/119 // URL: <http://www.refworld.org.ru/docid/549d30f64.html>

¹⁵³ См.: Хван Т.С. Высылка за пределы Российской Федерации как вид уголовного наказания: перспективы возможного применения // Государственная служба и кадры. 2019. № 3. С. 178.

¹⁵⁴ См. об этом более подробно: Дворянсков И.В., Урда М.Н. Выдворение иностранных граждан и лиц без гражданства за пределы Российской Федерации: к вопросу о перспективах законодательного определения в Уголовном кодексе Российской Федерации // Вестник Юго-Западного государственного университета. Серия: история и право. 2018. Т. 8. № 4. С. 137-144. При этом авторы в некоторой степени задаются вопросом относительно потенциальной возможности расширения пределов уголовно-правового принуждения в части установления круга субъектов такого принуждения.

случаев (представляющих наибольшую опасность), на сегодняшний день практически не рассматривается¹⁵⁵.

Нельзя не обратить внимание на безусловную схожесть позиций, которая сегодня присутствует по исследуемому вопросу в части данного условия применения отдельно взятой меры вне зависимости от сферы ее правового регулирования. Статус лица выступает в качестве составообразующего признака как включения данной меры в закон, так и ее применения. Что характерно, поражение лица в его политических правах сегодня не обсуждается на сколь-нибудь значимом уровне, за исключением историко-правового, что несколько снижает дискуссионность данного вопроса. Однако проблематика определения субъекта специальной превенции к тем, кто совершает преступления, посягающие на интересы Российской Федерации, продолжает оставаться актуальной, в основном сводясь к тому, при возникновении каких обстоятельств возможно применение высылки к иностранным гражданам, а также к лицам без гражданства. При этом статус субъекта преступления практически не обсуждается на уровне теоретических изысканий.

В то же время, рассуждения в рамках данного параграфа идут не о ссылке или высылке, или даже о такой иной мере как поражение в политических правах (или их лишение), как равно и любом другом средстве уголовно-правового характера, а об условии их практического применения, что и определяет собственно его предмет. Ключевым является ответ на один вопрос, возможно ли изменение самого представления относительно того какими правами обладает государство в части реализации мер иного характера, в случаях совершения посягательств, направленных против интересов Российской Федерации.

Как представляется, основным и достаточно сложным аспектом в решении данного вопроса является отношение государства к своим же

---

¹⁵⁵ См. об этом, например: Паукова Ю.В. К вопросу об основаниях применения административного выдворения, депортации и реадмиссии иностранных граждан // Административное право и практика администрирования. 2022. № 2. С. 38-49;

собственным гражданам, хотя бы и совершившим преступление, направленного против него же. Сложнейшей дилеммой для официальной власти является ни что иное, как соблюдение конституционных прав и свобод своих граждан, которые установлены на уровне высшего законодательного акта. В частности, право на беспрепятственный выезд и въезд на территорию Российской Федерации – ч. 2 ст. 27 Конституции Российской Федерации. В некоторой степени вторит основному закону нашей страны и УК РФ, в ст. 13 которого четко говорится о недопустимости выдачи российских граждан, совершивших преступления на территории иностранного государства. С одной стороны правило о защите своих граждан незыблемо, с другой, виновный, совершая преступления определенной группы ставит себя вне закона, позволяя, таким образом, допустить выход за пределы установленного правового порядка. Полагаем, что государство, будучи вынужденным защищаться, вправе применять любые средства защиты самого себя, включая и физическую изоляцию своих же граждан от тех, процессов, которые происходят в социуме.

В данном случае, безусловно, присутствует психологическая сложность восприятия позиции подобного рода, в силу привитой привычке терпимости к происходящему, ложно понимаемых демократических начал и извращенном представлении о правах человека, насажденных нам в течение последних тридцати лет постсоветского периода. По сути, отсутствие жесткости по данному вопросу, привело к сложности принятия любых новелл и в решении данного вопроса. Вопросы защиты государства от преступных посягательств, направленных против него же. Вместе с тем, сама идеология противодействия современной преступности, наряду с фактически происходящими процессами в геополитических масштабах, где роль России сегодня одна из центральных, указывает на высочайшую потребность в трансформации ранее сформированных подходов. В условиях сложившейся действительности это во многом объясняется идеологическими потребностями, которые совершенно неожиданно вновь возникли перед

российским обществом. Ее формирование в ситуации постоянного противостояния способно объяснить появление в УК РФ практически любых средств и в отношении любой категории виновных (вне зависимости от их гражданства), направленных на подавление преступности (в общем и целом) против интересов Российской Федерации.

Отсюда и обсуждение такого условия реализации средства уголовно-правового воздействия, как гражданство лица, совершившего преступление, должно происходить в новой идеологической формации и с учетом современных реалий, которые и должны определять содержание мер иного характера. В связи с этим Д. А. Корецкий, указывает на необходимость формирования криминологической идеологии, которая и должна «...сопрягать меры противодействия с состоянием, тенденциями и качественными характеристиками преступности, добиваясь адекватности первых вторым»¹⁵⁶. Ее наличие позволит, прежде всего, обосновать социальный запрос на разработку принципиально новых мер противодействия преступности, а также объяснить основания их появления, а также конкретные условия применения, обеспечив таким образом их адекватность, складывающимся криминальным условиям.

Развивая данную точку зрения М.В. Бавсун указывает на необходимость формирования в уголовном законе (в уголовно-правовой политике) идей непримиримости и бескомпромиссности к преступлениям определенного рода, включая и их направленность на интересы государственной власти и его безопасность¹⁵⁷. В целом, соглашаясь с обозначенной позицией, следует отметить, что ее реализация непосредственно в тексте уголовного закона, применительно к нашему случаю, находит свое проявление именно за счет демонстрации исключительно жесткого подхода к лицам, совершившим преступления

---

¹⁵⁶ Корецкий Д. А. Идеологические проблемы борьбы с преступностью // Законность. 2004. № 5. С. 2.

¹⁵⁷ См. об этом более подробно: Бавсун М.В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации. Омск, 2014.

против интересов Российской Федерации, вне зависимости от их гражданства.

В этом отношении, безусловно, предложение о возможности использования крайне репрессивных мер к гражданам своей страны в случае их диссидентского и сепаратистского поведения по отношению к государству, вполне вписывается в предлагаемую концепцию его защиты. Отсюда и обязательное условие – *гражданство виновного*, выступает в качестве неизбежного последствия ее реализации.

Интересно, что значительная часть опрошенных в процессе данного исследования респондентов поддержала идею нивелирования идеи дифференциации уголовной ответственности в зависимости от гражданства для лиц, виновных в совершении преступлений против интересов государства. При этом вопрос был задан в русле формирования модели отдельной группы средств иного характера, именно за данную группу преступных проявлений, где предлагались в качестве пилотных мер высылка, ссылка и поражение в политических правах. В частности, 53,5% судей пришли к выводу о том, что гражданство виновного не должно определять наличие или отсутствие возможности их применения к отмеченной категории преступников. Еще 42,5% респондентов не поддержали данную инициативу, а оставшиеся 4% не имеют по данному поводу собственной точки зрения.

Отдельный при этом был задан вопрос относительно возможной зависимости предлагаемых мер от категории тяжести совершаемого преступления. Судьи пришли практически к единогласному мнению о том, что такая зависимость должна быть дифференцирована в соответствии с жесткостью самой меры. Всего 94,5% респондентов придерживаются данной точки зрения, при этом остальные 5,5% полагают иначе. Что важно, все опрошенные вошедшие в первую категорию пришли к выводу, что высылка из страны представляет собой наиболее репрессивную меру и может применяться лишь в исключительных случаях и только при совершении посягательств, относящихся к категории особо тяжких. В свою очередь,

отношение к другим мерам, менее строгим, пропорционально менее принципиально и у респондентов, допускающих их применение к виновным, совершившим преступления против интересов Российской Федерации любой тяжести – 89% опрошенных.

Необходимо отметить, что данные вопросы задавались только судьям, а другие категории опрашиваемых, которые уже неоднократно упоминались в настоящей работе, участие в данной части исследования не принимали. Отмеченное обстоятельство обусловлено, отсутствием в специфике их работы необходимости выбора любой из мер уголовно-правового воздействия, будь то наказание или иные меры уголовно-правового характера. Несколько скорректированный, в части их отношения к вопросу соблюдения законности в случае реализации исследуемого нами признака в уголовном законе, данный вопрос был адресован к работникам прокуратуры. Здесь ситуация выглядит несколько иным образом. Корректировка происходит в сторону увеличения сомнений относительно, предлагаемого нами нововведения. Так, лишь 45,2% респондентов с нами согласились, указав при этом, что граждане Российской Федерации не могут высылаться из страны, а сам механизм претворения в жизнь такой меры, невозможен априори. Еще 46,1% опрошенных нас поддержали, но на условиях потенциально малого количества реализации предлагаемой меры иного характера (ее абсолютной исключительности как в части установления за деяния, так и тем более - применения). Остальные 6,7% работников прокуратуры своего мнения по данному вопросу пока что не имеют, отметив при этом, что в новых геополитических условиях сам факт постановки вопроса об ужесточении подхода к репрессии за деяния подобного рода, безусловно, важен.

Полагаем, что последний тезис в решении нашего вопроса является одним из наиболее актуальных. События, связанные с тем, что происходит сегодня на Украине, когда российское общество разделилось на тех, кто поддерживает политику государства и официальной власти и, тех кто

покинул страну, открыто позволил себе высказывания против российской позиции и т.д., указывают на наличие новой фазы противостояния. В свою очередь, трансформация (ужесточение) позиции «пятой колонны» и взрощенного ими поколения диссидентов, вынуждают государство идти на беспрецедентные меры, направленные на самозащиту. Характер этих мер может носить временный характер, также как это уже и было в двадцатых годах прошлого столетия, но очевидная потребность в их появлении именно сейчас, в условиях глобального противостояния, и острой необходимости сохраниться как государство, как этнос, как общество, сегодня вряд ли может вызывать какие-либо сомнения, вынуждая принимать меры беспрецедентного характера.

М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин указывают на избыточную скорость и на недопустимое упрощение законодательных процедур при установлении уголовно-правовых запретов, которые наблюдаются в последнее время¹⁵⁸. Сложно не согласиться с данным тезисом. В то же время, именно сейчас, как полагаем, требуется отойти от прежних догм, в том числе и процедурного характера, для усиления противодействия новым явлениям негативного характера. С учетом новых вызовов со стороны преступности, прямых угрозах целостности Российской Федерации, не скрываемых целей, которые стоят перед коллективным Западом, защита государства также должна выйти на новый, качественный уровень. И здесь волокита при принятии решений, как, впрочем, и отсутствие в них принципиально новых средств, абсолютно пагубны для конечного результата противостояния, а соответственно и для государства в частности. Полностью поддерживаем точку зрения И.С. Ильина «...о назревшей необходимости выделения в самостоятельную группу преступлений, требующих отдельных мер предупреждения, которые связаны с распространением антиконституционных взглядов и экстремисткой идеологией, с созданием и деятельностью организованных и

---

¹⁵⁸ См.: Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Проблемы российской уголовной политики. М., 2017. С. 193.

иных групп, которые институализируются в социальной среде, с массовыми призывами к противоправной деятельности и негативными информационными вбросами приводят к ее разрушению». И далее, такие деяния «...представляют собой наибольшую опасность, подрывая сами устои существования общества, сознательно и масштабно формируя криминогенную среду. По этой причине очевидно, что и подход законодателя к оценке их общественной опасности должен быть наиболее жестким»¹⁵⁹. Однако при этом отметим, что выделение только групп преступлений или иных деяний, к которым должны применяться особые меры предупреждения, недостаточно. Именно особые, принципиально новые меры воздействия на лиц, виновных в их совершении, должны войти в число тех самых мер предупредительного характера, о которых пишет И.С. Ильин. И в данном случае, когда мы ведем речь о посягательствах, подрывающих государственную идеологию, общественные устои, калеча при этом психику отдельного человека, говорить об избытке жесткости репрессии недопустимо. В этой связи, полагаем, что факт гражданства виновного, не должен оказывать решающего влияния на разработку и внедрение конкретной меры воздействия. Определяющим является вид преступного деяния, а не то, кто по своему юридическому статусу его совершил.

Данный тезис полностью соответствует ранее выведенным нами основаниям для разработки мер иного характера, которые были бы направлены на предупреждение посягательств только данной группы. В частности, ранее мы отмечали, что одним из таких оснований является, совершение преступлений, способных подорвать государственность, разрушить вертикаль власти, имеющих по своей сути антигосударственную идеологию и т.д., что, по нашему мнению, требует включения в уголовный закон средств исключительного и экстраординарного характера. В свою очередь, их исключительность и экстраординарность неизбежно повлекут за

---

¹⁵⁹ *Ильин И.С.* Криминологическая характеристика и предупреждение демонстративно-протестной преступности. М., 2023. С. 305-306.

собой и особый характер последствий для виновного, которые могут на него распространяться. Прямая связь между выделенными нами, в рамках первой главы исследования, признаками (основаниями) таких мер, неизбежна и, более того, необходима, позволяя таким образом обосновать правовую природу их происхождения, а также потребность в последующем применении¹⁶⁰.

Многое в данном случае находится на уровне межотраслевой дифференциации ответственности, оказываясь, что называется, на «стыке» административно и уголовно-правового регулирования. Во многом это обусловлено и тем опытом, который накоплен уже в административно-правовой сфере, и ее мощным предупреждающим потенциалом. В то же время, надо понимать, что грань между обеими отраслями тонка, и определение того, что и в каком случае к какой сфере правового регулирования должно быть отнесено крайне сложно, если вообще возможно. Э.Ю. Чуклина, по этому поводу пишет следующее: «Одна группа норм устраняет криминогенные ситуации, облегчающие криминогенные ситуации, облегчающие совершение преступлений, или не допускает их возникновения. Другая группа норм препятствует закреплению антиобщественной установки у лиц на ранних стадиях криминальной деформации личности»¹⁶¹. Вопрос, традиционно сводится к тому, где грань

---

¹⁶⁰ На фоне рассуждений относительно потенциально возможного принудительного перемещения внутри страны лиц, совершивших преступления против интересов Российской Федерации, сегодня на законодательном уровне рассматривается возможность данного нововведения, но уже для законопослушных граждан. Данное правило должно действовать в период военного времени и распространяться на определенные территории. И, тем не менее, сама возможность именно принудительного переселения не кого-нибудь, а именно законопослушных граждан, сомнений не вызывает. По всей видимости меньше таких сомнений должно быть и в случае решения вопроса применительно к тем, чьи действия направлены на подрыв конституционного строя и безопасности государства. См. об этом, например: «Комитет Госдумы по законодательству и госстроительству одобрил поправки, которые касаются выборов в регионах с введенным военным положением, и перемещения жителей на таких территориях. Впрочем, часть инициатив касается и всей территории России» // <https://www.fontanka.ru/2023/05/15/72306476/> (дата обращения: 21 мая 2023 г.); <https://sozd.duma.gov.ru/bill/168783-8> (дата обращения: 21 мая 2023 г.).

¹⁶¹ Чуклина Э.Ю. Уголовно-правовые нормы с двойной превенцией: понятие,

между одним и вторым направлениями? И.С. Ильин по в данном случае (применительно к демонстративно-протестной преступности) отмечает: «...полагаем решительно возразить теоретическим попыткам обосновать необходимость криминализации деяний, которые формально отвечают представлениям о криминогенных факторах...», но содержательно, и по существу, не могут быть предметом уголовно-правового предупреждения¹⁶².

Безусловно, сфера административного права уже достаточно давно выполняет роль настоящего «полицейского» в решении рассматриваемых нами вопросов. В то же время, этой роли в последнее время становится недостаточно, в то время как уголовно-правовая отрасль по-прежнему остается максимально консервативной и архаичной, не позволяя принимать по-настоящему новаторских (актуальных не когда-то в отдаленном будущем, а на данный момент времени) решений, совершенно необходимых для настоящего прорыва в части предупреждения преступлений данной направленности. В этом отношении межотраслевая дифференциация ответственности (двойная превенция) имеет крайне важное значение в выстраивании концепции предупреждения, в рамках которого появление иных мер уголовно-правового характера выполняет роль одного из краеугольных камней, позволяющих реализовать всю идею, как общей, так и частной превенции преступлений рассматриваемой группы.

К сожалению, мы вынуждены констатировать тот факт, что абсолютное большинство современных исследователей в основном уделяют свое внимание преступлению (его видам, группам и категориям), оставляя без внимания наказание, не говоря уже об иных мерах уголовно-правового характера, которые априори не принимаются во внимание и находятся за пределами научного анализа современными исследователями. Между тем, именно воздействие во многом и определяет и уровень предупреждения, и степень влияния на преступника, и возможность его исправления и прочие

система и механизм превентивного воздействия // Полицейская и следственная деятельность. 2020. № 3. С. 61.

¹⁶² См. более подробно об этом: *Ильин И.С.* Указ. соч. С. 300.

аспекты, крайне важные не только, собственно, для предупреждения, но и уже в целом для безопасности государства, в условиях его нахождения в состоянии постоянного масштабного геополитического противостояния двух фундаментально отличающихся систем развития общества.

В свою очередь, те же – высылка, ссылка, поражение в политических правах и иные – смежные по своей отраслевой принадлежности меры, способны выполнять роль межотраслевых средств воздействия (или принуждения) в отношении виновных. При этом определение итогового статуса данных средств становится возможным в зависимости от статуса совершенного деяния – преступления или административного правонарушения. Полагаем, что деяние должно выполнять определяющую роль не просто для выбора меры воздействия, которая может быть одинаковой для различных по своей сути правонарушений, а стать ключевым для установления статуса самой меры. Ее одновременное использование в различных отраслях законодательства, как средства принуждения, не является чем-то новым для современного правового регулирования. В качестве такого альтернативного средства сегодня выступает, например, штраф, с успехом применяющийся как в рамках административного, так и уголовного законодательств. Что характерно, данный пример не единичный не только для современного состояния правовой сферы, но и для отечественной истории государственного принуждения, применяемого к тем, кто преступил черту закона¹⁶³.

Разница должна быть в условиях применения мер подобного рода, в потенциальном объеме их реализации, которые бы определяли и степень их жесткости, а также в тех целях, которые ставятся законодателем перед каждой из них. При этом, полагаем, что опыт, накопленный уголовным

---

¹⁶³ Так, сегодня успешно и параллельно друг к другу применяются обязательные работы, конфискация орудия совершения преступления, или то же предупреждение, которое в УК РФ реализуется применительно к несовершеннолетним, но в числе принудительных мер воспитательного воздействия. Исторически данный подход обусловлен и не является чем-то новым для современной сферы правового регулирования в целом и регламентации средств государственного принуждения в частности.

законодателем целого ряда стран Западной Европы, далеко не всегда здесь может быть востребован даже в частичном объеме. Дело в том, что этот опыт накапливался в другой социальной, политической, экономической и, даже культурной (включая и ее ментальную составляющую) реальности, сформировав соответствующий этой реальности и нормативный материал, помимо его восприятия обществом на уровне коллективного правосознания. В этой связи УК Литвы, Нидерландов, Эстонии и некоторых других стран, предоставляющих правоприменителю своих стран право на выдворение за пределы государства (в рамках уголовного судопроизводства), иностранных граждан, в новой реальности становится не более, чем иллюстрацией одного из потенциально возможных вариантов решения проблем, связанных с противоправным воздействием на интересы государства. Представляется, что во вновь, сложившейся обстановке в качестве одного из условий применения мер подобного рода, должно стать прямое указание в норме на отсутствие какой-либо зависимости ее практического применения от гражданства виновного. Данное правило должно носить универсальный характер и, с учетом характера и степени общественной опасности посягательств, на предупреждение которых меры подобного рода направлены, предусматриваться в содержании каждой из них, вне зависимости от конкретного вида. Таким образом, само преступление и высочайшая потребность у государства в предупреждении именно данного вида общественно опасного поведения, обусловленное современной обстановкой и перспективой ее дальнейшего развития, выступают в качестве определяющих факторов каждого из условий применения исследуемых нами иных мер уголовно-правового характера.

Наиболее сложным при этом видится сам механизм его реализации, а именно – процедурный, процессуальный порядок выдворения за пределы своего же государства собственного гражданина. Вполне возможно, что реализация такой меры должна сопровождаться лишением виновного гражданства и наложением других ограничений и обременений. Но в любом

случае создание такого механизма дополнительной проработки, далеко выходящей за пределы уголовного права, а в современных условиях и совершенно необходимо. Что характерно, наибольшие сложности среди всех средств иного воздействия, которые можно дополнительно применять к тем, кто совершил преступления подобного рода, только высылка потребует создание отдельного механизма его реализации. Остальные меры не требуют столь серьезного подхода с позиции формирования модели, необходимой для их правоприменительной реализации. Вместе с тем, все они, по своей сути, представляют собой ни что иное, как средства экстраординарного и максимально жесткого характера, находясь на грани с так называемым чрезвычайным уголовным законодательством.

Их чрезвычайность также может быть определена в качестве одного из обязательных условий применения, таким образом существенно ограничив правоприменительное усмотрение и, обеспечив подконтрольное государству ограничение прав и законных интересов человека и гражданина. Действующий уголовный закон мер, относящихся к категории чрезвычайных не знает, как впрочем, не знает и самого термина – чрезвычайность. Тем не менее, в условиях прямого воздействия на Российскую Федерацию, как на государство, активизации внутренних и внешних врагов, Уголовный кодекс также должен претерпеть соответствующую трансформацию принципиального характера, обеспечив наличие в нем средств способных обеспечить требуемый уровень защиты.

Само определение чрезвычайного правового регулирования в современной теории права сводится к «правовому воздействию с помощью исключительных правовых средств на общественные отношения в экстремальных условиях в целях обеспечения безопасности и восстановления порядка и организованности в общественной жизни, при котором ограничивается или отменяется действие общих правовых принципов и

норм»¹⁶⁴. То есть это всегда некий период действия, обусловленный экстремальными условиями (всегда существующими только в определённый временной отрезок), при наличии которых традиционные средства теряют свою эффективность.

Одним из наиболее ярких precedентов, вторгающихся в том числе и в сферу уголовно-правового регулирования, выступает принятый в США нормативный правовой акт – *Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act*, – вступивший в силу в 2001 г., широко известный как USA PATRIOT Act – документ, призванный сплотить, укрепить и наделить США юридическими инструментами перед лицом террористической угрозы. Документ, существенно расширивший полномочия специальных служб и ограничивший гражданские права и свободы. В частности, он дал право прослушивать телефонные переговоры, следить за электронной перепиской, требовать у библиотек и книжных магазинов данные о заказанных или купленных посетителями книгах. Кроме того, была введена уголовная ответственность за укрывательство террористов. Фактически такой же акт был принят в 2015 г. во Франции. Его появление также напрямую связывается с террористическими актами, случившимися в начале этого же года в центре Парижа¹⁶⁵. В некоторой степени, пишет М.В. Бавсун, к такой мере можно отнести и ст. 7 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35 «О противодействии терроризму», позволяющую Вооруженным силам Российской Федерации уничтожать любые воздушные суда, «если имеется достоверная информация о возможном использовании воздушного судна для совершения террористического акта или о захвате воздушного судна и при этом были исчерпаны все обусловленные сложившимися обстоятельствами

---

¹⁶⁴ Шмидт Т. Н. Чрезвычайное правовое регулирование: общетеоретическое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Шмидт Татьяна Николаевна. – Челябинск, 2014. – С. 8.

¹⁶⁵ См.: Прокофьев В. Французский парламент расширил полномочия спецслужб [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2015. – 6 мая. – URL: <http://www.rg.ru/2015/05/06/france-site.html> (дата обращения: 15.01.2023).

меры, необходимые для его посадки, и существует реальная опасность гибели людей либо наступления экологической катастрофы»¹⁶⁶.

Все эти документы, что крайне важно, вторгаются в сферу уголовно-правового регулирования, по большому счету уже фактически определив сферу действия чрезвычайного уголовного права. Сфера эта, во всех перечисленных случаях, напрямую направлена на усиление охраны интересов государства. И несмотря на безусловное увеличение ограничения прав и законных интересов личности, предпринимаемые меры в целом соответствуют степени жесткости тех попыток расшатывания установленного порядка, которые осуществляются в нынешнем столетии. В этом отношении появление дополнительных мер иного воздействия на виновных в совершении посягательств против интересов Российской Федерации, полностью вписываются в ту концепцию, которую сегодня демонстрируют законодатели различных государств, включая и российского законодателя. Отчасти это коррелирует с озвученной в теории уголовного права идеей относительно назревшей потребности в формировании так называемого военного уголовного права, которое бы действовало в условиях военного времени¹⁶⁷. Конечно, в данном случае можно говорить лишь о некотором совпадении общего помысла, направленного на усиление охраны государства мерами, чрезвычайного характера, и достаточно серьезном расхождении в многочисленных деталях.

Тем не менее, факт наличия особой потребности, в разработке особых мер защиты, сегодня обсуждаем достаточно активно. Вопрос лишь в той модели, которая при этом должна оказаться наиболее эффективной в сложившихся условиях, когда защита интересов государства уже не может осуществляться набором прежних мер. И здесь, вполне возможна ситуация,

---

¹⁶⁶ Бавсун М.В. «Чрезвычайное» правовое регулирование как новая модель управления общественными отношениями // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1. С. 13.

¹⁶⁷ См. об этом более подробно, например: Бодаевский В.П. Формирование уголовного права военного времени // Труды Института государства и права РАН. 2022. Том 17. № 2. С. 128-154.

когда весь комплекс предполагаемых средств такой защиты будет задействован лишь на определенный (возможно переходный или иной другой) период времени. Либо речь может идти об изменении объема воздействия одних и те же средств (существующих на постоянной основе), но в зависимости от меняющейся геополитической, внутривластной обстановки и социальной активности населения, приобрета, таким образом, статус исключительных. В любом случае с уверенностью можно вести речь о перечисленных выше факторах, как об обязательных условиях не только появления мер подобного рода, но и их применения или неприменения (или изменения их объема) в зависимости ситуации, складывающейся в обществе на определенный отрезок времени.

Таким образом, подводя общий итог данной части исследования можно сформулировать вывод, согласно которому обязательными условиями практического применения иных мер уголовно-правового характера в отношении лиц, признанных виновными в совершении преступлений, посягающих на интересы Российской Федерации, являются:

- установленный факт совершения преступления против интересов Российской Федерации (то есть преступления против государства в широком смысле понимания данного слова);
- категория совершенного преступления против интересов Российской Федерации в зависимости от вида конкретной меры уголовно-правового характера (в зависимости от вводимой в УК РФ меры эта категория может меняться);
- применение мер иного характера, специально предусмотренных для противодействия преступлениям подобного рода как исключительных средств уголовно-правового характера, направленных на охрану интересов государства и государственной власти.

Как и любое другое условие в любом другом явлении, в рассматриваемом случае предложенные нами аспекты должны иметь обязательный характер, будучи изложенными в конкретных законодательных

предписаниях. Их перечень способен меняться в зависимости от трансформации общественных отношений, политической воли, а также иных объективных обстоятельств, требующих соответствия уголовно-правовых норм происходящим событиям. Здесь лишь необходимо указать на примерный характер такого перечня условий, как на некую модель, совершенно необходимую для последующей реализации новых мер иного воздействия, направленных на противодействие преступлениям, посягающим на интересы Российской Федерации.

§ 2. Основания применения иных мер уголовно-правового характера, направленных на ограничение прав лиц, совершающих преступления против интересов Российской Федерации

Применение любой меры уголовно-правового характера, помимо обязательных условий ее реализации, требует соответствующих оснований, наличие которых позволяет делать вывод об обоснованности ее использования правоприменителем в каждом конкретном случае. Необходимость их существования подтверждается как самим Уголовным кодексом и его отдельными нормами, так и той практикой, которая сегодня складывается в части их использования правоприменителем. Речь идет, например, о таких статьях уголовного закона, как ст. ст. 75, 76, 76¹, 76², 73, 79, 80-82 УК РФ и некоторых других законодательных конструкциях, применение которых возможно в случае наличия достаточных для этого и прямо указанных в самой норме, оснований¹⁶⁸.

В частности, речь идет о таких действиях, лица, совершившего преступление, как: добровольная явка с повинной, возмещение ущерба, иное заглаживание причиненного вреда, активное содействие раскрытию и расследованию преступлений, примирение с потерпевшим, изъявление добровольного желания пройти курс лечения от наркомании и др. Все они,

---

¹⁶⁸ Речь, как раз, идет об иных мерах, в частности, принудительных мерах воспитательного воздействия, применяемых к несовершеннолетним – ст. 90 УК РФ, как, впрочем, и не только о них.

как в своей совокупности, так и по отдельности¹⁶⁹, выступают в качестве обоснования, тех решений, которые может принимать правоприменитель в каждом конкретном случае. Следует отметить, что отдельное внимание данному вопросу (применительно к ст. ст. 75-78 УК РФ) уделяется и на уровне постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Так, в п. 4 постановления ПВС РФ № 19 от 27.06.2013 г. «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», раскрывается сущность такого явления, как основания применения средств освобождения от уголовной ответственности¹⁷⁰. Аналогичного рода разъяснения содержатся и в части определения того, что следует понимать под основаниями применения условного осуждения¹⁷¹ и условно-досрочного освобождения от наказания¹⁷², а также некоторых других оснований освобождения от наказания либо применения иных мер уголовно-правового характера¹⁷³. Что характерно, практически все из перечисленных выше оснований являются действиями, причем имеющими постпреступный и, как правило, позитивный характер. Последний тезис вполне объясним, с учетом того, что речь идет во

---

¹⁶⁹ См.: Бавсун М.В., Вишнякова Н.В., Карпов К.Н., Николаев К.Д. Конспект лекций по уголовному праву России. Общая часть. Омск, 2017. С. 132.

¹⁷⁰ См.: *Постановление* Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) "О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности" // URL.:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148355/ (дата обращения: 25 июня 2023 г.).

¹⁷¹ См.: *Постановление* Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами уголовного наказания» // URL.:<https://rg.ru/documents/2015/12/29/ugolov-dok.html> (дата обращения: 25 июня 2023 г.).

¹⁷² См.: *Постановление* Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания и более мягким видом наказания» // URL.:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87192/ (дата обращения: 25 июня 2023 г.).

¹⁷³ См., например: *Постановление* Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01 февраля 2011 г. № 1 «Применение законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // URL.:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110315/ (дата обращения: 22 августа 2023 г.).

всех случаях либо об отказе (включая и частичном) от репрессии или о ее смягчении (условном применении или отсрочке).

Вполне естественным, в связи с этим выглядит вывод, согласно которому при решении вопроса не отказа, а наоборот – возложения (применения) мер воздействия, даже и иного характера, в качестве оснований предположительно могут выступать также действия (или бездействие) имеющие, в том числе, и отрицательную окраску, характеризующую виновного. Как-то – *открытая демонстрация непримиримости к существующей власти и идеологии (в том числе, посредством открытых высказываний о свержении государственной власти); отсутствие желания сотрудничества с судом и следствием, в том числе, в целях выявления агентов иностранной разведки и агентов влияния, соответственно, влекущие за собой неспособность государством достигать целей наказания исключительно репрессией и ее разновидностями (включая и ее неадекватно высокий уровень), а также отсутствие возможности предупреждения совершения лицом новых преступлений данной направленности без применения к нему мер иного характера помимо наказания.*

В свою очередь, отсутствие возможности предупреждения совершения новых преступлений без применения мер иного характера во многом определяется именно посредством оценки оснований реализации мер подобного свойства, но с учетом анализа всех фактических обстоятельств каждого конкретного случая. Что интересно, если в приведенных выше примерах речь идет о так называемых, позитивных основаниях совершения того или иного действия правоприменителя, то в нашем случае говорить необходимо об исключительно отрицательных основаниях, что во многом, определяется статусом самого юридического факта, а именно, применением (как раз реализацией), а не освобождением от уголовной ответственности или наказания. При этом открытая демонстрация непримиримости к существующей власти и идеологии (в том числе, посредством открытых высказываний о свержении государственной власти), а также отсутствие

желания сотрудничества с судом и следствием, в том числе, в целях выявления агентов иностранной разведки и агентов влияния, выступают в качестве тех оснований, которые могут оказывать прямое и непосредственное влияние на принятие тем или иным должностным лицом конкретного решения в отдельно взятом случае. То есть они напрямую должны указываться в тексте нормы, посредством которой будет регламентироваться то или иное средство воздействия на лицо, совершившее преступление против интересов Российской Федерации.

При этом неспособность государством достигать целей наказания исключительно репрессией и ее разновидностями (включая и ее неадекватно высокий уровень), а также отсутствие возможности предупреждения совершения лицом новых преступлений данной направленности без применения к нему мер иного характера, выступают в качестве прямых последствий, указанных выше отрицательных оснований (а, по сути, характеристик личности виновного), необходимых для применения мер иного характера в отношении тех, кто совершил преступления против интересов Российской Федерации. И те и другие, безусловно, имеют большое значение для самого явления – иные меры уголовно-правового характера, применяемые за отдельные группы преступных посягательств. Явления, относительно нового для отечественного уголовного законодательства, а соответственно, и слабо изученного в российской уголовно-правовой доктрине. В то же время, изначально необходимо понимать, что при неразрывной связи друг с другом, одни выступают в качестве оснований, другие, в качестве последствий этих оснований, требуя, соответственно и различного подхода к теоретическому осмыслению и обоснованию. Указание в законе на конкретные основания, и их неукоснительное применение на практике, абсолютно необходимо для достижения результата в виде предупреждения совершения новых преступлений именно данной группы. По большому счету наличие таких оснований применительно к исследуемой нами группе мер иного воздействия за преступления против интересов

Российской Федерации, выступает в качестве сущности самого явления, позволяя определить его правовую природу¹⁷⁴.

Переходя к рассмотрению каждой из них, важно обратить особое внимание на необходимость их именно научного обоснования, как неизбежной предпосылке последующего совершенствования уголовного закона в данной части. Следует отметить, что появление в тексте уголовного закона такой категории, как: открытая демонстрация непримиримости к существующей власти и идеологии (в том числе, посредством публичных высказываний о свержении государственной власти), уже само по себе несет на себе элемент новизны, безусловно, требующей первоначального теоретического обоснования, а уже затем его трансляции на законодательный уровень¹⁷⁵. Для действующего УК РФ, который совершенно неожиданно оказался не готовым к резко поменявшейся реальности в связи с проведением специальной военной операции на Украине, повлекшей в свою очередь, изменения геополитического масштаба, предлагаемая категория относится к числу принципиально новых явлений. Уголовный закон еще никогда не оказывался в роли защитника интересов государства на таком уровне, когда само несогласие с его политикой, способно выступать в качестве одного из объективных оснований для применения репрессии или ее альтернативы в виде мер иного характера.

Между тем факт постановки вопроса относительно необходимости теоретической разработки оснований применения такого явления, как иные меры уголовно-правового характера применительно к отдельно взятой группе преступных посягательств, в том числе и воздействующих на

---

¹⁷⁴ См. об этом, например: *Сундуров Ф.Р., Боковня А.Ю.* Природа и признаки мер уголовно-правового характера // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 1. С. 108-110; или: *Сундуров Ф.Р.* Природа и проблемы систематизации мер в уголовном праве // Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки. 2018. Том 160. Кн. 2. С. 499-500; и др.

¹⁷⁵ О сложности определения правовой природы мер иного характера в уголовном праве и первоочередности данной задачи, см., например: *Лапшин В.Ф.* Природа иных мер уголовно-правового характера и конфискации имущества // Пенитенциарная наука. 2008. № 1. С. 74-75.

интересы государства, видится неизбежным. Основания применения, по своей сути, выступают и в роли оснований появления в УК РФ таких мер, а также их видового разнообразия, в зависимости от степени функциональности каждой меры, которая также во многом будет определяться посредством включения в текст конкретных норм, регламентирующих средства иного воздействия, конкретных оснований их применения¹⁷⁶. В этом отношении основания, в том числе и «открытая демонстрация непримиримости к существующей власти и идеологии (в том числе, посредством публичных высказываний о свержении государственной власти)», представляют собой ни что иное как сущность рассматриваемого явления, определяя таким образом его правовую природу и статус. Важно при этом понимать, что именно данное основание как выделения, так и применения иного воздействия, должно указывать с одной стороны на жесткость позиции государства по данному вопросу, а с другой, свидетельствует о возможности их реализации исключительно при возникновении данных обстоятельств. Таким образом, помимо своей абсолютной новизны, указанный признак также отличается своей исключительностью, указывающей на особый характер, как совершаемых посягательств, так и тех мер, которые для их предупреждения могут применяться. Беспрецедентный характер таких мер, по нашему мнению, вполне объясним складывающейся ситуацией на международной арене, и теми средствами защиты, которыми приходится обзавестись нашему государству в последнее время. В данном случае, это одно из таких средств. Его подчиненность идее целесообразности не вызывает каких-либо сомнений. Это именно тот случай, когда данное начало оказывается доминирующим, отчасти подавляя законность, но в то же время выполняет,

---

¹⁷⁶ См.: Долгополов К.А., Магомедов Г.Б. Применение иных мер уголовно-правового характера: теоретические аспекты // Власть закона. 2017. № 1. С. 117-119.

безусловно, важную функцию, позволяя обеспечить безопасность государственного устройства, а соответственно, и свою идентичность¹⁷⁷.

Надо сказать, что современная правовая система все больше стала использовать ранее неведомые (либо, что-то из крайне редких аналогов в историческом срезе) ей механизмы воздействия, в том числе и уголовно-правового характера. Типичных тому примеров сегодня существует множество. К их числу с уверенностью можно отнести появление у военнослужащих возможности сбивать гражданские водные и воздушные суда в случае их захвата и направления на объекты атомной энергетики или объекты жизнеобеспечения (начиная с 2006 г.)¹⁷⁸; изъятие имущества у родственников лиц, совершивших акты терроризма и экстремизма (начиная с 2013 г.)¹⁷⁹; появление статуса и процедуры объявления лица иноагентом (начиная с 2022 г.)¹⁸⁰; массовые ограничения прав и свобод человека и гражданина (в том числе и конституционных) в рамках распространения COVID-19 (начиная с 2020 г.)¹⁸¹; как отдельный, но крайне значимый прецедент это прекращение уголовного дела при отсутствии каких-либо оснований, указанных в УПК РФ в отношении Е. Пригожина (2023 г.)¹⁸² и многие другие случаи, имеющие экстраординарный характер и, выступающие в качестве ответной и зачастую неизбежной реакции либо на

---

¹⁷⁷ См. об этом более подробно: *Бавсун М.В.* Целесообразность в уголовном праве. Омск, 2004. С. 63-65.

¹⁷⁸ *Федеральный закон № 35 от 6 марта 2006 г. «О противодействии терроризму»* // URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (дата обращения: 11.12.2023 г.).

¹⁷⁹ Там же (ч. 1.2 ст. 18).

¹⁸⁰ См.: *Федеральный закон № 255 от 14 июля 2022 г. «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием»* // URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421788/ (дата обращения: 15.12.2023 г.).

¹⁸¹ См. об этом более подробно, например: *Корниенко А.С., Самохвалов Н.А.* COVID-19: правовое регулирование всеобщей вакцинации // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* 2021. Т. 14. № 5. С. 148-166; *Казанцева Е.В.* Правовое регулирования ограничения свободы передвижения в период распространения COVID-19 // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки.* 2021. Т. 7. № 1. С. 211-217; и др.

¹⁸² ФСБ прекратила уголовное дело против Пригожина о мятеже // URL:<https://www.rbc.ru/politics/27/06/2023/649a98969a79475c879757ed> (дата обращения: 15 июля 2023 г.).

уже случившиеся или, даже только на потенциально возможные события экстремального характера для общества и государства¹⁸³. Применение как по ходу течения самого события, так и заблаговременно принципиально новых средств реагирования уже давно стало нормой, а так называемое чрезвычайное законодательство, превратилось в одно из направлений правового регулирования.

В этом свете предлагаемое нами основание применения иных мер принуждения в отношении тех, кто совершил преступления против интересов Российской Федерации не выглядит чем-то особенным, выбивающимся из общей концепции противодействия преступности на современном этапе, когда жесткость и непримиримость к лицам совершившим наиболее опасные преступления становятся не просто нормой, а неотъемлемым условием эффективности реализуемых средств. Причем речь идет о временном промежутке, в рамках которого произошел, так называемый старт появления в российском уголовном законодательстве (и иных Федеральных законах¹⁸⁴, и даже в нормативных документах по своему правовому статусу, находящихся ниже¹⁸⁵) мер подобного рода примерно в течении 20-25 последних лет, и что самое главное, относящегося не только к российскому обществу и государству, а в целом ко всему геополитическому пространству, где аналогичные трансформации происходят повсеместно, получив старт примерно в одно и тоже время. Более того, уже сейчас необходимо ставить вопрос об уже упущенном, по нашему мнению, моменте

---

¹⁸³ См.: Бавсун М.В. «Событие» как эффективное средство деконструкции правового регулирования общественных отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 1. С. 10-16.

¹⁸⁴ Речь опять же идет о *Федеральном* законе № 35 от 6 марта 2006 г. «О противодействии терроризму» или о *Федеральном* законе № 273 от 25 декабря 2008 г. «О противодействии коррупции»; и некоторых других федеральных законах Российской Федерации, которые несмотря на свой статус, согласно ст. 1 УК РФ подлежат включению в уголовный закон в части касающейся.

¹⁸⁵ Речь, в частности, идет об ограничении прав человека на свободу передвижения в условиях борьбы с COVID-19. По сути, ограничение его свободы, которое может быть реализовано в рамках уголовного, уголовно-процессуального или административного законодательств, но никак не на основании писем, распоряжений и прочих указаний глав регионов.

появления предлагаемого нами основания для применения мер подобного рода, в отечественном уголовном законодательстве, так как, во-первых, трансформация общественных отношений в последние годы, указывает на необходимость принятия срочных и заблаговременных мер для защиты государства, а во-вторых, степень эффективности его реализации явно преобладает даже над эффективностью любого из видов наказаний. С учетом происходящих событий, сам факт его наличия в уголовном законе, как представляется, имеет большое, как превентивное, так и в чистом виде психологическое значение, причем не только для виновного, но и в целом для общественного сознания.

Безусловно, предложения подобного рода не могут обойтись без соответствующей экспертной оценки. Так, в ходе проведения в рамках настоящего исследования анкетирования сотрудников прокуратуры, им был задан вопрос: «Как Вы считаете, в современных условиях, в случае совершения лицом преступления, посягающего на интересы Российской Федерации, возможна ли их высылка из страны при условии их открытого выражения своего несогласия с существующей идеологией и политикой официальной власти»? «(а также иные меры воздействия, как-то: лишение в политических правах, ссылка или, например публичное признание существующей идеологии и политического строя)». Следует отметить, что мнение данной категории респондентов разделились практически пополам, с небольшим перевесом в сторону позитивного отношения к нашему предложению. Из 44 участников опроса 25 высказались за то, чтобы основанием для применения данной меры, направленной на ужесточения вариантов решения данной проблемы, должна стать жесткость позиции самого виновного относительно неприятия существующего порядка, и его способность этой позиции следовать.

Надо сказать, что ответ на данный вопрос во многом коррелирует с тем вопросом, который был задан этой же категории государственных служащих в рамках первой главы работы. Тогда, абсолютное большинство

специалистов пришли к выводу, что в современных условиях, государство должно быть защищено более эффективными средствами, чем те, которые существуют сейчас. В рамках ответа уже на данный вопрос, еще 19 прокурорских работников посчитали наше предложение излишне жестким (11 человек); тоталитарным (4 человека); невыполнимым из-за отсутствия механизма его реализации (4 человека).

Нельзя не отметить, что в определенном роде вторят им и судьи, анкетирование которых также не показало однозначных результатов. Так, 61,5% опрошенных отметили на «в целом перспективность выдвинутого в работе предложения», указав на высокую индивидуальность принимаемых в таких случаях решений, включая и их политическую (включая и внешнеполитическую) составляющую. В то же время, еще 36,2% респондентов, представленную идею не восприняли, высказавшись по ее поводу достаточно категорично, используя даже аргумент о возврате к послереволюционному советскому законодательству и доминированию начала целесообразности над идеей законности, что, по мнению специалистов совершенно недопустимо. Важно также, отметить, во многом вопрос, заданный судьям относительно исследуемого основания применения иных мер уголовно-правового характера в отношении лиц, совершивших преступления против интересов государства, соотносится с теми данными, которые были получены в ходе их анкетирования в рамках первой главы настоящей работы на предмет выяснения их мнения о целесообразности расширения самого перечня таких мер и выделения самостоятельной подгруппы в общей системе. В обоих случаях наблюдается разделение во мнениях с примерно идентичным соотношением по каждому из задаваемых вопросов¹⁸⁶.

---

¹⁸⁶ См. об этом более подробно: *Пирожников А.Н.* Основания применения иных мер уголовно-правового характера, направленных на ограничение прав лиц, совершающих преступления против интересов Российской Федерации // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2024. № 1.

В целом, проведенные опросы показали главное. Несмотря на имеющиеся противоречия и, зачастую полярность мнений по одному и тому же вопросу внутри каждой из категорий опрашиваемых, тем не менее, во-первых, большинство респондентов согласилось с представленной нами идеей, а во-вторых, наличие внутренних разногласий не указывает на ее слабость. Скорее, речь должна идти о спорности, а не о слабости, представленного подхода, защита которого должна получить, в первую очередь, научную составляющую. И, в-третьих, рассуждения респондентов относительно сути задаваемых им вопросов, имея, безусловно квалифицированное содержание, тем не менее, не всегда соответствуют масштабности тех угроз, которые в последние несколько лет стоят перед нашим обществом. Адекватность реакции на эти угрозы является залогом успеха, прежде всего, в стремлении сохранения самого государства, его целостности и идентичности. Отсюда и разработка такого основания для применения иных мер уголовно-правового характера в отношении лиц, совершивших преступления против интересов Российской Федерации, как непримиримость к существующей власти и идеологии, не выглядит чрезмерной, репрессивной или влекущей за собой возврат к тоталитарному обществу (или низвержение начала законности).

Надо сказать, что предложения подобного плана можно встретить в современной юридической литературе и даже на уровне диссертационных исследований монографического характера. Так, Е.С. Кетенчиева в своей работе предлагает в целях усиления борьбы с преступлениями в сфере незаконного оборота наркотических средств, совершаемых мигрантами, дополнить перечень федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных принимать решение о нежелательности пребывания (проживания). А также дополнить Постановление Правительства РФ от 23.08.2021 № 1390 «О порядке принятия решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации, а также приостановления действия и

отмены такого решения в отношении лица без гражданства, получившего временное удостоверение личности лица без гражданства в Российской Федерации, за исключением решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации, принятого в связи с наличием обстоятельств, создающих реальную угрозу здоровью населения¹⁸⁷.

Проведенный автором анализ применительно к посягательствам определенной группы и категорией лиц их, совершающих, пришел к вполне обоснованному выводу о необходимости ужесточения правил пребывания в стране иностранцев. Однако предпосылками такого вывода стало ни что иное, как преступная деятельность таких лиц и их стойкая антисоциальная направленность¹⁸⁸. По сути, то о чем идет речь в предлагаемом нами нововведении, но в отношении уже другой категории преступников, посягающих на другие ценности. В любом случае, идея ужесточения подхода к лицам, совершающим наиболее общественно опасные деяния, посредством ограничения возможности их пребывания на территории Российской Федерации, для современной юридической литературы в целом не является исключением. Полагаем, что применительно к предлагаемому нами основанию применения новых мер иного характера, представляемый в настоящей работе подход способен получить распространение на любую из разновидностей мер, целью которых будет являться охрана именно интересов Российской Федерации¹⁸⁹.

В качестве второго обязательного основания применения любой из иных мер уголовно-правового воздействия за преступления, совершаемых против интересов Российской Федерации, должно стать отсутствие

---

¹⁸⁷ См. более подробно: *Кетенчиева Е.С.* Преступность мигрантов в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (на примере г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области): автореферат дисс ... канд. юрид. наук. СПб., 2023. С. 8-9.

¹⁸⁸ Там же. С. 18.

¹⁸⁹ Речь, в данном случае, идет о формировании общего подхода, отображающего центральную идею применения иных мер уголовно-правового характера к тем, кто совершил преступления, против интересов Российской Федерации.

(демонстрация таковой) желания сотрудничества виновного с органами предварительного расследования и судом, в том числе, в целях выявления агентов иностранной разведки и агентов влияния. Отказ от чего-либо, как одно из проявлений преступного бездействия, для отечественного уголовного законодательства не представляет принципиально нового явления, которое хотя и редко, но тем не менее, напрямую используемое в его предписаниях. Косвенные признаки отсутствия требуемых действий, а в определенных случаях целенаправленного и систематического поведения со стороны виновного (обвиняемого, подсудимого и пр.), например, можно обнаружить в ст. 631 УК РФ. В ней, в частности, говорится о том, что «В случае если установлено, что лицом, заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве, были предоставлены ложные сведения или *сокрыты* – курсив мой А.Н., от следователя либо прокурора...». Факт сокрытия какой-либо информации важной для суда и следствия, то есть невыполнение заранее определенной части досудебного соглашения о сотрудничестве, в некоторой степени можно определить в качестве бездействия, как имеющего юридическое значение (по сути, юридического факта) поведения обвиняемого¹⁹⁰. Именно такое его поведение влечет за собой наступление последствий, указанных в отмеченной статье, а, соответственно, выступает в качестве одного из обязательных оснований для принятия решений следователем или судом. Таким образом, именно бездействие лица, неважно в каком виде или форме, выступает в качестве обязательного основания для дальнейших правомерных действий правоприменителя.

В некоторой степени об аналогах данного подхода можно вести речь и во всех случаях упоминания законодателем такого проявления бездействия, как – неисполнение, что обычно относится к возлагаемым на осужденное (или признанное виновным, например несовершеннолетний – ч. 4 ст. 90 УК

---

¹⁹⁰ См. об этом более подробно: *Бавсун М.В., Вишнякова Н.В., Салыкова А.К.* Назначение наказания при досудебном соглашении о сотрудничестве (соглашении о сотрудничестве) по уголовному законодательству Российской Федерации и Республики Казахстан. СПб., 2022. С. 201.

РФ) лицо судом обязанностей или неуплата штрафа, что, по сути, представляет ту же обязанность. В частности, ч. ч. 2, 3 ст. 73 УК РФ, п. «а» ч. 7 ст. 79 ч. 2 ст. 1044 УК РФ (невыполнение, злостное невыполнение, систематическое невыполнение обязанностей, неуплата штрафа). В особенности это относится к ч. 2 ст. 821 УК РФ, где категория – «отказ» упоминается напрямую. «В случае, если осужденный, признанный больным наркоманией, отбывание наказания которому отсрочено, отказался, – курсив мой А.Н., от прохождения курса лечения от наркомании, а также медицинской реабилитации либо социальной реабилитации...».

Приведенный примерный перечень уголовно-правовых норм, содержащих как косвенное, так и прямое подтверждение использования законодателем отказа виновного от совершения обязательных для него действий, как юридического факта, позволяющему правоприменителю реализовывать механизм государственного принуждения, указывает на наличие у законодателя относительно устоявшегося подхода. В этом отношении, предлагаемая нами категория, применительно к иным мерам уголовно-правового характера, применяемых в отношении лиц, совершивших преступления против интересов Российской Федерации, сама по себе (как категория) не является новой, хотя, безусловно, и не столь часто используемой в отечественном уголовном законе. Однако именно ее наличие в тексте УК РФ, уже накопленный опыт ее применения в практической деятельности правоприменительных органов, свидетельствует о возможности реализации использования аналогичного подхода и в нашем случае, его адаптации под конкретные меры и средства противодействия преступлениям определенной группы.

Что интересно, подобного же плана основание для реализации ответственности содержится и во многих нормах Особенной части УК РФ. Например, ст. 190 УК РФ «Невозвращение на территорию Российской Федерации культурных ценностей»; ч. 2 ст. 314 УК РФ «Невозвращение в исправительное учреждение...»; ст. 315 УК РФ «Неисполнение приговора

суда, решения суда или судебного акта»; ст. 332 УК РФ «Неисполнение приказа»; ст. 338 УК РФ «Дезертирство» в части уклонения от прохождения от военной службы; и в некоторых других предписаниях¹⁹¹. По сути, отказ как форма проявления бездействия для уголовного законодательства, в общем и целом, достаточно эффективно используемая категория. Более того, ее анализ также осуществляется в рамках уголовно-процессуальной доктрины и, даже законодательства. Особенно это касается вопросов отказа от дачи показаний (в том числе и на законодательном уровне, в частности, ст. 308 УПК РФ), от участия в проведении следственных действий и некоторых других аспектов, характерных для участников уголовного судопроизводства, на которых возлагаются некие обязанности¹⁹².

В русле существующего подхода законодателя к самому факту использования исследуемого основания, его применение при конструировании иных мер уголовно-правового характера, выглядит вполне логичным и обоснованным. На данный момент, по крайней мере, не требуется аргументации собственно законодательного приема, имеющего хотя до конца и не определенное, но тем не менее, стойкое выражение в уголовном законодательстве. Важным, в связи с этим представляется видение отказа от сотрудничества, в том числе, в целях выявления агентов иностранной разведки и агентов влияния, как нового проявления (разновидности) уже реализуемого в законе подхода к основаниям для начала

---

¹⁹¹ Как отмечает А.Г. Антонов, подобного плана основания, но уже при решении вопросов освобождения от уголовной ответственности, суть которых составлял именно отказ от выполнения чего-либо, активно использовались и советским законодателем. В частности, в ст. ст. 64, 174, 218 УК РСФСР и др. См.: *его*: Специальные основания освобождения от уголовной ответственности в российском уголовном праве. Новокузнецк, 2006. С. 7. Особое внимание при этом автор уделяет специальным основаниям освобождения от уголовной ответственности, когда отказ от продолжения преступной деятельности (отказ удерживать заложников, использовать оружие и т.д.) дает легитимность деятельности правоохранительных органов.

¹⁹² См. об этом, например: *Цховребова И.А.* Отказ от участия в следственном действии: конституционное право или неисполнение процессуальной обязанности // Труды академии управления МВД России. 2015. № 3. С. 23-27; *Чернышев Д.Б.* Злоупотребление свидетелем правом отказа от дачи показаний // Юридическая и правоохранительная практика. 2019. № 1. С. 151-154.

правомерной деятельности практических органов теперь уже в рамках института иных мер уголовно-правового характера, применяемых за посягательства на интересы Российской Федерации.

С позиции оценки уголовной ответственности как явления, которому виновный должен подчиниться, то есть являющейся его непосредственной обязанностью, а никак не правом, то сам факт отказа сотрудничества с правоохранительными органами и судом по вопросам безопасности государства эту обязанность устанавливающую, уже само по себе оказывается достаточным основанием для постановки вопроса о реализации репрессии и ее пределах. Совершенно справедливо, по нашему мнению, этот аспект уголовной ответственности был раскрыт еще более пятидесяти лет назад в многочисленных работах, посвященных данной проблематике. Так, С.Е. Вицин, отмечал, что уголовная ответственность – «...это возникшее на основании закона право управомоченных на то государственных органов от имени государственное принуждение в отношении лица, совершившего преступление, и соответствующая этому праву обязанность виновного в совершении преступления отвечать перед государством за совершенное преступление и нести по приговору суда уголовное наказание»¹⁹³. Вторит ему в этом отношении и А.И. Марцев, отмечающий императивный характер ответственности и наказания, наряду с прямой обязанностью виновного претерпевать все тяготы и лишения, ими установленные¹⁹⁴. Именно обязанность лица, была положена в основу сути уголовной ответственности и многими другими специалистами в уголовно-правовой сфере¹⁹⁵, что в целом дает нам сегодня все аргументы в пользу того, что нарушение этой

---

¹⁹³ Вицин С.Е. О понятии уголовной ответственности. Сб. статей адъюнктов и соискателей. М., 1968. С. 88.

¹⁹⁴ См. об этом более подробно: Марцев А.И. Уголовная ответственность как средство предупреждения преступлений. Омск, 1980. С. 12-14.

¹⁹⁵ См., например об этом: Шнейдер М.А. Учебно-методическое письмо по советскому уголовному праву для студентов ВЮЗИ. М., 1950. С. 37; Пионтковский А.А. О понятии уголовной ответственности // Советское государство и право. 1967. № 12. С. 40; Лейкина Н.С. Личность преступника и уголовная ответственность. Л., 1968. С. 26-27; и многие другие.

обязанности, куда, безусловно, входит и отказ от ее выполнения (возложенной по умолчанию), выступает в качестве достаточного основания для применения к виновному мер принуждения (статус этих мер и их объем зависит от позиции государства). И, даже сам факт того, что уголовная ответственность помимо обязанности включает в себя и права лица ее нарушившего, указывающих на возникающее при совершении преступления правоотношения¹⁹⁶, тем не менее, применительно к отказу нам необходимо рассуждать именно с позиции императива, который должен доминировать в рамках данного правоотношения. Особенно это важно с позиции степени его важности, приоритетности для общества и государства в современных условиях, когда либеральные направления в сфере уголовно-правового регулирования чреваты гораздо большими последствиями, чем рецидив в любом из его разновидностей.

Таким образом, необходимость сохранения государства, его целостности, идентичности, обеспечивающих и возможность обеспечить в дальнейшем самоидентификацию нации, вынуждают ставить вопрос относительно принятия мер экстраординарного характера. К таковым, безусловно, относится и предлагаемое нами основание для применения иных мер уголовно-правового характера к тем, кто совершил преступления против интересов Российской Федерации. Отказ от компромисса с государством, причем отказ по политическим мотивам, гражданином которого является виновный, исключает возможность их совместного сосуществования в дальнейшем. Собственно, именно данный аргумент и выступает в качестве основного при принятии решения о необходимости использования предложенного основания применения иных мер уголовно-правового характера за данную группу преступлений.

---

¹⁹⁶ Об уголовной ответственности, как о правоотношении см. более подробно, например: *Наташев А.С., Стручков Н.А.* Основы теории исправительно-трудового права. М., 1967. С. 9-10; *Божьев В.Н., Фролов Е.А.* Уголовно-правовые и процессуальные правоотношения // Советское государство и право. 1974. № 1. С. 89; и др.

Впрочем, жесткость предлагаемой нами позиции, во-первых, вполне объяснима, а, во-вторых, во-многом обусловлена целями и задачами, стоящими перед правоохранительной и судебной системами в их деятельности по противодействию преступности. Непримируемость преступника к существующей власти и идеологии, наряду с отсутствием желания сотрудничества, в том числе, в целях выявления агентов иностранной разведки и агентов влияния, с неизбежностью порождают ту самую жесткость подхода¹⁹⁷, которая может быть критикована как в уголовно-правовой доктрине, так и в целом на уровне гражданского общества, зачастую стоящего на умеренных или либеральных позициях¹⁹⁸.

В свою очередь, продиктованные цели и задачи противодействия преступности указывают на необходимость наличия в системе средств государственного принуждения, имеющих уголовно-правовое происхождение, мер, которые были бы применимы при отсутствии возможности достижения целей наказания исключительно репрессией (либо ее неадекватно высоким уровнем), а также реализация которых была бы эффективной в случае отсутствия возможности предупреждения совершения новых преступлений без применения иных способов принуждения виновных в совершении преступлений. В данном случае можно было бы вести речь о формировании настоящей системы иных мер уголовно-правового характера, реализация которых, в совокупности с наказанием, а также основываясь на

---

¹⁹⁷ См. об этом более подробно: *Бавсун М.В.* Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации: дисс... докт. юрид. наук. Омск, 2013. С. 12-14.

¹⁹⁸ Так, в ходе настоящего исследования был проведен опрос 250 граждан (2022-2023 гг.) на предмет их отношения к вопросу о возможности использования в уголовном законодательстве Российской Федерации, так называемых, политических мер воздействия, которые при этом не будут относиться к наказаниям, а соответственно, не относиться к репрессии. В качестве примера таких мер были указаны: лишения лица его политических прав и его высылка из страны с лишением гражданства. Мнения респондентов разделились, из общей массы опрошенных 244 человека посчитали, что меры подобного плана (не именно эти) вполне объяснимы в современной геополитической обстановке и неприкрытом желании объединенного Запада уничтожить наше государство. В то же время, еще 190 человек отнесли эти меры к жестко репрессивным, характеризующим тоталитарное государство. Оставшиеся 22 человека по заданным вопросам своего мнения не имеют, а высказанные отдельные комментарии не формируют сколь-нибудь значимой репрезентативной точки зрения.

принципах взаимозаменяемости и взаимодополняемости, которая была бы быть способной оказывать специально-превентивное воздействие на требуемом для государства уровне¹⁹⁹.

Говоря об обоих основаниях применения иных мер уголовно-правового характера за исследуемые группы посягательств, необходимо ставить вопрос о наличии начала, которое объединяет их воедино. Полагаем, что речь в данном случае идет в целом о политическом основании применения мер подобного плана. Применительно к институту освобождения от уголовной ответственности Н.В. Григорьев и Р.А. Сабитов, рассуждая относительно *социальных* оснований их применения, указывают на причины и мотивы государства принятия именно такого, а не иного другого решения²⁰⁰. Видимо аналогичным образом ситуация выглядит и в нашем случае, когда мы ставим вопрос о политических основаниях применения особых иных мер уголовно-правового характера к лицам, виновным в совершении преступлений против интересов Российской Федерации. И причины и мотивы реализации мер подобного рода имеют исключительно политическую подоплеку, которая имеет право на свое существование наряду с любыми другими факторами обуславливающими появление (как и их обоснование) и применение любых других мер уголовно-правового воздействия²⁰¹.

При этом, что касается мотивов формирования такой позиции государства по рассматриваемому вопросу, то они помимо своего политического окраса, также имеют и иные, но весьма характерные оттенки.

---

¹⁹⁹ См. об этом более подробно: *Карпов К.Н.* Указ. соч. С. 111; или: *Бавсун М.В.* проблемы систематизации уголовно-правового воздействия на современном этапе // *Право. Законодательство. Личность.* 2015. № 1. С. 61-66.

²⁰⁰ См.: *Григорьев Н.В., Сабитов Р.А.* Освобождение от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ. Хабаровск, 1993. С. 17-18.

²⁰¹ Важно, что именно политического рода причины лежали в основе трансформации уголовно-правового регулирования данного вопроса и в исторической ретроспективе. Так, специальные исследования доказывают, пишет И.С. Ильин, что «...первой и едва ли не естественной реакцией советского государства на протестные настроения и действия (относящиеся к посягательствам на интересы государства – разрядка моя – А.Н.) была уголовная репрессия». См. *его*: Политика реагирования на протестные движения как основа предупреждения демонстративно-протестных преступлений // *Всероссийский криминологический журнал.* 2022. Т. 16. № 3. С. 321.

Во-первых, это обеспечение мощного специально-предупредительного эффекта от принимаемых мер, исключающих малейшую возможность повторения деяний подобного рода в дальнейшем. «Суть специального предупреждения, – пишет А. И. Марцев, – состоит в том, чтобы не допустить совершения нового преступления (или новых преступлений) со стороны лица, привлеченного к уголовной ответственности»²⁰². Когда мы говорим о специальном предупреждении преступлений, мы всегда имеем в наличии конкретное лицо, уже совершившее преступление²⁰³, «что обуславливает и некоторую индивидуальность подхода при выборе средств воздействия на него»²⁰⁴.

За счет исключения физического лица из политической жизни, лишения его для этого специфических прав и свобод, реализации необходимого при этом социального контроля и т.д., формируются важные предпосылки для его правомерного (хотя и под принуждением) поведения в дальнейшем. Это, кстати, в том числе дает надежду на трансформацию сознания лица в целом, на изменение его ценностных установок и ориентиров. Дело в том, что от общественно опасной девиации к правомерному поведению путь далеко не всегда лежит через наказание, особенно, когда речь идет о столь специфической группе преступлений, как посягательства на интересы государственного устройства.

Во-вторых, речь необходимо вести о стремлении государства оказать психологическое воздействие на общество в целом (соответственно, решив задачу общепреventивного свойства)²⁰⁵. Определяя иные меры уголовно-правового характера в качестве центрального способа принуждения, власть тем самым, демонстрирует с одной стороны лояльность к виновным (за счет игнорирования или минимизации репрессии), а с другой, выдерживает достаточно высокий уровень принуждения, не связанного с карой. Оценка

---

²⁰² *Марцев А. И.* Специальное предупреждение преступлений. Томск, 1977. С. 6.

²⁰³ Там же.

²⁰⁴ *Бавсун М.В.* Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации: дисс... докт. юрид. наук. Омск, 2013. С. 191.

²⁰⁵ См.: *Марцев А. И.* Избранные труды. Омск, 2005. С. 43.

обществом подобного подхода вполне очевидна, указывая на его способность увидеть стремление власти именно решить проблему, а не свести все к наказанию, являющееся в таких случаях достаточно репрессивным. По большому счету здесь даже в некоторой степени необходимо говорить о некоем компромиссе, между государством, обществом и самим виновным. Таким образом происходит демонстрация того, что кара это не самоцель для официальной власти, а компромисс, несмотря на свою относительную жесткость, призван снять как уже существующее напряжение непосредственно с самим виновным, так и его потенциальные формы проявления в обществе.

В-третьих, оказание психологического эффекта на оппонентов из числа мирового сообщества. Их понимание последствий принимаемых мер, а также причин такой позиции государства, должно быть безусловным, категоричным и не подлежащим обсуждению (в рамках того самого мирового сообщества), хотя, конечно же, и отторгаемым. Демонстрация важности охраны государства, его целостности и незыблемости, наряду с незыблемостью системы базовых ценностей, выступает в качестве основы его позиции, намеренно оголяя истинные мотивы принятия мер подобного рода. Внешнеполитический подтекст мер подобного рода является обязательной предпосылкой их включения в Уголовный кодекс Российской Федерации, А вот как раз, аполитичный характер государственного принуждения делает его не просто бесполезным, а именно вредным, демонстрируя общее бессилие государства бороться с внутренними и внешними врагами и им сочувствующими²⁰⁶. Совершенно прав И.С. Ильин, отмечающий, что «...ведущую, стратегическую роль играют обстоятельства политического и идеологического порядка, формирующие целевые установки государства не столько по отношению к криминальным действиям, выражающим протест, сколько по отношению к самой идее

---

²⁰⁶ См. об этом более подробно: *Похмелкин А.В., Похмелкин В.В. Идеология и уголовная политика. М., 1992. С. 18.*

протеста и несогласия с реализуемой в стране государственной политикой»²⁰⁷.

В-четвертых, стремление государства сэкономить уголовную репрессию и минимально возможными средствами добиться результата в противодействии посягательствам на его жизненно важные интересы. И экономия и особенно эффективность средств воздействия выступают в качестве одних из основных критериев как разработки, так и последующей реализации мер иного характера в ходе защиты интересов государства и его целостности. То есть, по своей сути, речь должна идти об отсутствии возможности предупреждения совершения новых преступлений без применения именно мер иного, некарательного характера, возможно в совокупности с наказанием, либо вообще со средствами не уголовно-правового происхождения. В частности, административно-правовыми, гражданско-правовыми, мерами чрезвычайного свойства, действующими в определенный период, имеющие срочный характер и применяемые только при стечении определенных обстоятельств.

Таким образом, мотивы формирования отдельных оснований у государства достаточно многообразны, тем не менее, в общем и целом, сводясь к политическим причинам, требующим и соответствующий уровень, публичности, демонстрации, а также жесткости принимаемых и в последующем используемых мер. Обычно данный подход реализуем применительно к наказанию, как к одной из форм реализации уголовной ответственности²⁰⁸. Традиционно считается, что наказание, как основное средство принуждения лиц, признанных виновными в совершении преступлений, выступает в качестве основного способа выражения воли государства и его позиции относительно как совершаемых деяний, так и конкретных (или групп) лиц, которые выступают в роли их исполнителей.

---

²⁰⁷ Ильин И.С. Политика реагирования на протестные движения как основа предупреждения демонстративно-протестных преступлений // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16. № 3. С. 321.

²⁰⁸ См.: например: *Фефелов П.А.* Механизм уголовно-правовой охраны. Основные методологические проблемы. М., 1992. С. 194-197.

Полагаем, что сформировавшийся и уже давно укрепившийся подход в отечественной уголовно-правовой доктрине верен лишь отчасти. И дело здесь даже не в том, что в данном случае традиционно мало уделяется внимания мерам иного характера, о чем было сказано нами уже неоднократно, а в отсутствии должной акцентуации на основаниях их применения. Именно их игнорирование, по большому счету, и приводит к вторичности их восприятия на всех уровнях (включая и доктринальный), заведомо делая их слабыми и отчасти бесполезными в специально-предупредительном воздействии на личность виновного.

В свою очередь, должный подход к формулированию именно оснований применения мер иного характера, наполнение этих оснований соответствующим смыслом, способно привести к требуемому результату. Осознание причин совершения преступления, а в нашем случае они очевидны, так как направлены на причинение вреда интересам Российской Федерации, формируют важные предпосылки и для разработки комплекса мер, необходимых для эффективного противодействия. Достижение требуемого результата обеспечивается за счет четкого понимания того, на что конкретно должно происходить воздействие в ходе применения для этого специально созданных мер. Следовательно, причины разработки мер, так называемого направленного действия, а также основания их применения, абсолютно точно коррелируют с причинами совершения самого преступления. Иначе, видимо и не может быть, если мы вообще ставим вопрос об эффективности любых средств принуждения²⁰⁹.

Выделенные нами в этой связи основания применения мер иного характера максимально соответствуют как причинам, которые должны быть положены в их разработку, а затем и последующее применение, так и тем мотивам, которые характерны для власти в стремлении оградить себя от посягательств на легитимность существования. И непримиримость к

---

²⁰⁹ См.: *Лунеев В.В.* Курс мировой и российской криминологии. Общая часть. Т. 1. М., 2015. С. 490-491.

существующей власти и идеологии, и отсутствие желания сотрудничества, в том числе, в целях выявления агентов иностранной разведки и агентов влияния, не просто максимально политизированы, придавая соответствующий статус любым мерам воздействия, но они отражают саму суть желаний государства, четко обозначающего, тех кто подлежит максимально жесткому принуждению. И речь, при оценке данных оснований, идет не просто о тех, кто совершил преступления определенной группы, а о тех, кто именно отказался сотрудничать со своим же государством, продолжая, таким образом, причинять ему дальнейший (и, видимо, существенный) вред. За счет этого происходит отсечение, так называемых – «случайных» или ситуативных преступников, которые и в данном конкретном случае не являются исключением (скорее наоборот)²¹⁰, от имеющих действительно умысел на причинение серьезного вреда

---

²¹⁰ Современные технологии «зомбирования» на примере той же Украины, да и нашего общества также (события на болотной 2012 г. или деятельность Навального 2020 г. и другие годы, или события в Республике Беларусь в 2020 г. и т.д.) показали высочайшую эффективность воздействия новых средств на психику как отдельного человека, так и целых масс. Возбуждение у человека недовольства к своему государству и своему положению в нем, одна из простейших задач, стоящих перед врагами этого государства. Низменные качества личности (зависть, жадность, невостробованность, завышенные амбиции и др.), наряду с ощущением безнаказанности оказывают необратимое влияние на психологию человека, а соответственно, и его поведение. Однако надо понимать, что среди толпы истинно осознающих свое поведение не так много (организаторы и подстрекатели, и то не всегда), а психология масс способна творить по истине чудеса в умелых руках манипуляторов.

См. об этом, например: *Бавсун М.В.* Влияние признака публичности на криминализацию деяний и дифференциацию уголовной ответственности // *Демидовский юридический журнал.* 2023. Т. 13. № 3. С. 426-433; или: *Федотова В. Г.* Апатия на Западе и России // *Вопросы философии.* 2005. № 3. С. 27. См. об этом также: *Маркузе Г.* Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М., 1994. С. 188.

Роль конкретной жизненной ситуации в конечном итоге зачастую оказывает на субъекта решающее воздействие, что в целом не позволяет нам вести речь о реализации в отношении них наибольшего объема репрессии, включая и те основания, о которых ведется речь в данной части исследования. О влиянии конкретной жизненной ситуации на преступный выбор личности см. более подробно: *Кудрявцев В.Н.* Причинность в криминологии. О структуре индивидуального преступного поведения. М., 1968. С. 38-41; В связи с этим, о прогнозировании индивидуального преступного поведения уже в современной юридической литературе особо необходимо выделить следующую работу: *Андреанов В.К., Пудовочкин Ю.Е., Толкаченко А.А.* Институт освобождения от наказания в аспекте прогнозирования и рискологии // *Всероссийский криминологический журнал.* 2022. Т. 16. № 3. С. 330.

существующим общественным отношениям, оставаясь при этом максимально непримиримыми врагами действующей власти.

Надо сказать, что криминологическое обоснование конкретных оснований применения исследуемых нами мер уголовно-правового характера имеет существенное значение как для их включения в уголовный закон, так и для формирования практики их использования правоохранительными органами, а также судами. Вместе с тем, нельзя не отметить, что политический подтекст данного вопроса, оказывает такое же доминирующее воздействие и на его криминологическую составляющую, в конечном итоге не менее политизированную (что вовсе неплохо) как и все другие аспекты поднимаемой нами проблемы. Отсюда, собственно, возникает и общепревентивный эффект, не просто от самих мер, но от оснований их применения, которые оголяют сущность явления, демонстрируют его цели и задачи, приоритет которых должен быть очевиден не только виновному лицу, а всему обществу, влияя на общественное сознание в целом²¹¹.

В этом отношении именно основания применения мер иного характера должны получить не только наиболее точную формулировку, а ту, которая максимально детально отображает и причины и мотивы государства, побудившие его включить в текст уголовного закона именно их. Полагаем, что предложенные нами основания в виде непримиримости к существующей власти и идеологии и отсутствию желания сотрудничества, в том числе, в целях выявления агентов иностранной разведки и агентов влияния, во-первых, напрямую связаны с отсутствием возможности предупреждения совершения новых преступлений без применения мер иного характера, а во-вторых, указывают на отсутствие возможности предупреждения совершения новых преступлений без применения мер иного характера, не имеющих отношения к репрессии. В силу этого, полагаем также крайне важным, что в случае применения данных оснований реализации мер иного характера,

---

²¹¹ *Общее предупреждение преступлений (проблемы и перспективы) / под ред. А.И. Марцева. Омск, 1993. С. 197-199; или: Бавсун М.В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации. Омск, 2014. С. 149-151; и др.*

можно будет говорить о точечном подходе государства к выбору средств противодействия преступности, когда вновь вводимые и используемые средства имеют строго индивидуальную направленность. В свою очередь, именно основания их применения являются способными такую точечность обеспечить, столь необходимую на современном уровне уголовно-правового регулирования общественных отношений. Только в этом случае мы сможем с полной уверенностью рассуждать и об учете индивидуальных особенностей личности преступника, что повлечет за собой достижение максимального результата по итогам применения мер государственного принуждения. В итоге будет обеспечена столь важная криминологическая составляющая (в части обоснования) включения в Уголовный кодекс Российской Федерации принципиально новых для него оснований, в данном случае оснований иных мер уголовно-правового характера.

Все это в своей совокупности позволяет сделать вывод, согласно которому в качестве непосредственных оснований применения иных мер уголовно-правового характера за преступления, посягающие на интересы Российской Федерации должны выступать, во-первых, непримиримость виновного лица к существующей политической власти и официальной идеологии; а во-вторых, отсутствие у него желания сотрудничества с правоохранительными органами, а также судом, в том числе (как форма преступного бездействия), в целях выявления агентов иностранной разведки и агентов влияния (конкретизированное бездействие в части нежелания сотрудничества с государственными органами). Отсюда, личность виновного в совершении преступлений данной группы, а также его постпреступное поведение, должны выступать в качестве тех оснований, которые необходимо предоставить в качестве опоры для правоприменительных органов, которым применять новые меры иного уголовно-правового характера в своей деятельности.

Полагаем, что использование столь жестких оснований в рамках института иного воздействия в уголовном праве, можно объяснить

отсутствием реальной возможности достижения целей именно наказания исключительно репрессией (в том числе и в связи с ее неадекватно высоким уровнем), а также отсутствием возможности предупреждения совершения новых преступлений, как раз репрессией, не способной в данном случае ни с политической, ни с правовой точек зрения снимать то напряжение в обществе, которое продиктовано фактами совершения преступлений данной группы. Речь идет о тех случаях, когда без применения мер иного характера, несмотря на жесткость и бескомпромиссность оснований их реализации, добиться желанного эффекта от механизма государственного принуждения в современных условиях становится практически невозможно.

§ 3. Классификация иных мер уголовно-правового характера, направленных на ограничение прав лиц, совершающих преступления против интересов Российской Федерации

Основная проблема любой классификации заключается в поиске того критерия, который должен быть положен в ее основу. По сути, именно от его выбора напрямую зависит не просто деление исследуемого явления на те или иные группы, а позволяет сделать вывод о его структурных элементах, а также внутренних и логических взаимосвязях между ними, обеспечивая таким образом, возможность их более эффективного использования при непосредственном применении. Не являются в этом отношении исключением и иные меры уголовно-правового характера до сегодняшнего дня так и не получившие соответствующей как законодательной, так и доктринальной оценки в данной части. Тем более, крайне сложно пока что вести речь о вопросах классификации внутри уже выделенной группы (типа) мер подобного рода, особенно если учесть тот факт, что выделения таких групп также пока так и не состоялось ни на официальном, ни на теоретическом

уровнях²¹². Отсюда потребность в реализации именно научного подхода, как первоочередного способа преодоления накопившихся в данной части проблем, не вызывает никаких сомнений.

Между тем, полагаем, что речь необходимо вести и о более глубинных процессах в рамках всей проблематики классификации мер иного воздействия в уголовном праве. И в первую очередь, на это указывает давно возникшее состояние неопределенности в решении вопроса разделения на группы внутри всей массы мер иного характера. В этом отношении перспективность представляет разработка критериев необходимых для дальнейшей видовой дифференциации исследуемых мер. Прежде всего, это важно для формирования общего представления (его понимания) о явлении, без которого создание законодательного материала в последующем становится практически невозможным, либо его содержание окажется разрозненным и не структурированным, не достигая при этом тех целей и задач, которые перед ним ставятся изначально. Именно классификация, основанная на четких критериях, требуется и в нашем случае, позволив придать стройность вновь предлагаемому в настоящей работе явлению²¹³. Полагаем также, что речь должна идти о ее видовой направленности, позволяющей создать требуемую базу для группирования конкретных видов иных мер уголовно-правового характера за преступления против интересов Российской Федерации по отдельным признакам либо группам таких признаков. Более того, полагаем, что именно анализ философских, правовых, уголовно-правовых и иных основ данной проблемы, позволит в последующем подойти к решению многих базовых вопросов, относящихся к

---

²¹² Несмотря на достаточно многочисленные попытки решить данную задачу в современной теории уголовного права, тем не менее, следует признать их разрозненность и крайне высокий уровень дробности. О каком-то единстве речи пока что вести нельзя, не говоря уже о том, что законодатель к сегодняшнему дню не предпринимает и самих попыток разобраться в данном вопросе. См. об этом, например: *Карпов К.Н.* Указ. соч. С. 211-213; *Андрианов В.К., Лапшин В. Ф., Пудовочкин Ю. Е., Толкаченко А. А.* Указ. соч. С. 86-89; и мн. др.

²¹³ См. об этом, например: *Денисова А.В.* Системность российского уголовного права: проблемы философской и юридической интерпретации. Самара, 2014. С. 44-47.

иному, некарательному воздействию, существующему параллельно с наказанием в рамках уголовного права и законодательства.

Говоря о данном направлении классификации, но уже применительно к исследуемой нами группе иных мер уголовно-правового характера, важно отметить, что они также как и любая другая форма реализации уголовной ответственности, имеют свою собственную структуру, в основу которой должны быть положены их отдельные виды объединенные между собой по родовым признакам²¹⁴. Предыдущая часть настоящей работы позволила выявить необходимые для поиска требуемых закономерностей в ходе решения поднимаемого вопроса, критериев, способных в конечном итоге выстроить необходимую структуру самого явления. Сам факт уже определенной сущности этого явления крайне важен для установления его формы и содержания, в основу которых должны быть положены, в том числе и критерии его дифференциации по отдельным видам²¹⁵.

Следует отметить, что ранее нами была установлена достаточно стойкая направленность иных мер уголовно-правового характера, применяемых за преступления против интересов Российской Федерации. Во-первых, использование их потенциала должно происходить исключительно в случаях совершения преступлений определенного рода, во-вторых, целесообразность их применения как в дополнении к наказанию, так и самостоятельно, видится в случаях отказа виновного от сотрудничества²¹⁶ в части выявления иностранных агентов или агентов влияния (иноагентов), а также непримиримости в отношении существующей власти и транслируемой ей идеологией, в-третьих, все они в той или иной степени строятся на

---

²¹⁴ См. об этом, например: *Нечепуренко А.А.* Испытание в уголовном праве Российской Федерации: опыт комплексного исследования. Омск, 2008. С. 119-123.

²¹⁵ См.: *Марцев А.И.* Преступление: сущность и содержание. Омск, 1987. С. 50-52; *Кругликов Л.Л.* Средства дифференциации уголовной ответственности в Уголовном кодексе 1960 и 1996 годов // *Юридическая техника.* 2011. № 5. С. 273-275; *Михаль О.А.* Классификация преступлений: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Омск, 1999. С. 2; и др.

²¹⁶ «...то есть добровольно не выполнивших позитивные требования уголовно-правовых норм...». *Похмелкин В.В.* Социальная справедливость и уголовная ответственность. Красноярск, 1990. С. 63.

ограничениях и лишениях базовых конституционных прав и свобод человека. Перечисленное в своей совокупности позволяет говорить о наличии выявленных нами закономерностей в самом явлении и практики его применения, которые вполне способны повлечь за собой и классификацию составляющих его структуру элементов, то есть конкретных мер уголовно-правового воздействия.

Говоря о первой составляющей, а именно, той категории преступлений, за которые должны назначаться иные меры уголовно-правового характера, необходимо учитывать тот негативный потенциал данных деяний, который способен сказываться не на отдельно взятом индивиде или даже их группе, а в целом на общественном сознании, будучи способными иметь необратимый эффект. Неуправляемость и массовость воздействия, наряду с целенаправленностью и доступностью технологий совершения преступлений подобного рода указывают и на необходимость выбора соответствующих мер, в том числе, а может быть и в особенности, иного характера. Во многом это обусловлено их способностью повлиять именно на причину совершения таких посягательств, а не их следствие. С учетом обозначенных выше доступности современных технологий при наличии соответствующих материальных и организационных возможностей, и их целевой принадлежности, то очевидным является факт того, что ключевым в таких случаях является сам субъект преступления, и его личностные характеристики²¹⁷. Такие, например, как степень осведомленности и убежденности в том, что он делает, стремление охватить как можно большее количество населения распространяя антигосударственные убеждения, категории этого населения – возрастные особенности, образование и пр.,

---

²¹⁷ Именно личность преступника довольно часто становится причиной для установления особых средств воздействия, применяемых только для данного его типа. Например, в Западном уголовном законодательстве распространена такая мера уголовно-правового характера, как химическая кастрация, которая применяется исключительно к тем, кто совершил насильственные преступления сексуальной направленности. См.: *Karen Harrison. Managing High-Risk Sex Offenders in the Community. Portland, 2010. S. 106; или: The Los Angeles Times. 1996. 18 September.*

вовлечение в подобные действия других людей, готовность действовать любыми методами или ограниченность строго определенными способами и многое другое, способное облегчить преступную деятельность причинив при этом максимально больший вред сложившимся общественным отношениям и существующему порядку²¹⁸.

Отсюда, субъект преступления в совокупности с его личностными характеристиками, которые перечислены выше, а также ряд других особенностей, выступают в качестве одного из критериев классификации иных мер уголовно-правового характера, будучи способными определить их сущность. В свою очередь, обращая внимание на существующие сегодня у любого, у кого возникло желание совершить преступления подобного рода, значительные возможности к доступности технологий и их массовый характер воздействия, наряду с, как правило, внешней управляемостью самого субъекта преступления, речь может идти только о его полной или частичной изоляции от общества. Исключение возможности доступа к средствам распространения информации, к человеческому ресурсу и, как следствие невозможность оказания воздействия на общественное сознание выступает в качестве первоочередной задачи государства в таких ситуациях. При этом изоляция виновного посредством реализации наказания в виде лишения или ограничения свободы (домашнего ареста в период предварительного следствия и судебного разбирательства), вполне может сохраняться в ситуациях подобного рода, но в то же время, не должно выступать единственным средством воздействия, оставляя место для иного, не репрессивного влияния на человека. Изоляция, как таковая, не состоит исключительно в установлении ограничений на физическую свободу человека, и носит гораздо более многоаспектный характер²¹⁹. Она может

---

²¹⁸ См.: *Аристархова Т.А., Малахвей Е.Д.* К вопросу о преступлениях экстремистского характера, совершаемых с использованием сети «интернет» // *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки.* 2017. № 1. С. 75-77; *Хлебушкин А.Г.* Преступления экстремисткой направленности в системе посягательств на основы конституционного строя. М., 2018; и др.

²¹⁹ Собственно, «привязка» к той или иной отрасли права неуместна изначально.

состоять в изъятии виновного из его микросреды, из того его состояния и положения, которое предполагает наличие у него перечисленных выше возможностей, как технического, так финансового, организационного и прочего характера²²⁰. С учетом отсутствия необходимости в репрессивности воздействия, и наоборот, стремлении избежать его карательной составляющей²²¹, либо в дополнение к ним, уже после реализации указанного компонента государственного принуждения, но сохранившейся потребности в исключении (или частичном ограничении) лица из социума, важную роль должна выполнять альтернатива, также имеющая уголовно-правовое происхождение²²².

В качестве таковой должны быть иные меры уголовно-правового характера, критерием выделения которых выступают их способность не просто ограничивать личную свободу человека, а ограничивать ее территориально. То есть, при завершении или отказе от репрессивного элемента, но сохранении потребности в изъятии лица из привычной для него среды, у государства должен существовать такой механизм в виде конкретных мер уголовно-правового характера, иначе потом, при возникновении реальной угрозы (как это и происходит сейчас в условиях проведения СВО на Украине и действий ее, а также западных спецслужб на территории России), будет уже поздно.

Важно само толкование термина – изоляция в русском языке, а не его принадлежность к каким-либо процессам, явлениям, видам, способам, категориям или отраслям. Важен итог, а именно, отделение одного человека от других, от общества и тех процессов, которые в нем происходят, а абсолютное большинство индивидов в нем задействовано.

²²⁰ См.: *Рахманова Е.Н.* Депортация: преступление или процедура. В сб.: Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра (памяти проф. С.Ф. Кравцова). мат.-лы всеросс. научн. практ. конф. Ч. 1. СПб., 2016. С. 92-94.

²²¹ См. об этом, например: *Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е.* Уголовное наказание как фактор формирования культуры и средство разрешения культурного конфликта. В сб.: Уголовная политика и культура противодействия преступности: мат.-лы междунар. научн. практ. конф. Краснодар, 2016. С. 17-19.

²²² Отчасти на это указывал проф. Н.В. Щедрин. См. *его*: Категории антикриминальной безопасности. В сб.: Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее: мат.-лы VIII Российского конгресса уголовного права. М., 2013. С. 251-252.

Ранее мы отмечали, что предпосылки формирования такого подхода в уголовном праве существуют в отечественном административном законодательстве – высылка из страны (депортация) и в истории развития российского и зарубежного уголовного законодательств – ссылка, и даже ее разновидности. Оба средства, не используемые сегодня уголовным законодательством, тем не менее потенциально представляют интерес как для уголовно-правовой доктрины, так и для правотворца, особенно с учетом современной геополитической и внутривластной ситуации в нашей стране. Несмотря на предлагаемый статус, они, безусловно, ужесточат уже существующий подход, сформированный в части государственного принуждения, к лицам признанным виновными в совершении посягательств подобного рода²²³. Вопрос лишь в механизме их реализации на современном этапе развития государства и общества, в деталях и особенностях их правовой регламентации, а также возможного применения правоохранительными органами и судами.

Как бы то ни было, оба средства способны обеспечить ту самую изоляцию виновного, которая столь необходима при совершении посягательств подобного рода. Они соответствуют выделенному нами критерию, где изоляция лица составляет сущность, саму идею видовой классификации иных мер уголовно-правового характера, применяемых за преступления против интересов Российской Федерации. Более того, частично выдвинутый тезис подтверждается и в предыдущих частях настоящего исследования, в том числе и в их эмпирических компонентах. Вопрос в данном случае стоит лишь в том, к кому данные меры будут применимы, и найдут ли они соответствующий отклик в практической деятельности, не оставшись в лишь пределах настоящей работы, на уровне одной из многочисленных попыток научного осмысления проблемы.

---

²²³ См.: *Бавсун М.В.* Расширение пределов уголовно-правового воздействия как необходимое условие повышения его реализации. В сб.: *Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра (памяти проф. С.Ф. Кравцова)*. мат.-лы всеросс. научн. практ. конф. Ч. 1. СПб., 2016. С. 117-119.

Полагаем, в первую очередь это, безусловно, гражданство виновного, особенно если мы ведем речь о высылке из страны. Проведенный ранее опрос сотрудников прокуратуры, а также судей показал, что применительно к гражданам России, данная мера вряд ли будет применима с позиции многих аспектов, от конституционного до международного. Статуса депортируемого из своей страны при отсутствии гражданства другого государства на сегодняшний день пока что не существует, высылать своих граждан, что называется «в никуда» тоже вряд ли получится с позиции того, кто должен и вообще может такого человека у себя принять и на каком основании это должно происходить. И здесь, скорее всего речь должна идти о лицах, *имеющих двойное гражданство, тех кого, сегодня можно депортировать из страны в рамках административно-правового регулирования, но в особых случаях данная процедура должна быть реализована в рамках иных мер уголовно-правового характера (что должно влечь за собой соответствующие последствия), а также тех, кто получил гражданство в порядке иммиграции.* В связи с этим необходимо говорить о так называемом двойном статусе меры государственного принуждения – административно-правовом и уголовно-правовом²²⁴, трансформация которого должна происходить в соответствии с теми последствиями, которые следуют за практическим применением каждой из них. Соответственно, тесная связь с административным правом и законодательством требуют и тщательной проработки данного вопроса в рамках законотворческой деятельности.

Во-первых, реализация данного средства в качестве уголовно-правового должна полностью исключать возможность повторного возвращения на территорию Российской Федерации. По сути, это исключительная мера воздействия для лиц, совершивших преступления против интересов государства²²⁵, в плане полного устранения возможности

---

²²⁴ См.: Булатов Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве. Омск, 2003. С. 234-236.

²²⁵ Как исключительную меру уголовно-правового характера в современной юридической литературе рассматривают конфискацию имущества. См. об этом:

оказания непосредственного влияния на сознание людей, находясь внутри страны, используя при этом весь доступный ресурс от организационного до технического.

Во-вторых, ее применение должно происходить только в случаях совершения преступлений, а не административных правонарушений даже однородного характера. Причем преступлений строго определенной направленности, и только при полном отказе виновного к сотрудничеству, в части выявления иностранных агентов, а также агентов влияния. На фоне откровенного отрицания официальной идеологии (непримиримости лица), а соответственно и власти, игнорирование содействия, выраженное в активной форме, должно приводить лишь к пропорционально-адекватному ужесточению воздействия, что, собственно, и предлагается в рамках настоящего осмысления проблемы.

В-третьих, предлагаемая мера должна находиться в русле международных договоренностей на уровне двух стран, так как уголовно-правовая депортация, впрочем, как и административно-правовая, может происходить исключительно в ту страну, гражданином которой является виновное лицо. В связи с этим наличие даже информационно-уведомительного канала связи с государством, в которое осуществляется высылка лица, совершившего преступление против интересов Российской Федерации, является важным с позиции понимания каждой из сторон относительно тяжести наступивших для этого человека последствий в нашей стране, а также тех возможностей, которые сохраняются в той стране, куда депортируется преступник. Речь идет, в первую очередь, о факте наличия-отсутствия у соответствующих структур в принимающей стороне возможности выдачи нового разрешения на въезд в Российскую Федерацию, а также о тех мерах, которые должны быть приняты к нему на территории своего государства.

Важно при этом понимать, что если первое и второе условие носят исключительно уголовно-правовое происхождение, и должны найти соответствующее проявление в содержании конкретной уголовно-правовой нормы, то третье носит в чистом виде организационно-правовое, и должно находить свое выражение уже на уровне международно-правовых документов и обмена информацией между странами. При отсутствии урегулирования данного вопроса на данном уровне, никакие уголовно-правовые инициативы не будут реализованы, оставаясь лишь в стадии обсуждения в доктрине уголовного права.

Жесткость предлагаемого нами подхода, с учетом отмеченных выше аспектов, была в полной мере поддержана практическими работниками, а также специалистами в области уголовного права и криминологии. Так, абсолютное большинство респондентов из числа работников прокуратуры (89,5%) выразили полное согласие установлением полного запрета на въезд в нашу страну для данной категории виновных, остальные 10,5% опрошенных полагают, что представленная позиция требует дополнительной доработки и может быть принята лишь в ограниченном виде (например, при установлении определенного срока на въезд, сохранение возможности посещения страны в туристических целях и т.д.). Не менее категоричными в этом отношении оказались и судьи, 86,2% которых также поддержали вывод о необходимости ужесточения позиции государства по отношению к тем, кому оно дало свое гражданство и, кто при этом совершил преступления против его же интересов. Что характерно, оставшиеся 13,8% полностью не отрицая высказанное нами мнение на решение существующей проблемы, лишь указали, на то, что это вопрос факта и необходимость строгого учета индивидуальных качеств как самой личности виновного, так и конкретных обстоятельств совершенного преступления. Вторят им в этом отношении и специалисты в области уголовного права (кандидаты и доктора юридических наук по научной специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки, специализирующиеся исключительно на уголовном праве и криминологии),

85% которых также ратуют не просто за ужесточение, а, по сути, за непримиримость позиции государства, которая должна демонстрироваться в ситуациях подобного рода. Особо при этом отмечается, на своевременность реализации таких предложений в условиях геополитического противостояния, когда разработка и уже функционирование механизма противостояния внешнему врагу, действующему информационными способами на нашей территории, приобретает особую актуальность, требуя незамедлительных действий со стороны законодателя.

Таким образом, сложившаяся ситуация в стране и в мире позволила консолидировать мнение специалистов по рассматриваемому нами вопросу. Жесткость подхода перестала восприниматься как посягательство на демократические основы общества, возврат к его тоталитарным началам и идеям, а предлагаемые изменения оцениваются как необходимая защита от внешних и внутренних угроз, способ сохранить государство, власть и национальную идентичность. Полагаем, что такой позитивный сдвиг в сознании крайне важен, а сами изменения должны сохраниться в уголовном законодательстве вне зависимости от трансформации геополитической ситуации в мире, поддерживая высокий потенциал уголовного законодательства на случай обратных процессов²²⁶. На этот счет (но только применительно к мерам процессуального принуждения) еще в 1968 году высказалась В.И. Каминская, которая отмечала, что «пока существует преступность, особенно в ее наиболее тяжких формах, сама постановка вопроса о каком-либо существенном сокращении мер процессуального принуждения вряд ли может быть признана перспективной и

---

²²⁶ Крайне важную по этому поводу мысль высказывает, В.Е. Квашиш, указывающий, что культура противодействия преступности предполагает «...опережающий характер этой деятельности». И далее: «Само по себе правовое мышление, как известно, консервативно; оно направлено на выполнение задач по поводу прошлого». В тоже время, отмечает ученый, объективно она должна быть направлена в будущее, «...оценка ситуации в условиях текущего момента «завтра» может оказаться ошибочной, т.к. ситуация в этой сфере крайне изменчива...». См. *его*: К проблеме культуры противодействия преступности. В сб.: Уголовная политика и культура противодействия преступности: мат.-лы междунар. научн. практ. конф. Краснодар, 2016. С. 24.

плодотворной»²²⁷. Обратим внимание, что жесткость формулировок, в решении данного вопроса присуща относительно спокойному для государства периоду в плане его деятельности по контролю за преступностью. Нет сомнений, что сегодня, при появлении новых форм преступных проявлений, ее более организованном и трансграничном характере, возросшем уровне жесткости и жестокости, вести речь о снижении объема принуждения явно не приходится. Скорее наоборот, более актуальной выглядит постановка вопроса о разработке принципиально новых форм уголовно-правового воздействия, их нацеленности на устранение причин совершения вновь появившихся преступных девиаций.

Следует констатировать, что по прошествии более, чем пятидесяти лет ситуация в данном плане если и изменилась, то лишь в худшую сторону. Преступность трансформируется, но не снижается, а если смотреть ее объективные показатели, то и существенно растет. Между тем количественное и качественное содержание государственного принуждения к лицам, совершившим преступления, практически никак не поменялось²²⁸, а в случае с преступлениями против государства, даже наоборот, мы наблюдаем их стабильную гуманизацию. Вполне естественно, что очевидность поиска новых средств уголовно-правового воздействия в новых условиях, не может вызывать каких-либо сомнений, а их жесткость также не должна вызывать отторжения. Эффективность, целесообразность, результативность предлагаемых средств противодействия, должны выступить в качестве основного критерия их появления в уголовном законодательстве. Именно способность к опережающему воздействию на преступность должно оказывать решающее влияние на принятие решения государством о включении того или иного средства в отечественный Уголовный кодекс.

---

²²⁷ Каминская В.И. Охрана прав и законных интересов граждан в уголовно-процессуальном праве // Советское государство и право. 1968. № 10. С. 28.

²²⁸ См. об этом более подробно: Бавсун М.В., Попов Д.В. Поиск концепции уголовного закона в условиях реализации принципа гиперопределенности как основного критерия его развития / Уголовное право и культура противодействия преступности: сб. мат.-лов научн. практ. конф. Краснодар, 2018. С. 55-61.

Собственно в этом и заключается идея общего предупреждения преступности, согласно которой у государства имеется возможность «...демонстрации имеющихся в арсенале средств еще до факта совершенного преступления и, в отличие от непосредственной реализации мер принуждения, направлено на недопущение самого факта преступной деятельности, а не на устранение его последствий»²²⁹. То есть уголовно-правовое воздействие должно осуществляться еще до момента возникновения отношения по поводу уже совершенного лицом преступления.

В современных условиях, с учетом, складывающейся обстановки, а также исторической подоплеки данного вопроса, полагаем, что можно ставить вопрос и о другой мере уголовно-правового характера, относящейся к данной классификационной группе – ссылке. Имея историческую ретроспективу своего развития, ссылка, но только уже без тех ограничений, связанных с государственно-правовым статусом виновного, вне зависимости от его гражданства, вполне применима и сегодня. Учитывая географические особенности нашей страны, проблемы экономического освоения отдельных ее регионов, климатических, логистических и прочих условий, серьезно влияющих на количество проживающего там населения, потребность в человеческом ресурсе зачастую является по настоящему колоссальной. Вопрос, как представляется опять же в психологии восприятия новой для современного этапа, и уже хорошо известной для предыдущих периодов развития общества, меры уголовно-правового характера²³⁰. Важна ее переоценка с позиции современных условий и способности оказать серьезное

---

²²⁹ *Муравьев К.В.* Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация. Омск, 2017. С. 59.

²³⁰ Следует отметить, что кардинальность предлагаемого подхода подкрепляется современным состоянием преступности и ее производности, в том числе от факторов геополитического свойства. В сложившихся условиях, современная уголовно-правовая доктрина зачастую продуцирует еще более жесткие подходы и конкретные меры в рамках реализации таких подходов. См. об этом, например: *Милюков С.Ф., Никуленко А.В.* Некоторые направления российской уголовно-правовой политики в сфере силового противодействия преступности // Библиотека уголовного права и криминологии. 2014. № 2. С. 86-90.

влияние на устранение причин совершения именно данной, а не любой другой группы преступлений, выполняя, по сути, роль мер безопасности, столь распространенных в Западноевропейском уголовном праве и законодательстве.

Представляется, что сущность обеих мер, и ссылки и высылки, идентична. Обе они направлены на исключение виновного из той части социума, которая может быть подвержена негативному информационному влиянию, связанному с нивелированием роли и статуса государства, власти и всех ее институтов. Обе меры способны существовать не номинально, а вполне реально оказывать влияние не просто на виновного, а на устранение причин, совершенного им ранее преступного посягательства определенной направленности. Что важно, и высылка и ссылка относятся к первой классификационной группе, за счет единого критерия ее выделения, а именно, изоляции виновного в результате их применения и, как следствие ограничения или полного устранения возможности виновным оказывать влияние на общественное сознание.

Как отмечалось нами ранее, все иные меры уголовно-правового характера в той или иной степени строятся на ограничениях и лишениях базовых конституционных прав и свобод человека, которые при этом далеко не всегда связаны с изоляционным аспектом. Соответственно, вторую группу исследуемых мер образуют ограничения не репрессивного свойства, которые при этом не связаны с изоляцией виновного (либо критерий изоляции, несмотря на его наличие, не является доминирующим). То есть, это иные меры уголовно-правового характера, суть которых никак не связана с исключением виновного из социума, имея совершенно иную, хотя и также ограничительную, направленность.

В частности, это могут быть его политические права (как следствие, лишение виновного его политических прав либо политического статуса (в первую очередь, его права быть избранным на государственные должности, должности, связанные с доступом и возможностью распространения

информации, в том числе и закрытого характера, и пр.); различные виды экономической деятельности в случае, если ранее (или в будущем) такая деятельность была (или может быть будет) направлена на поддержание и развитие антигосударственных настроений и движений (запрет на осуществление экономической деятельности, связанной с государственными закупками (гособоронзаказ); исключение возможности или ее существенное ограничение в части распространения информации среди детей, подростков и молодежи (студентов) в виде запрета на осуществление педагогической деятельности в области социальных и гуманитарных наук в образовательных организациях среднего, средне-специального и высшего образования²³¹. Тем более такая практика сегодня уже находит свою поддержку на самом высоком уровне²³². Это могут быть, в том числе, и меры связанные с некоторым ограничением виновного в его личной свободе, но не влекущие его изоляцию (лишение права на свободное передвижение как в рамках страны, так и территории проживания).

Безусловно, это могут быть и иные ограничения, установленные в рамках административного надзора, но применяемые в строго определенных случаях, специально предусмотренных, именно как иные меры уголовно-

---

²³¹ По аналогии с тем, как это уже установлено в части запрета на занятие педагогической и трудовой деятельностью, в связи с наличием судимости. Речь идет о тех, кто совершил преступления против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства личности (за исключением незаконной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, и клеветы), половой неприкосновенности и половой свободы личности, против семьи и несовершеннолетних, здоровья населения и общественной нравственности, основ конституционного строя и безопасности государства, мира и безопасности человечества, против общественной безопасности. Также, к педагогической деятельности не допускаются лица, имеющие не снятую или непогашенную судимость за иные умышленные тяжкие и особо тяжкие преступления, которые не указаны выше. См. ст. ст. 331, 351¹ Трудового кодекса Российской Федерации // URL.:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 16 сентября 2023 г.).

²³² См.: Кабмин хочет запретить судимым за педофилию посещать образовательные учреждения URL.: https://dzen.ru/news/story/Kabmin_khochet_zapretit_sudimym_zapedofiliyu_poseshhat_obrazovatelnye_uchrezhdeniya--725dff4b772598542100cf9c7caaed95?fan=1&from=newsapp&issue_tld=ru&lang=ru&persistent_id=2765295401&stid=hYCTac8Khf3Fns9zBt2h&story=2c66cc20-0fae-5b3e-b503-b6ec3d9e6810&t=1702747546&tst=1702748035 (дата обращения: 17.12.2023 г.).

правового характера. Впрочем, это совершенно не обязательно должно быть административное законодательство, с не меньшим успехом в качестве таких мер могут выступать средства уголовно-процессуального характера, имеющие пограничный характер, но также имеющих отношение к обеспечению правосудия за посягательства на интересы Российской Федерации²³³. Данный перечень ограничений, конечно, не носит исчерпывающего характера (и, наверное, и не может носить), однако именно он следует из тех причин и условий, которые влекут за собой совершение преступлений данной направленности. Именно перечисленные меры способны оказывать влияние на устранение этих причин, что является первоочередной задачей всего государственного механизма по противодействию преступности в общем и целом. Если методологически подходить к интересам государства, как к некоторой системе ценностей²³⁴, то не менее оправданным будет оценка всех средств принуждения, применяемых за посягательства против нее, также с позиции некой системы, имеющей межотраслевой характер.

Важно при этом понимать, что приведенный перечень, предлагаемых мер из второй подгруппы, формируемой нами классификации, несмотря на относительно более мягкий характер, чем высылка или ссылка, на самом деле несет в себе достаточно серьезный некарательный, но принудительно-ограничительный потенциал. При этом, вся мощь принудительной части обеспечивается за счет самого статуса мер подобного рода, надления их уголовно-правовой природой, а ограничительная, за счет их содержания,

---

²³³ В частности, проф. К.В. Муравьев, указывает на необходимость таких мер уголовно-правового воздействия иного характера, имеющих при этом уголовно-процессуальную правовую природу, как: задержание, временное отстранение от должности, наложение ареста на имущество, а также принудительное помещение в медицинскую организацию для производства стационарной судебной экспертизы. Безусловно, современная доктрина способна предложить и что-либо некарательного свойства именно для предупреждения преступлений, посягающих на интересы государства. См.: *его*: Указ. соч. С. 84-85.

²³⁴ См. об этом: *Дворянсков И.В.* Интересы государства в уголовном праве: системная характеристика (на примере судебной власти). В сб.: Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: мат.-лы второй научн.-практ. конф. М., 2015. С. 273-274.

включающего в себя вполне конкретные средства воздействия на лиц виновных в совершении преступлений против интересов Российской Федерации и, затрагивающих при этом такие же права и свободы личности, как и наказание. Другие объемы этого воздействия, иные формы реализации, а соответственно и функций²³⁵, разноплановые задачи, стоящие перед ними, разные последствия по итогам применения, и в то же время заложенная в них уголовно-правовая идея в сочетании с необходимостью сокращения объема именно репрессии с одновременной потребностью в точечном, но максимально эффективном влиянии на причины совершенного преступления, делают данные меры крайне важными средствами противодействия преступности²³⁶.

В свою очередь, именно эффективность такого воздействия становится возможной за счет ухода от идей мести и возмездия, присущих репрессии (наказанию), и перехода к культивированным на Западе идеям обеспечения безопасности. Причем обеспечения безопасности любыми средствами и без особого разделения на отрасли права с максимально широким представлением о том, что представляет собой правосудие и каким целям оно служит²³⁷. Такой подход обеспечивает достижение того результата, который нужен государству в определенный момент времени, позволяя действовать быстро, быть гибким в принятии решения, а соответственно и оказывать действенное сопротивление новым формам преступных проявлений. В этом отношении, предлагаемые меры именно из этой категории, где каждая представляет собой индивидуальное средство воздействия на отдельные качества и возможности виновного лица в совершении преступления,

---

²³⁵ См.: *Уголовное право* Общая часть. Преступление. Академический курс в 10 томах. Т. 3. Уголовная политика. Уголовная ответственность / под ред. проф. Н.А. Лопашенко. М., 2016. С. 625-626.

²³⁶ См. об этом более подробно: *Уголовное право* Общая часть. Наказание. Академический курс в 10 томах. Т. 1. Понятие, цели уголовного наказания. Система уголовного наказания. Книга 1. Понятие уголовного наказания / под ред. проф. Н.А. Лопашенко. М., 2020. С. 371.

²³⁷ См.: *Бавсун М.В.* Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации: автореф... докт. юрид. наук. Омск, 2013. С. 4.

способного причинить существенный вред общественным отношениям в сфере охраны государства. В частности: лишение лица его политических прав или политического статуса способно как предотвратить дальнейшую интеграцию такого субъекта правоотношения во власть и, соответственно, реализовывать конкретные идеи антигосударственного свойства, так и исключить из данного процесса (в случае если такая должность уже занята). Запрет на различные виды экономической деятельности, в случае установления факта использования, полученной прибыли для достижения целей совершения преступления против интересов государственной власти, способен как минимум ограничить доступность используемых для этого технических средств, средств массовой информации, необходимых коммуникаций, и прочих многих аспектов, крайне важных при реализации умысла на преступное расшатывание государственной власти. Безусловный потенциал, по нашему мнению, представляют и меры процессуального принуждения (не только пресечения), разработка которых применительно к преступлениям данной группы, носит весьма перспективный характер²³⁸, или те средства, которые могут быть реализованы в рамках других институтов уголовного права, в частности, освобождения от уголовной ответственности и наказания и некоторых других²³⁹.

Крайне важным видится и запрет на саму возможность распространения информации среди школьников, а также студентов учебных заведений любого уровня, тем более, что некоторые аналоги подобного подхода в отечественном законодательстве уже существуют. Данная часть аудитории является крайне неустойчивой с психологической и воспитательной точек зрения. Их внушаемость происходит быстро и, как

---

²³⁸ См. об этом, например: *Николюк В.В.* Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: доктрина, законодательная конструкция, толкование и проблемы практического применения. Орел, 2015. С. 79-80, 98, 99, 127 и др.

²³⁹ См. об этом: *Нечепуренко А.А.* Перспективы законодательного регулирования института освобождения от уголовной ответственности. В сб.: Вопросы правовой теории и практики. Вып. 14. Омск, 2014. С. 15-25.

правило, надолго. С учетом их крайней нестабильности в финансово-экономическом плане, а подростковый максимализм требует достаточно многого, как в плане личных потребностей, так и в части идей, любая революционная информация оказывает на них «нужный» эффект, с позиции требуемой для педагога от несовершеннолетнего (или от студента) девиации. Данная составляющая иного воздействия на виновного в посягательствах подобного рода, представляется одной из наиболее значимых на современном этапе, в силу существующих и очень хорошо отработанных технологий воздействия на подростковую и молодежные сферы.

Впрочем, не меньшую важность представляют собой и прочие ограничительные меры, аналоги которых мы сегодня в совершенно разрозненном виде наблюдаем в административном законодательстве (в рамках административного надзора), в Уголовном кодексе – ч. 5 ст. 73 УК РФ и ее по настоящему безграничные возможности, в Уголовно-процессуальном кодексе, регламентирующем домашний арест, подписку о невыезде, Уголовно-исполнительное законодательство и его мерами контроля за лицами, уже отбывшими наказание, а также иное федеральное законодательство зачастую дублирующее друг друга, оказывая существенное влияние, как на общее представление о самой сути таких мер, так и на практику их применения правоохранительными органами, судами, а также органами исполнительной власти²⁴⁰. Нельзя в данном случае не согласиться с М.С. Жуком, который отмечает, что приоритетом при совершенствовании отечественного уголовного законодательства должны быть исключительно интересы общественной безопасности²⁴¹, что уже само по себе исключает догматизм в выборе средств уголовно-правового воздействия, в том числе и

---

²⁴⁰ См. об этом более подробно: *Бавсун М.В., Карпов К.Н.* Контроль за поведением лиц, осужденных условно или освобожденных от наказания, как иная мера уголовно-правового характера // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управления. 2010. № 3. С. 6-10.

²⁴¹ См.: *Жук М.С.* Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: автореф. дисс... докт. юрид. наук. Краснодар, 2013. С. 14.

иноного характера²⁴². Как раз наоборот, все больше нужно говорить об адаптивности уголовно-правового воздействия к стремительно изменяющимся условиям бытия, к трансформации среды, требующей соответствующего внимания со стороны государственного механизма, требующего появления в качестве его элементов принципиально новых средств и эффективных вариантов реагирования²⁴³. Особенно это важно на фоне того, что современная уголовная репрессия, по мнению М.М. Бабаева и Ю.Е. Пудовочкина, «...не в полной мере отвечает целям обеспечения безопасности личности, общества и государства, ввиду несоответствия реализуемого уголовно-политического курса объективным социальным и криминологическим условиям»²⁴⁴.

Вопросов ко второй классификационной группе лишь два. Первый из них связан с возможным дублированием мер иноного воздействия с конкретными видами наказаний, уже давно существующими, но правда, далеко не всегда в силу разного рода причин, применяемые, либо применяемые, но крайне ограниченно. В частности, это касается, предлагаемых нами мер в виде запрета на занятие определенного вида деятельности, как-то, ее экономическая разновидность, педагогическая направленность и др., а также запрет на занятие той или иной должности, как впрочем, и ограничения в возможности самостоятельного перемещения

---

²⁴² Одним из ярких примеров принципиально нового решения государства к тем, кто совершает именно преступления против интересов государства в условиях проведения специальной военной операции на Украине, является пример реакции по отношению к жителю Камчатки (ранее гражданину Украины), лишённого гражданства Российской Федерации в сентябре 2023 г. Это произошло в связи с тем, что он «...неоднократно размещал в социальной сети «ВКонтакте» призывы насильственным действиям: расстрелу, убийствам, сожжению всех россиян и представителей органов власти». См.: Жителя Камчатского края лишили гражданства РФ за призывы к экстремизму // URL.: <https://www.interfax.ru/russia/923818> (дата обращения: 17 октября 2023 г.). Или чуть более поздний случай. См.: *Россия может депортировать семьи мигрантов, чьи дети потушили Вечный огонь* // URL.: https://ria.ru/20231212/vechnyy_ogon-1915201041.html (дата обращения: 17.12.2023 г.).

²⁴³ См. об этом более подробно: *Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е.* Уголовная политика как преодоление неопределенности в уголовном праве. В сб.: *Онтология и аксиология права: девятая междунар. научн. конф.* Омск, 2019. С. 38.

²⁴⁴ *Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е.* Проблемы Российской уголовной политики. М., 2017. С. 249.

виновным в рамках одной административно-территориальной единицы страны.

Второй вопрос, обусловлен теми пределами, которые могут быть установлены для мер подобного рода, и их именно иным – не репрессивным характером воздействия на лиц, виновных в совершении преступлений против интересов государства. В зависимости от этого может определяться отраслевой или, наоборот, межотраслевой статус каждой меры индивидуально. Конкретный объем воздействия способен разграничивать уровни правового регулирования, а также переход от одного к другому и даже разграничение внутри единой правовой отрасли, в том числе и уголовно-правовой.

Говоря о первом аспекте проблемы, полагаем, что его решение должно происходить в русле изменения отношения к глобальной проблеме, а именно, межотраслевой унификации всех средств принуждения, используемых законодателем в уголовно-правовой сфере. На сегодняшний день таковая отсутствует, что вызывает серьезную критику среди специалистов, занимающихся данной проблематикой²⁴⁵. Цель предупреждения преступности, как отмечал С.Е. Вицин, универсальна. Она одновременно является функцией уголовной и неуголовной юстиции, а также частью общей системы социальной профилактики²⁴⁶. Это, кстати, совершенно небезосновательно позволяет авторам рассуждать о возможности формирования криминологической теории предупреждения преступности с использованием административно-правовых средств²⁴⁷, лишней раз

---

²⁴⁵ См., например: *Пикуров Н.И.* Теоретические проблемы межотраслевых связей в уголовном праве: автореф. дисс... докт. юрид. наук. М., 1998. С. 4-6; *Бавсун М.В.* Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации. Омск, 2013. С. 234; и многие другие.

²⁴⁶ См.: *Вицин С.Е.* Системный подход и преступность. М., 1980. С. 104.

²⁴⁷ См.: *Кобец П.Н.* О развитии современной теории предупреждения преступлений посредством включения в нее теории предупреждения правонарушений административно-правовыми средствами. В сб.: Вопросы правовой теории и практики. Вып. 19. Омск, 2014. С. 24.

подтверждая межотраслевую правовую природу абсолютно всех средств принуждения, всегда объединенных единой целью.

Только в случае реализации адекватного подхода в данной части, появляется реальная возможность наведения порядка и внутри отрасли, включая сложные вопросы разграничения принуждения в зависимости от правовой природы их происхождения, а соответственно, и их отнесения к той или иной классификационной группе. Так, все перечисленные средства принуждения, вполне способны сосуществовать, находясь в различных статусах, но в рамках единой правовой отрасли. Соответственно, быть способными нести принципиально различную смысловую, содержательную и даже, идеологическую нагрузку, выступая в роли наказания, иной меры уголовно-правового характера или может быть средства контроля за различными категориями осужденных²⁴⁸. Так называемое двойное или более использование одного средства с единой правовой природой своего происхождения, нередкое явление как в отечественной, так и в зарубежной законодательной базе и практике ее применения.

Вопрос в действительности находится в плоскости установления четких критериев, определяющих объем принуждения, степень вторжения в личные права осужденного, а также влияние такого воздействия на личность виновного наряду с отдельными содержательными аспектами (особенностями) каждого из средств принуждения в отдельности, при сохранении их единой правовой природы происхождения. Исходя из данного посыла, любая из перечисленных мер второго классификационного критерия способна выполнять роль подобного плана. Речь скорее необходимо вести о выделении их целевой принадлежности, которая по своей сути и оказывается

---

²⁴⁸ По большому счету одинаковые по наименованию меры принуждения вполне способны нести различную нагрузку не только в разных статусах в рамках одной отрасли права, но и в ее различных отраслях. В частности: меры ограничения свободы (от содержания в дисциплинарной воинской части до уголовно-процессуальных мер пресечения), или меры, направленные на контроль, в целом, имеющие административно-правовую природу происхождения, и тем не менее, с успехом используемые в уголовном законодательстве.

определяющей в ее разграничении с другими средствами воздействия. Отсюда и влияние пределов каждой из мер на выбор ее статуса, где репрессия, иное воздействие, контроль или прочие качества, способные выступить в роли сущности явления.

Именно цель каждой из мер второй классификационной группы способна выступить в качестве определяющей в установлении ее правовой природы, а соответственно и статуса среди всех средств государственного принуждения. Наряду с пределами такого принуждения цель способна оказаться в качестве разграничительного барьера между наказанием и иным воздействием в уголовном праве и, даже средствами контроля, активно применяемыми сегодня в институтах условного осуждения и условно-досрочного освобождения от отбывания дальнейшего наказания. И если, мы говорим о разграничении между собой наказания и иного воздействия при их одноименности (или внешней созвучности), то речь скорее, необходимо вести не о созвучности, а о содержательном размежевании, которое, как раз, и является возможным за счет применения указанных выше критериев. Отсюда, ограничение на различные виды деятельности или ограничение на перемещение в пространстве, либо любое другое средство воздействия на виновного в совершении преступления против интересов Российской Федерации в зависимости от их целевой принадлежности и пределов реализации, способны нести на себе не только двойной функционал, но и находиться в различном правовом статусе. В данном случае все зависит от позиции самого государства, и его желания или наоборот, нежелания наделять ту или иную меру репрессивным содержанием. Следует отметить, что проведенный выше анализ современной доктрины в полной мере подтверждает данный тезис, лишней раз указывая на преобладание политической воли над любыми теоретическими и, зачастую откровенно искусственными догмами в решении этого вопроса.

Отчасти соответствующее подтверждение сформулированному выводу мы нашли и среди практических работников, в частности, у судей и у

сотрудников прокуратуры. Обеим категориям респондентов был задан один и тот же вопрос – «Как Вы считаете, возможно ли использование в Уголовном кодексе Российской Федерации одноименных мер принуждения в различных правовых статусах (в качестве наказания и иной меры уголовно-правового характера)»? В итоге, среди судей 71% опрошенных сошлись во мнении, что это, во-первых, не противоречит теории уголовного права, а, во-вторых, не встретит сложностей в ходе практики применения таких мер. Остальные 29% специалистов полагают, что именно в практической деятельности могут возникнуть неразрешимые противоречия, которые новые нормы сделают «мертвыми». Примерно такие же результаты нами были получены и в ходе анкетирования сотрудников прокуратуры. Порядка 65% практических работников пришли к выводу о допустимости предлагаемого нами подхода, а вновь вводимые ограничения для тех, кто совершил преступления против интересов Российской Федерации, могут использоваться наряду с наказанием в качестве мер иного характера. Соответственно 35% прокурорских работников пришли к обратному выводу, опять мотивируя его теми сложностями, которые могут возникнуть в ходе практики применения уголовного законодательства в данной его части.

Итог, в любом случае, один. Обе категории респондентов, хотя и не в подавляющем, но в своем большинстве поддерживают центральную идею о возможности двойного и более использования мер принуждения к лицам, признанными виновными в совершении преступлений против интересов Российской Федерации, существенно, таким образом расширяя и пределы полномочий самих практических работников. Это лишний раз подтверждает верность подхода о едином комплексе мер государственного принуждения, деление которых (их классификация) возможно в зависимости от поставленных перед государством целей и задач по противодействию преступности на определенный отрезок времени. Это в равной степени касается и, так называемой, «ступенчатой» системы принуждения, когда переход не просто от одной меры к другой, а от одного объема (меньшего)

воздействия к другому (к большему), начинает носить межотраслевой характер. При этом происходит смена статуса меры, трансформируется ее сущность, несмотря на сохраняющуюся внешнюю форму выражения в рамках нормативного предписания. В этом отношении, предлагаемые нами иные меры уголовно-правового характера вполне соответствуют данному явлению и способны выступать в роли тех средств, которые изначально имеют межотраслевую природу своего происхождения.

В связи с этим, с уверенностью можно говорить о реальности формирования достаточно гибкой системы государственного принуждения, в состав которой, безусловно, должны входить и иные меры уголовно-правового характера, включающие в себя средства реагирования на посягательства против интересов Российской Федерации. Последние, в свою очередь, в силу своей двойственности, способны одновременно выполнять роль иных мер воздействия уголовно-правового характера, наказания, мер административного принуждения и, даже, мер контроля в рамках ограничений при применении условного осуждения или условно-досрочного освобождения от наказания. По сути, все это и составляет тот самый объем иного воздействия (принуждения) на лиц, виновных в совершении исследуемой группы преступных посягательств.

Сформулированный тезис позволяет ставить вопрос и о третьей классификационной группе мер иного характера, применяемой в отношении лиц, признанных виновными в совершении преступлений против интересов Российской Федерации. Речь идет о, так называемом, комбинированном и одновременно – смешанном (межотраслевом), по степени своего воздействия на виновного, виде иных мер уголовно-правового характера данного типа, способные одновременно ограничивать его как в личной свободе, так и в иных правах, будучи способными – в зависимости от объема принуждения, выступать в различных правовых статусах²⁴⁹. В частности, речь идет о

---

²⁴⁹ В некоторой степени об этом пишут: *Сергеев Д.Н.* Правовая природа постпенитенциарного административного надзора // Актуальные проблемы российского

постпенитенциарном контроле за поведением виновного (запрет на перемещение в рамках административно-территориальной единицы и в определенное время суток, обязанность отмечаться в органах государственной власти и пр.), с одной стороны, составляющей элементы первой классификационной группы, а с другой, способной оказывать гораздо более разностороннее воздействие на права и свободы осужденного лица.

Составляя третью классификационную группу, меры подобного рода с очевидностью демонстрируют гибкость самой системы, ее способность подстроиться под любые трансформации окружающей обстановки, меняющиеся потребности государства по объему принуждения к тем, кто совершил преступления против интересов Российской Федерации, в различные исторические периоды своего развития. Без такой гибкости в современных условиях сложно моделировать сколь-нибудь значимые целевые установки ее реализации.

Важно при этом иметь в виду, что вопрос разграничения мер иного характера между собой, имеет принципиальный характер, позволяя, таким образом, определить отрасль правового регулирования, а соответственно, и объем принуждения, его конкретные инструменты, механизм реализации, степень участия в этом государства, его органов исполнительной власти, правоохранительной системы и т.д. Собственно, все это и составляет тот самый общий перечень (но при этом единый) конкретных средств принуждения²⁵⁰ в отношении, отмеченной выше категории виновных в совершении посягательств против интересов государства. Зависимость содержания этого перечня от классификации нельзя недооценивать при принятии решения о его трансформации, особенно влекущей смену правового статуса отдельных мер воздействия. Их зачастую искусственное

права. 2014. № 8. С. 1709-1711; Гришко А.Я., Гришко Л.Е. К вопросу о постпенитенциарном праве // Уголовно-исполнительное право. 2019. Т. 14. № 3. С. 211-214; Филимонов В.Д. Постпенитенциарный контроль. Томск, 1991; и др.

²⁵⁰ См. об этом более подробно: Муравьев К.В. Указ. соч. С. 34-35; Булатов Б.Б. Указ. соч. С. 125; и др.

разделение по отраслям, лишь препятствует общему делу противодействия преступности.

В свою очередь, классификация, с учетом ее межотраслевого характера, придает этому направлению деятельности государства необходимую стройность и упорядоченность, именно – системность, крайне важную в решении проблемы обеспечения безопасности государственной власти, безопасности самого государства посредством реализации средств принуждения. Обеспечение соответствия данному принципу в дальнейшем позволит видеть результат работы механизма, а не проявления усмотрения на уровне конкретного исполнителя, реализации всей системы уголовно-правового воздействия в отношении тех, кто совершил преступление против интересов государства.

Подводя итог данной части исследования, можно сформулировать следующий вывод, основу которого составляет классификация предлагаемых средств уголовно-правового характера, применение которых возможно в отношении виновных в совершении преступлений против интересов Российской Федерации.

Классификация иных мер уголовно-правового характера, направленных на противодействие посягательствам на интересы государства, внутри уже выделенного типа явления (то есть, по видам):

– связанные с изоляцией виновного от общества (в том числе и частичной);

+ высылка из страны (как исключительная мера, применяемая только к иностранным гражданам, а также к гражданам Российской Федерации, получившим гражданство в порядке иммиграции, либо к тем к кому данная мера может быть применена в порядке административного воздействия – депортации, но в особых случаях реализуемая в рамках иного уголовно-правового воздействия);

+ ссылка (применяемая к гражданам Российской Федерации и в определенных случаях к иностранным гражданам)

- не связанные с изоляцией виновного:
- + лишение виновного его политических прав (в первую очередь, его права быть избранным на государственные должности);
- + запрет на осуществление экономической деятельности, связанной с государственными закупками (гособоронзаказ);
- + запрет на осуществление педагогической деятельности в области социальных и гуманитарных наук;
- комбинированные меры (сочетание качеств, ограничивающих свободу и иных конституционных прав осужденного):
- + лишение права на свободное передвижение как в рамках страны, так и на территории проживания;
- + иные ограничения, установленные в рамках административного надзора, но применяемые в специально определенных случаях как иные меры уголовно-правового характера.

Представленная классификация, безусловно, не носит исчерпывающего характера. Более того, ее трансформация как в ходе обсуждения, так и уже непосредственно в ходе применения, подлежит своему совершенствованию, с учетом тех особенностей, с которыми столкнется правоприменитель при ее реализации. Тем не менее, именно она на данный момент, являясь единственной в своем роде (даже на доктринальном уровне), может быть положена в основу создаваемого, в том числе и на законодательном уровне, дифференцированного подхода к уголовной ответственности за преступления исследуемой нами группы. Ее первоначальная или базовая модель, способна обеспечить ее дальнейшее развитие, с учетом соответствующих корректировок и дополнительного обоснования в современной уголовно-правовой доктрине.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам проведенного исследования можно сформулировать следующие основные выводы и предложения:

1. Принципиальность выделения и последующего применения самостоятельных средств за преступные посягательства на интересы Российской Федерации требует теоретическое обоснование, как минимум, двух обязательных условий:

1) соответствие совершенного преступления критерию – нарушение интересов Российской Федерации;

2) возможный (потенциальный) эффект от применения новых мер воздействия, направленных на противодействие данной группе преступлений (их способность оказаться важным дополнением к назначенному наказанию, обеспечив достижение, в том числе и его целей, параллельно реализуя несвойственные ему функции). От ответов на данные вопросы во многом будет зависеть и собственно перечень самих мер, которые могут найти свое место в общей системе мер уголовно-правового воздействия на преступность.

2. Выведенные в процессе настоящего исследования факторы, обуславливающие выделение в самостоятельную группу иных мер уголовно-правового характера, необходимые для противодействия преступлениям против интересов Российской Федерации, выступают в качестве обязательных при определении самой сферы уголовно-правовой охраны, имеющей, с учетом складывающейся геополитической обстановки, статус особой. Обращение внимания на вопросы ответственности за посягательства на данную группу общественных отношений, как никогда своевременно, и будет способствовать началу теоретической разработки крайне важной проблематики, связанной с иным воздействием на лиц, виновных в совершении посягательств на интересы государства. При более широком взгляде на рассматриваемую проблему, важным является указать на

амбициозность самой идеи, объясняющей необходимость выделения, последующей классификации и взаимосвязи иных мер уголовно-правового характера, с учетом объекта уголовно-правовой охраны (выходящего за пределы какой-либо одной главы или раздела УК РФ), на которое посягает общественно опасное деяние.

3. Общее снижение карательного потенциала наказаний за преступления, посягающие на интересы государства, и их постепенная трансформация происходили сообразно целям частной превенции. В частности, установлено, что речь идет о появлении видов наказаний, во-первых, потенциально способных (в силу своего крайне низкого карательного потенциала) перейти в группу средств иного воздействия, а, во-вторых, включении в их содержание элементов, способных обеспечить индивидуальное предупреждение совершения виновными новых преступлений данной группы.

Представленные тенденции вытекают из проведенного подробного анализа не только законодательных актов, но и доктрины уголовного права в ретроспективном аспекте. Данный тезис указывает на то, что отечественное законодательство менялось, в том числе, получая совершенно необходимое в таких случаях теоретическое обоснование. В конечном итоге это позволило сформировать базовые знания по рассматриваемому нами вопросу, создав при этом и важные предпосылки для их дальнейшего развития в уголовно-правовой сфере. В качестве итога такого развития мы сегодня наблюдаем не просто увеличение количества мер иного характера, а очередную трансформацию подхода к данному уголовно-правовому явлению, включая и постановку вопроса о необходимости применения к нему критериев классификации, требующих учета, в том числе и такого объекта уголовно-правовой охраны, как государственная безопасность.

4. Несмотря на разность подходов, необходимо отметить, что сегодня в уголовных законодательствах зарубежных стран исследуемой нами

проблематике уделяется соответствующее внимание. При этом, безусловно, наиболее приоритетным, тот, который с успехом можно использовать и в российском уголовном законе, нам видится подход, согласно которому на нормативном уровне выделяются самостоятельные меры иного характера, необходимые для превентивного влияния на лиц, виновных в совершении преступлений против интересов государства. В условиях геополитического противоборства, смен сфер влияний, состоянии непрекращающихся (и только нарастающих) войн, введение таких мер и в УК РФ видится совершенно необходимым, а также обоснованным, находя соответствующее подтверждение, в том числе, и среди практических работников.

5. Такие меры уголовно-правового характера, как высылка, ссылка или поражение в политических правах и иные – смежные по своей отраслевой принадлежности меры, способны выполнять роль межотраслевых средств воздействия (или принуждения) в отношении виновных. При этом определение итогового статуса данных средств становится возможным в зависимости от статуса совершенного деяния – преступления или административного правонарушения. Полагаем, что деяние должно выполнять определяющую роль не просто для выбора меры воздействия, которая может быть одинаковой для различных по своей сути правонарушений, а стать ключевым для установления статуса самой меры. Ее одновременное использование в различных отраслях законодательства, как средства принуждения, является относительно типичным для современного правового регулирования. В качестве такого альтернативного средства сегодня выступает, например, штраф, с успехом применяющийся как в рамках административного, так и уголовного законодательств. Разница должна быть в условиях применения мер подобного рода, в потенциальном объеме их реализации, которые бы определяли и степень их жесткости, а также в тех целях, которые ставятся законодателем перед каждой из них.

6. Во вновь, сложившейся обстановке в качестве одного из условий применения мер подобного рода, должно стать прямое указание в норме на

отсутствие какой-либо зависимости ее практического применения от гражданства виновного. Данное правило должно носить универсальный характер и, с учетом характера и степени общественной опасности посягательств, на предупреждение которых меры подобного рода направлены, предусматриваться в содержании каждой из них, вне зависимости от конкретного вида. Таким образом, само преступление и высочайшая потребность у государства в предупреждении именно данного вида общественно опасного поведения, обусловленное современной обстановкой и перспективой ее дальнейшего развития, выступают в качестве определяющих факторов каждого из условий применения исследуемых нами иных мер уголовно-правового характера.

7. Большинство, предлагаемых в работе мер иного характера представляют собой средства экстраординарного и максимально жесткого характера, находясь на грани с так называемым чрезвычайным уголовным законодательством. Их чрезвычайность также может быть определена в качестве одного из обязательных условий применения, таким образом существенно ограничив правоприменительное усмотрение и, обеспечив подконтрольное государству ограничение прав и законных интересов человека и гражданина. В условиях прямого воздействия на Российскую Федерацию, как на государство, активизации внутренних и внешних врагов, Уголовный кодекс должен претерпеть соответствующую трансформацию принципиального характера, обеспечив наличие в нем средств способных обеспечить требуемый уровень защиты.

8. Предложенные в настоящем исследовании основания в виде непримиримости к существующей власти и идеологии и отсутствию желания сотрудничества, в том числе, в целях выявления агентов иностранной разведки и агентов влияния, во-первых, напрямую связаны с отсутствием возможности предупреждения совершения новых преступлений без применения мер иного характера, а во-вторых, указывают на отсутствие возможности предупреждения совершения новых преступлений без

применения мер иного характера, не имеющих отношения к репрессии. В силу этого, формулируется вывод согласно которому также крайне важным, что в случае применения данных оснований реализации мер иного характера, можно будет говорить о точечном подходе государства к выбору средств противодействия преступности, когда вновь вводимые и используемые средства имеют строго индивидуальную направленность. В свою очередь, именно основания их применения являются способными такую точечность обеспечить, столь необходимую на современном уровне уголовно-правового регулирования общественных отношений. Только в этом случае мы сможем с полной уверенностью рассуждать и об учете индивидуальных особенностей личности преступника, что повлечет за собой достижение максимального результата по итогам применения мер государственного принуждения. В итоге будет обеспечена столь важная криминологическая составляющая (в части обоснования) включения в Уголовный кодекс Российской Федерации принципиально новых для него оснований, в данном случае оснований иных мер уголовно-правового характера.

9. Представленная в работе классификация иных мер уголовно-правового характера, направленных на противодействие преступлениям против интересов Российской Федерации, с учетом ее межотраслевого характера, придает этому направлению деятельности государства необходимую стройность и упорядоченность, именно – системность, крайне важную в решении проблемы обеспечения безопасности государственной власти, безопасности самого государства посредством реализации средств принуждения. Обеспечение соответствия данному принципу в дальнейшем позволит видеть результат работы механизма, а не проявления усмотрения на уровне конкретного исполнителя, реализации всей системы уголовно-правового воздействия в отношении тех, кто совершил преступление против интересов государства.

Предложенная в настоящем исследовании классификация, безусловно, не носит исчерпывающего характера. Более того, ее трансформация как в

ходе обсуждения, так и уже непосредственно в ходе применения, подлежит своему совершенствованию, с учетом тех особенностей, с которыми столкнется правоприменитель при ее реализации. Тем не менее, именно она на данный момент, являясь единственной в своем роде (даже на доктринальном уровне), может быть положена в основу создаваемого, в том числе и на законодательном уровне, дифференцированного подхода к уголовной ответственности за преступления исследуемой нами группы. Ее первоначальная или базовая модель, способна обеспечить ее дальнейшее развитие, с учетом соответствующих корректировок и дополнительного обоснования в современной уголовно-правовой доктрине.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты и иные официальные источники

1. *Законы СССР и постановления Верховного Совета СССР* принятые на второй сессии Верховного Совета СССР пятого созыва (23-25 декабря 1958 г.) // Закон об уголовной ответственности за государственные преступления. М., 1959.
2. *Закон об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран* / под научн. ред. А.И. Ахани. СПб., 2008. С. 44-46.
3. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации // Информационно-справочная система «КонсультантПлюс».
4. *Criminal Code Pursuant to Constitution of Socialist Republic of Vietnam. The National Assembly promulgates the Criminal Code* / URL.:<https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/585382> (дата обращения 07 января 2023 г.).
5. *Основы уголовного законодательства ССР и союзных республик* // https://ru.wikisource.org/wiki/Закон_СССР_от_25.12.1958_об_утверждении_Основ_уголовного_законодательства_Союза_ССР_и_союзных_республик (дата обращения 25.09.2022 г.).
6. *Пенитенциарный кодекс Эстонии по состоянию на 1 октября 2022 г.* (ч. ч. 3, 4 ст. 54) / URL.:<https://www.juristaitab.ee/sites/www.juristaitab.ee/files/elfinder/ru-seadused/ПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ%20КОДЕКС%2001.11.2022.pdf> (дата обращения: 28 января 2023 г.).
7. Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 12 июня 1970 г. «Об условном осуждении к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду // Ведомости Верховного Совета СССР. 1970. № 24. ст. 204.
8. *Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами*

уголовного наказания» // URL.:<https://rg.ru/documents/2015/12/29/ugolov-dok.html> (дата обращения: 25 июня 2023 г.).

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 N 19 (ред. от 29.11.2016) "О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности" // URL.:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148355/ (дата обращения: 25 июня 2023 г.).

10. *Постановление* Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания и более мягким видом наказания // URL.:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87192/ (дата обращения: 25 июня 2023 г.).

11. *Постановление* Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01 февраля 2011 г. № 1 «Применение законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // URL.:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110315/ (дата обращения: 22 августа 2023 г.).

12. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 24.10.2023).

13. Уголовный кодекс Российской Федерации 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.11.2023).

14. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. 27.11.23).

15. *Уголовный* кодекс РСФСР в ред. 1930 г. // <https://docs.cntd.ru/document/901757374> (дата обращения 24.09.2022 г.).

16. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июня 1999 г. № 295-3 // URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414958#pos=191;-56.

17. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V

18. *Уголовный* кодекс Республики Беларусь по состоянию на 13 мая 2022 г. № 165-3 // URL.:<https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения 05 января 2023 г.).

19. *Уголовный закон Латвии* по состоянию на 20 июня 2019 г. / <https://lawyer-khroulev.com/wp-content/uploads/2019/09/ugolovnij-zakon-latvii.pdf> (дата обращения: 29 января 2023 г.).

20. *Уголовный* кодекс Голландии / научн. ред. проф. Б.В. Волженкина / пер. с англ. И.В. Мироновой. СПб., 2000. С. 60.

21. *Уголовный кодекс* Республики Азербайджан по состоянию на 29.11.2022 г. // https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353#pos=5;-124 (дата обращения: 19 февраля 2023 г).

22. *Уголовный* кодекс Объединенных Арабских Эмиратов по состоянию на 2015 г. / пер. С.Н. Осипов. СПб., 2015. С. 109-110.

23. *Уголовный* кодекс ФРГ / науч. ред. Д. А. Шестаков ; пер. с нем. Н. С. Рачкова. СПб., 2003.

24. *Уголовный* кодекс Китайской Народной Республики по состоянию на 1 января 2017 г. // URL.:http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zfhz/zgflyd/201601/t20160111_3149373.htm (дата обращения 07 января 2023 г.).

25. *Уголовный* кодекс Республики Кыргызстан по состоянию на 9 августа 2022 г. № 89 // URL.: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112309> (дата обращения 06 января 2023 г.).

26. Уголовный кодекс Республики Таджикистан // URL: <http://ncz.tj/content/уголовный-кодекс-республики-таджикистан> (дата обращения: 19 февраля 2023 г.).

27. *Уголовный Кодекс Монголии по состоянию на 1 августа 2020 г.* // пер. с монг. Батболд Галбадрах, Амарсанаа Вандан-Иш // под науч. ред. проф. М.В. Бавсуна, проф. А.А. Нечепуренко. Омск, 2020. С. 32.

28. *Федеральный закон № 35 от 6 марта 2006 г. «О противодействии терроризму»* // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/

29. *Федеральный закон № 255 от 14 июля 2022 г. «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием»* // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421788/

Монографии, учебники, учебные пособия, справочные издания

30. *Авдеев В.А.* Принудительные работы как новый вид наказания в системе мер уголовно-правового характера // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2012. № 6. С. 100-101.

31. *Александров А.С., Александрова И.А.* Современная уголовная политика обеспечения экономической безопасности путем противодействия преступности в сфере экономики. М., 2017. С. 261-263.

32. *Амельчаков И.Ф., Катаева О.В.* Высылка иностранного гражданина как ограничение его права на свободу передвижения и как способ обеспечения национальной безопасности // Право. Журнал Высшей школы экономики. № 2019. № 3. С. 138-159.

33. *Анденес И.* Наказание и предупреждение преступлений. М., 1979. С. 45.

34. *Анисимов Е.В.* Русская пытка. Политический сыск в России XVIII века. СПб.: Норинт, 2004; *Марасинова Е.Н.* Смертная казнь и политическая

смерть в России середины XVIII века // Российская история. 2014. № 4. С. 53–69.

35. *Антонов А.Г.* Специальные основания освобождения от уголовной ответственности в российском уголовном праве. Новокузнецк, 2006. С. 7.

36. *Анучина Ю.Н.* Историко-правовое исследование гражданского права по Соборному уложению 1649 г.: дисс... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 12.

37. *Астахова Н.Ю.* Уголовное уложение 1903 г.: ответственность за организацию и участие в преступных сообществах // Гуманитарные исследования. 2013. № 1. С. 128-129.

38. *Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е.* Проблемы российской уголовной политики. М., 2017. С. 193.

39. *Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е.* Уголовное наказание как фактор формирования культуры и средство разрешения культурного конфликта. В сб.: Уголовная политика и культура противодействия преступности: мат.-лы междунар. научн. практ. конф. Краснодар, 2016. С. 17-19.

40. *Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е.* Уголовная политика как преодоление неопределенности в уголовном праве. В сб.: Онтология и аксиология права: девятая междунар. научн. конф. Омск, 2019. С. 38.

41. *Бабкова Г.О.* Уголовно-процессуальные законопроекты Екатерины II и российское законодательство второй половины XVIII в. (К истории указа «О трех родах воровства» 1781 г. и «Устава благочиния» 1782 г.) // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 2. С. 12-14.

42. *Бавсун М.В.* Целесообразность в уголовном праве. Омск, 2004.

43. *Бавсун М.В., Карнов К.Н.* Контроль за поведением лиц, осужденных условно или освобожденных от наказания, как иная мера уголовно-правового характера // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2010. № 3. С. 6-10.

44. *Бавсун М.В.* Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и

средства реализации. Омск, 2014. С. 211.

45. *Бавсун М.В., Вишнякова Н.В., Карпов К.Н., Николаев К.Д.* Конспект лекций по уголовному праву России. Общая часть. Омск, 2017. С. 132.

46. *Бавсун М.В.* Влияние факторов геополитического характера на изменение уголовно-правовой политики государства // *Всероссийский криминологический журнал*. 2015. № 3. С. 484.

47. *Бавсун М.В.* проблемы систематизации уголовно-правового воздействия на современном этапе // *Право. Законодательство. Личность*. 2015. № 1. С. 61-66.

48. *Бавсун М.В.* Расширение пределов уголовно-правового воздействия как необходимое условие повышения его реализации. В сб.: *Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра (памяти проф. С.Ф. Кравцова)*. мат.-лы всеросс. научн. практ. конф. Ч. 1. СПб., 2016. С. 117-119.

49. *Бавсун М.В., Николаев К.Д., Самойлова С.Ю.* Конфискация имущества в российском уголовном законодательстве. М., 2016. С. 23-25.

50. *Бавсун М.В., Попов Д.В.* Поиск концепции уголовного закона в условиях реализации принципа гиперопределенности как основного критерия его развития / *Уголовное право и культура противодействия преступности: сб. мат.-лов научн. практ. конф.* Краснодар, 2018. С. 55-61.

51. *Бавсун М.В.* Понятие и содержание уголовно-правового воздействия. В кн.: *Уголовное право Общая часть. Наказание. Академический курс в 10 томах. Т. I. Понятие, цели уголовного наказания. Система уголовного наказания / под ред. проф. Н.А. Лопашенко*. М., 2020. С. 369.

52. *Бавсун М.В.* Антропологические предпосылки формирования современной уголовной биополитики // *Российский девиантологический журнал*. 2021. № 1. С. 39-50.

53. *Бавсун М.В.* «Чрезвычайное» правовое регулирование как новая модель управления общественными отношениями // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1. С. 13.

54. *Бавсун М.В., Вишнякова Н.В., Салыкова А.К.* Назначение наказания при досудебном соглашении о сотрудничестве (соглашении о сотрудничестве) по уголовному законодательству Российской Федерации и Республики Казахстан. СПб., 2022. С. 201.

55. *Бавсун М.В.* «Событие» как эффективное средство деконструкции правового регулирования общественных отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 1. С. 10-16.

56. *Бавсун М.В.* Влияние признака публичности на криминализацию деяний и дифференциацию уголовной ответственности // Демидовский юридический журнал. 2023. Т. 13. № 3. С. 426-433.

57. *Батанов А.Н.* Иные меры уголовно-правового характера – самостоятельный институт российского уголовного законодательства? // Общество и право. 2011. № 5 (37). С. 152–154.

58. *Baumann O., Weber U., Mitsch W.* Strafrecht. Allgemeiner Teil. Aufl. Bielefeld, 2003. S. 779–780.

59. *Бектимеров Э.Л.* Иные меры уголовно-правового характера и их роль в осуществлении задачи уголовного права России: дисс... канд. юрид. наук. Саратов, 2009.

60. *Бернер А.Ф.* Учебник уголовного права. Части Общая и Особенная. Т. 1. Часть Общая. СПб., 1865. С. 4.

61. *Бодаевский В.П.* Формирование уголовного права военного времени // Труды Института государства и права РАН. 2022. Том 17. № 2. С. 128-154.

62. *Божьев В.Н., Фролов Е.А.* Уголовно-правовые и процессуальные правоотношения // Советское государство и право. 1974. № 1. С. 89.

63. *Боровских Р.Н.* Судебный штраф как мера уголовно-правового характера: цели и основание назначения // Вестник Кузбасского института. 2022. № 2. С. 13-19.

64. *Борсученко С.А.* Особенности назначения и исполнения наказаний по законодательству Италии // <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-naznacheniya-i-ispolneniya-nakazaniy-po-zakonodatelstvu-italii> (дата обращения 12 февраля 2023 г.).

65. *Будзинский С.* Начала головного права. Варшава, 1870. С. 251-253.

66. *Буклова В.А.* Эволюционные особенности системы уголовного наказания в уголовном законодательстве Российской империи XIX в. // Социально-экономические явления и процессы. 2009. № 4. С. 19.

67. *Булатов Б.Б.* Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве. Омск, 2003. С. 234-236.

68. *Булдыгерова Л.Н.* Право Российской Империи (XVII – начало XX века). Хабаровск, 2019. С. 17.

69. *Вицин С.Е.* О понятии уголовной ответственности. Сб. статей адъюнктов и соискателей. М., 1968. С. 88.

70. *Вицин С.Е.* Системный подход и преступность. М., 1980. С. 104.

71. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Ростов, 1995. С. 340.

72. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. СПб., 1892. С. 144-145.

73. *Ворошилова С.В.* Законодательство императрица Елизаветы Петровны в контексте отечественных правовых традиций // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 3. С. 219.

74. «Всем должно хранить интерес государев и государственной»: Петр I как законодатель» / Законодательство Петра I. 1696–1725 годы / Составитель, автор предисловия и вступительной статьи В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2014. С. XXX.

75. *Головненков П.В.* Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия. М., 2015. С. 66-67.

76. *Горячева Е.М.* Особенности административного и уголовного законодательства в сфере борьбы с инакомыслием в годы правления Николая I // <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-administrativnogo-i-ugolovnogo-zakonodatelstva-v-sfere-borby-s-inakomysliem-v-gody-pravleniya-nikolaya-i?ysclid=171i6b89dq275893469>.

77. *Гребенкин Ф.Б.* Понятие, признаки и виды иных мер уголовно-правового характера // Системность в уголовном праве: мат.-лы II российского конгресса уголовного права. М., 2007. С. 128.

78. *Григорьев Н.В., Сабитов Р.А.* Освобождение от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ. Хабаровск, 1993. С. 17-18.

79. *Гришанин П. Ф.* Современные проблемы уголовной политики и уголовно-правовой практики. М., 1994. С. 34.

80. *Гришко А.Я., Гришко Л.Е.* К вопросу о постпенетенциарном праве // Уголовно-исполнительное право. 2019. Т. 14. № 3. С. 211-214.

81. *Дворянсков И.В., Урда М.Н.* Выдворение иностранных граждан и лиц без гражданства за пределы Российской Федерации: к вопросу о перспективах законодательного определения в Уголовном кодексе Российской Федерации // Вестник Юго-Западного государственного университет. Серия: история и право. 2018. Т. 8. № 4. С. 137-144.

82. *Дворянсков И.В.* Интересы государства в уголовном праве: системная характеристика (на примере судебной власти). В сб.: Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: мат.-лы второй научн.-практ. конф. М., 2015. С. 273-274.

83. *Детков М. Г.* Наказание в царской России. Система его исполнения. М., 1994. С. 39.

84. *Долгополов К.А., Магомедов Г.Б.* Применение иных мер уголовно-правового характера: теоретические аспекты // *Власть закона*. 2017. № 1. С. 117-119.

85. *Егоров В.С.* Теоретико-правовой анализ мер принуждения по уголовному закону России. Пермь, 2006.

86. *Егошин О.А.* Виды наказаний в отношении военнослужащих и их применение в эпоху Петра I // *Вопросы теории и истории государства и права*. Марийский юридический вестник. Вып. 7. С. 49.

87. *Есаков Г.А., Понятовская Т.Г., Рарог А.И., Чучаев А.И.* Уголовно-правовое воздействие / под. ред. д.ю.н., проф. А.И. Рарога. М., 2012. С. 27.

88. *Есинов В.В.* Очерк русского уголовного права. Часть Общая. Преступление и преступники. Наказание и наказуемые. Варшава, 1894. С. 325.

89. *Ефименко И.А.* Составы политических преступлений в Уложении о наказании уголовных и исправительных 1845 г. // *Общество и право*. 2004. № 4. С. 57.

90. *Жалинский А.Э., Рерихт А.* Введение в немецкое право. М., 2001. С. 637.

91. *Jeschek H.-H.* Lehrbuch des Strafrechts. 4 Aufl. S. 777.

92. *Жунушева Г.Б.* Проблемы ответственности за сепаратистскую деятельность по уголовному праву Кыргызской Республики // *Всероссийский криминологический журнал*. 2023. Т. 17. № 3. С. 274-276.

93. *Загидуллин М.Р.* Юридическая ответственность в судебном процессе России по судебникам 1497 и 1550 г. // *Ученые записки Казанского университета. Серия «гуманитарные науки»*. 2019. № 1. С. 37.

94. *Ильин И.С.* Криминологическая характеристика и предупреждение демонстративно-протестной преступности. М., 2023. С. 305-306.

95. *Ильин И.С.* Политика реагирования на протестные движения как основа предупреждения демонстративно-протестных преступлений // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16. № 3. С. 321.

96. *Иногамова-Хегай Л.В.* Уголовная ответственность и иные меры уголовно-правового характера. В сб.: Уголовное право: стратегия в развития в XXI веке: мат-лы X междунар. научн-практ. конф. М., 2013. С. 197.

97. *Казанцева Е.В.* Правовое регулирования ограничения свободы передвижения в период распространения COVID-19 // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7. № 1. С. 211-217.

98. *Каминская В.И.* Охрана прав и законных интересов граждан в уголовно-процессуальном праве // Советское государство и право. 1968. № 10. С. 28.

99. *Каплин М. Н.* Виды уголовно-правовых последствий преступления // Актуальные проблемы уголовного права и процесса на современном этапе. 2019. № 8. С. 64.

100. *Karen Harrison.* Managing High-Risk Sex Offenders in the Community. Portland, 2010. S. 106; или: *The Los Angeles Times.* 1996. 18 September.

101. *Карпов К.Н.* Иные меры уголовно-правового характера: система и виды. М., 2012. С. 205.

102. *Карпов К.Н.* Функция контроля в уголовном праве: постановка проблемы // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 4. С. 5-8.

103. *Карпов В. С.* К проблеме определения понятия меры уголовно-правового характера и его регламентации в УК РФ // Пролог. 2013. № 3. С. 31.

104. *Квашиш В.Е.* К проблеме культуры противодействия преступности. В сб.: Уголовная политика и культура противодействия преступности: мат.-лы междунар. научн. практ. конф. Краснодар, 2016. С. 24.

105. *Келина С.Г.* Наказание и иные меры уголовно-правового характера // Государство и право. 2007. № 6. С. 51.

106. *Клебанов Л. Р.* 10 лет Российскому Уголовному Кодексу: достоинства и недостатки // Государство и право. 2006. № 9. С. 111.

107. *Клейменов И.М.* Сравнительная криминология. М., 2012. С. 104, 107.

108. *Кобзева Е.В.* Об уголовной политике (под влиянием научных взглядов Н.А. Лопашенко) / Е.В. Кобзева // Библиотека уголовного права и криминологии. 2014. № 3. С. 20–28.

109. *Кобец П.Н.* О развитии современной теории предупреждения преступлений посредством включения в нее теории предупреждения правонарушений административно-правовыми средствами. В сб.: Вопросы правовой теории и практики. Вып. 19. Омск, 2014. С. 24.

110. *Кожевников В. В.* Теория государства и права. Омск, 2009. Ч. II. 183 с.

111. *Козлов А.П.* Уголовная ответственность, соединенная с иными мерами уголовно-правового характера. В кн.: Уголовная политика. Уголовная ответственность / под ред. проф. Н.А. Лопашенко. М., 2016. С. 595-596.

112. *Козочкин И. Д.* Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. СПб., 2007. С. 274.

113. *Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности / под научн. ред. проф. Н.В. Щедрина.* Красноярск, 2010. С. 175.

114. *Корецкий Д. А.* Идеологические проблемы борьбы с преступностью // Законность. 2004. № 5. С. 2.

115. *Корниенко А.С., Самохвалов Н.А.* COVID-19: правовое регулирование всеобщей вакцинации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 14. № 5. С. 148-166.

116. *Костыря А.С.* Административное выдворение, депортация и реадмиссия: сравнительно-правовой анализ // Наука. Теория. Практика. 2017. № 2. С. 46-49.

117. Краткое изображение процессов или судебных тяжб // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое 1649–1825 гг.: в 45 т. Т. 5 (1713–1719). СПб.: Типография II Отд. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. С. 410–411.

118. *Кузнецов А.П.* Государственная политика противодействия налоговым преступлениям: проблемы формирования, законодательной регламентации и практического осуществления / под ред. П.Н. Панченко. Н. Новгород, 2003. С. 68.

119. *Курс советского уголовного права. Часть Особенная. Т. 3* / отв. ред. проф. Н.А. Беляева, М.Д. Шаргородский. Л., 1973. С. 231.

120. *Лапшин В.Ф.* Природа иных мер уголовно-правового характера и конфискации имущества // Пенитенциарная наука. 2008. № 1. С. 74-75.

121. *Лист Ф. Ф.* Задачи уголовной политики. М., 2004. С. 31.

122. *Лейкина Н.С.* Личность преступника и уголовная ответственность. Л., 1968. С. 26-27.

123. *Лепина Т.Г., Шатанкова Е.Н.* Проблемы применения судебного штрафа как основания освобождения от уголовной ответственности // Уголовное право. Уголовный процесс. Криминалистика. 2020. № 2. С. 251-257.

124. *Лопашенко Н.А.* Изменение уголовно-правового воздействия и его влияния на меняющийся мир (в качестве постановки проблемы) / Н.А. Лопашенко // Библиотека уголовного права и криминологии. 2014. № 3. С. 13–19.

125. *Лунеев В.В.* Курс мировой и российской криминологии. Общая часть. Т. 1. М., 2015. С. 490-491.

126. *Луппова М. А.* К вопросу о системе наказаний и практика ее применения по Соборному Уложению 1649 года // Молодой ученый. 2021. № 20. С. 346-349.
127. *Люблинский П.И.* Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса. М., 2004. С. 35.
128. *Малиновский И.* Лекции по истории русского права. Ростов н/Д., 1918. С. 318.
129. *Марцев А.И.* Специальное предупреждение преступлений. Томск, 1977. С. 6.
130. *Марцев А.И.* Уголовная ответственность как средство предупреждения преступлений. Омск, 1980. С. 12-14.
131. *Марцев А. И.* Избранные труды. Омск, 2005. С. 43.
132. *Милюков С.Ф., Никуленко А.В.* Некоторые направления российской уголовно-правовой политики в сфере силового противодействия преступности // Библиотека уголовного права и криминологии. 2014. № 2. С. 86-90.
133. *Миняева Т.Ф., Серебренникова А.В., Абдикарим А.А.* Меры безопасности: законодательная регламентация в России и зарубежных странах // Пробелы в Российском законодательстве. 2016. № 2. С. 84-85.
134. *Мейер Б. Д.* Уголовно-правовые санкции. Берлин, 2001. С. 7.
135. *Меры уголовно-правового характера: монография* / В.К. Андрианов, В. Ф. Лапшин, Ю. Е. Пудовочкин, А. А. Толкаченко / под ред. Ю. Е. Пудовочкина. М., 2022. С. 93.
136. *Морозова Л. А.* Теория государства и права : учебник. М., 2010. С. 39.
137. *Музеник А.К.* Дифференциация уголовной ответственности: формы и виды. Томск, 2005. С. 6, 7.
138. *Муравьев К.В.* Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация. Омск, 2017. С. 59.

139. *Наташев А.С., Стручков Н.А.* Основы теории исправительно-трудового права. М., 1967. С. 9-10.

140. *Непомнящая Т.В.* Наказание и меры уголовно-правового характера в системе мер противодействия преступности. В сб.: Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты: мат-лы III Российского конгресса уголовного права. М., 2008. С. 86-87.

141. *Непомнящая Т.В.* Иные меры уголовно-правового характера: понятие, юридическая природа, система // Правоприменение. 2017. № 1. С. 118-119.

142. *Нечепуренко А.А.* Содержание и формы реализации уголовной ответственности. В сб.: Актуальные проблемы уголовного права. Омск, 2010. С. 32-34.

143. *Нечепуренко А.А.* Перспективы законодательного регулирования института освобождения от уголовной ответственности. В сб.: Вопросы правовой теории и практики. Вып. 14. Омск, 2014. С. 15-25.

144. *Нечепуренко А.А.* Уголовная ответственность: эволюция понятия и перспективы законодательного регулирования. Омск, 2014. С. 87-88.

145. *Николюк В.В.* Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: доктрина, законодательная конструкция, толкование и проблемы практического применения. Орел, 2015. С. 79-80.

146. *Новикова Е.А.* Правовая природа ограничения свободы // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 8. С. 1699-1700.

147. *Памятники* права периода образования русского централизованного государства XIV-XV веков / под ред. Л.В. Черепнина. М., 1955.

148. *Паукова Ю.В.* К вопросу об основаниях применения административного выдворения, депортации и реадмиссии иностранных

граждан // Административное право и практика администрирования. 2022. № 2. С. 38-49.

149. *Пионтковский А.А.* О понятии уголовной ответственности // Советское государство и право. 1967. № 12. С. 40.

150. *Пирожников А.Н.* Исторические предпосылки разработки иных мер уголовно-правового характера, направленных на ограничение прав лиц, совершивших преступления против интересов Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1. С. 110-119.

151. *Пирожников А.Н.* Правовая природа иных мер уголовно-правового характера, связанных с ограничением прав лиц, совершающих преступления против интересов Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 3. С. 105-110.

152. *Пирожников А.Н.* Правовая регламентация в зарубежном уголовном законодательстве средств воздействия на лиц, совершивших преступления против своих стран // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 2. С. 33-41.

153. *Пирожников А.Н.* Условия применения иных мер уголовно-правового характера, направленных на ограничение прав лиц, совершающих преступления против интересов Российской Федерации // Журнал правовых и экономических исследований. 2023. № 3. С. 212-219.

154. *Пирожников А.Н.* Основания применения иных мер уголовно-правового характера, направленных на ограничение прав лиц, совершающих преступления против интересов Российской Федерации // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2024. № 1.

155. *Познышев С.В.* Основные вопросы учения о наказании. М., 1904. С. 72.

156. *Похмелкин А.В., Похмелкин В.В.* Идеология и уголовная политика. М., 1992. С. 18.

157. *Пунигов А.С.* Иные меры уголовно-правового характера (понятие, виды, общая характеристика). Владимир, 2007. С. 21.
158. *Рахманова Е.Н.* Депортация: преступление или процедура. В сб.: Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра (памяти проф. С.Ф. Кравцова). мат.-лы всеросс. научн. практ. конф. Ч. 1. СПб., 2016. С. 92-94.
159. *Радищев А.Н.* Избранные философские сочинения. М.,1949. С.405.
160. *Романовская В.Б., Рогов С.Л.* Политические преступления по Уголовному уложению 1903 года // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. № 3. С. 186-187.
161. *Rush G.* The dictionary of criminal justice. The Dushkin Publishing Group, Inc. Com., 1991. P. 257.
162. *Сандугей А.Н.* Депортация: наказание или процедура // Административное право и процесс. 2005. № 1. С. 32–35.
163. *Сергеев Д.Н.* Правовая природа постпенетенциарного административного надзора // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 8. С. 1709-1711.
164. *Сергиевский Н.Д.* Русское уголовное право: пособие к лекциям. Часть Общая. Пг., 1915. С. 63.
165. *Сергиевский Н.Д.* Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть Общая. СПб., 1887. С. 240.
166. *Сидоркин А. И.* Наказания, связанные с лишением и ограничением свободы в русском уголовном законодательстве IX-XVII вв.: проблемы правового регулирования, систематизации и применения. Казань, 2012.
167. *Сквозников А.Н.* Ответственность за преступления против правосудия и интересов государственной службы по Судебникам 1497 и 1550 гг. // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2012. № 1. С. 82.

168. *Советское уголовное право. Часть Особенная* / отв. ред. проф. М.И. Ковалева. М., 1983. С. 19.

169. *Солодкин И. И.* Некоторые вопросы уголовного права и законодательства в работах М. М. Сперанского // *Правоведение*. 1965. № 1. С. 159-164.

170. *Степанова О.В.* Зарождение новой формы ссылки в России в XVIII веке // *Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского*. 2008. № 6. С. 81.

171. *Сундуров Ф.Р.* Природа и проблемы систематизации мер в уголовном праве // *Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки*. 2018. Том 160. Кн. 2. С. 499-500.

172. *Сундуров Ф.Р., Боковня А.Ю.* Природа и признаки мер уголовно-правового характера // *Вестник экономики, права и социологии*. 2022. № 1. С. 108-110.

173. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право (лекции): Часть общая. М., 1999. С. 110.

174. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Часть Общая. Т. II. Тула, 2001. С. 11.

175. *Томсинов В.А.* Соборное уложение 1649 года как памятник русской юриспруденции. Опубликовано в издании: *Соборное уложение 1649 года. Законодательство царя Алексея Михайловича* / Составитель, автор предисловия и вступительных статей В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2011. С. 32.

176. *Томсинов В.А.* Законодательство императрицы Екатерины I: комментарий *Опубликовано в издании: Законодательство Екатерины I и Петра II* / Составитель и автор вступительных статей В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2009. С. XIII–XXIII. (Серия «Русское юридическое наследие»).

177. *Уголовное право* Общая часть. Наказание. Академический курс в 10 томах. Т. 1. Понятие, цели уголовного наказания. Система уголовного

наказания. Книга 1. Понятие уголовного наказания / под ред. проф. Н.А. Лопашенко. М., 2020. С. 371.

178. *Уголовное* законодательство зарубежных стран : сб. законодательных мат-лов / под ред. И. Д. Козочкина. М., 2001.

179. *Уголовное* право Общая часть. Преступление. Академический курс в 10 томах. Т. 3. Уголовная политика. Уголовная ответственность / под ред. проф. Н.А. Лопашенко. М., 2016. С. 625-626.

180. *Уголовный* кодекс Китая // под ред. проф. А.И. Коробеева, проф. А.И. Чучаева / пер. с китайского проф. Хуан Даосю. М., 2017. С. 13.

181. *Упоров И.В.* Теория уголовного наказания в России: от екатерининского «Наказа» до системных исследований начала XIX века // Гуманитарный научный вестник. 2017. № 7. С. 20-22.

182. *Филимонов В.Д.* Постпенетенциарный контроль. Томск, 1991.

183. *Федотова В. Г.* Апатия на Западе и России // Вопросы философии. 2005. № 3. С. 27.

184. *Ферри Э.* Уголовная социология. М., 2005. С. 34.

185. *Фефелов П.А.* Механизм уголовно-правовой охраны. Основные методологические проблемы. М., 1992. С. 194-197.

186. *Фойницкий И.Я.* Учение о наказании с связи с тюрьмоведением. М., 2000. С. 9.

187. *Хван Т.С.* Высылка за пределы Российской Федерации как вид уголовного наказания: перспективы возможного применения // Государственная служба и кадры. 2019. № 3. С. 178.

188. *Хлебушкин А.Г.* Преступления экстремисткой направленности в системе посягательств на основы конституционного строя. М., 2018.

189. *Цховребова И.А.* Отказ от участия в следственном действии: конституционное право или неисполнение процессуальной обязанности // Труды академии управления МВД России. 2015. № 3. С. 23-27.

190. *Чирскова И.М.* Сыск и наказания «воров» и «разбойников» в правовой культуре периода царствования Елизаветы Петровны // Вестник

Российского государственного гуманитарного университета:

Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2020. № 8. С. 41-42.

191. *Чернышев Д.Б.* Злоупотребление свидетелем правом отказа от дачи показаний // Юридическая и правоохранительная практика. 2019. № 1. С. 151-154.

192. *Чубинский М. П.* Очерки уголовной политики. М., 2008. С. 381.

193. *Чубинский М.П.* Очерки уголовной политики. Понятие, история и основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права. М., 2008. С. 394.

194. *Чуклина Э.Ю.* Уголовно-правовые нормы с двойной превенцией: понятие, система и механизм превентивного воздействия // Полицейская и следственная деятельность. 2020. № 3. С. 61.

195. *Чучаев А.И.* Уголовно-правовая доктрина о наказании в уголовном праве: исторический обзор. В кн.: Понятие, цели уголовного наказания. Система уголовного наказания. Книга 1. Понятие уголовного наказания / под ред. проф. Н.А. Лопашенко. М., 2020. С. 58-60.

196. *Шнейдер М.А.* Учебно-методическое письмо по советскому уголовному праву для студентов ВЮЗИ. М., 1950. С. 37.

197. *Щедрин Н. В., Терещенко А. И.* Меры безопасности в уголовном законодательстве России и некоторых европейских стран // Правовая реформа и зарубежный опыт : сб. науч. ст. Красноярск, 2000. С. 102–123.

198. *Щедрин Н.В.* Меры уголовно-правового характера. В сб.: Актуальные проблемы уголовного права. Омск, 2010. С. 68-69.

199. *Щедрин Н.В.* Категории антикриминальной безопасности. В сб.: Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее: мат.-лы VIII Российского конгресса уголовного права. М., 2013. С. 251-252.

Диссертации, авторефераты диссертаций

200. *Бавсун М.В.* Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации: автореф... докт. юрид. наук. Омск, 2013. С. 4.

201. *Бавсун М.В.* Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации: дисс... докт. юрид. наук. Омск, 2013. С. 89.

202. *Жук М.С.* Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: автореф. дисс... докт. юрид. наук. Краснодар, 2013. С. 14.

203. *Кетенчиева Е.С.* Преступность мигрантов в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (на примере г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области): автореферат дисс ... канд. юрид. наук. СПб., 2023. С. 8-9.

204. *Пикуров Н.И.* Теоретические проблемы межотраслевых связей в уголовном праве: автореф. дисс... докт. юрид. наук. М., 1998. С. 4-6.

205. *Шмидт Т. Н.* Чрезвычайное правовое регулирование: общетеоретическое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Шмидт Татьяна Николаевна. – Челябинск, 2014. С. 8.

Электронные источники информации

206. *Высылка иностранцев: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18.12.2014 г. // A/RES/69/ 119 // URL: <http://www.refworld.org.ru/docid/549d30f64.html>*

207. *Губернатор Балицкий: на Украину выдворяли лиц, не поддерживающих спецоперацию // URL.: [https://dzen.ru/news/story/adf51ee0-ce19-52a1-ac08-](https://dzen.ru/news/story/adf51ee0-ce19-52a1-ac08-8190f36ed5b2?annot_type=trust&cl4url=08623f35a16be0891bf61634030097fb&fan=1&from=newsapp&lang=ru&persistent_id=2770273029&stid=a1UWsnXfZJnGAz_S9bKD&story=7749016d-e428-5cfd-8271-3635d989f4b8&t=1708837379&tst=1708837798)*

8190f36ed5b2?annot_type=trust&cl4url=08623f35a16be0891bf61634030097fb&fan=1&from=newsapp&lang=ru&persistent_id=2770273029&stid=a1UWsnXfZJnGAz_S9bKD&story=7749016d-e428-5cfd-8271-3635d989f4b8&t=1708837379&tst=1708837798

(дата обращения: 25 февраля 2024 г.).

208. Жителя Камчатского края лишили гражданства РФ за призывы к экстремизму // URL.: <https://www.interfax.ru/russia/923818> (дата обращения: 17 октября 2023 г.).

209. *Законодательный вестник Грузии* // URL.: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=242> (дата обращения 14 января 2023 г.).

210. Кабмин хочет запретить судимым за педофилию посещать образовательные учреждения URL.: https://dzen.ru/news/story/Kabmin_khochet_zapretit_sudimym_zapedofiliyu_poseshhat_obrazovatelnye_uchrezhdeniya--725dff4b772598542100cf9c7caaed95?fan=1&from=newsapp&issue_tld=ru&lang=ru&persistent_id=2765295401&stid=hYCTac8Khf3Fns9zBt2h&story=2c66cc20-0fae-5b3e-b503-b6ec3d9e6810&t=1702747546&tst=1702748035 (дата обращения: 17.12.2023 г.).

211. «Комитет Госдумы по законодательству и госстроительству одобрил поправки, которые касаются выборов в регионах с введенным военным положением, и перемещения жителей на таких территориях. Впрочем, часть инициатив касается и всей территории России» // <https://www.fontanka.ru/2023/05/15/72306476/> (дата обращения: 21 мая 2023 г.); <https://sozd.duma.gov.ru/bill/168783-8> (дата обращения: 21 мая 2023 г.).

212. *Прокофьев В.* Французский парламент расширил полномочия спецслужб [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2015. – 6 мая. – URL: <http://www.rg.ru/2015/05/06/france-site.html> (дата обращения: 15.01.2023).

213. *Россия* может депортировать семьи мигрантов, чьи дети потушили Вечный огонь // URL.: https://ria.ru/20231212/vechnyy_ogon-1915201041.html (дата обращения: 17.12.2023 г.).

214. Указание Генпрокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24.01.2020 (ред. от 13.07.2020) "О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности // "Справочно-информационная

система

Консультант-Плюс

/

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_345696/1ff26a26ef4e0493e7fdd0c911461e97ca14695f/? (дата обращения: 12.01.2022 г.).

215. Судебник 1550 г. Перевод В.Г. Цыганова // https://dep_iogip.pnzgu.ru/files/dep_iogip.pnzgu.ru/normativnie_akti/sudebnik_1550_goda.pdf?ysclid=l5z63yka5j687290179

216. *Савченко Д.А.* Модернизация российского законодательства XIX века об ответственности за государственные преступления // <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-rossiyskogo-zakonodatelstva-xix-veka-ob-otvetstvennosti-za-gosudarstvennyie-prestupleniya/viewer>.

217. ФСБ прекратила уголовное дело против Пригожина о мятеже // URL.:<https://www.rbc.ru/politics/27/06/2023/649a98969a79475c879757ed> (дата обращения: 15 июля 2023 г.).

Материалы практики

218. *Постановление* Гатчинского городского суда Ленинградской области № 5/1201/2023 от 12.02.2023 г.

219. *Постановление* Красносельского районного суда г. Санкт-Петербурга. № 5-2164/2023 от 16 декабря 2023 г.

220. *Постановление* Красносельского районного суда г. Санкт-Петербурга. № 3-2163/2023 от 16 ноября 2023 г.

221. *Постановление* Красносельского районного суда г. Санкт-Петербурга. № 8-2199/2023 от 19 октября 2023 г.

222. *Постановление* Красносельского районного суда г. Санкт-Петербурга. № 2-2188/2024 от 1 июля 2024 г.

223. *Постановление* Красносельского районного суда г. Санкт-Петербурга. № 5-2167/2023 от 1 ноября 2023 г.

224. *Постановление* Красносельского районного суда г. Санкт-Петербурга. № 5-2244/2024 от 16 июня 2024 г.

225. *Постановление* Калининского районного суда г. Санкт-Петербурга. № 5-2994/2024 от 10 апреля 2024 г.

226. *Постановление* Приморского районного суда г. Санкт-Петербурга. № 5-2162/2024 от 12 января 2024 г.

227. *Постановление* Красносельского районного суда г. Санкт-Петербурга. № 9-8169/2024 от 6 февраля 2024 г.

228. *Постановление* Красносельского районного суда г. Санкт-Петербурга. № 2-3363/2024 от 6 мая 2024 г.

229. *Постановление* Адмиралтейского районного суда г. Санкт-Петербурга. № 1-2168/2024 от 22 августа 2024 г.